

ЕВГЕНИЙ СИВКОВ

ЧУВСТВА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Евгений Владимирович Сивков

Чувства

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51393069

SelfPub; 2024

Аннотация

В своем захватывающем произведении "Чувства", Евгений Сивков погружает читателя в мир, где границы между реальностью и воображением стираются. Автор задает провокационный вопрос: а что если наши самые глубокие чувства не принадлежат нам? Что если любовь, ненависть, страх, голод, стыд и радость могут быть искусственно вызваны кем-то извне? Сивков представляет читателю фантастический мир, где отрицательные эмоции особенно ценятся неизвестными силами за их "калорийность". Это путешествие за пределы обыденного восприятия эмоций ставит под вопрос нашу автономию и власть над собственными чувствами. "Чувства" – это не просто книга; это вызов, бросаемый каждому, кто осмелится взглянуть под поверхность своего эмоционального мира. Книга содержит нецензурную брань, что делает ее еще более живой и правдивой.

Содержание

Эпизод 1. Свет под небесами	5
Глава 2	10
Глава 3	17
Глава 4	25
Глава 5	32
Глава 6	38
Глава 7	43
Эпизод 2. Любимая игрушка	49
Глава 2	53
Глава 3	59
Глава 4	66
Глава 5	70
Глава 6	75
Эпизод 3. Неуловимый след	80
Глава 2	88
Глава 3	94
Глава 4	98
Глава 5	103
Глава 6	110
Глава 7	117
Глава 8	124
Эпизод 4. Железная леди	138
Глава 2	144

Глава 3	150
Глава 4	154
Глава 5	158
Глава 6	166
Эпизод 5. Конкуренты	169
Глава 2	174
Глава 3	183
Глава 4	188
Глава 5	195
Глава 6	204
Глава 7	208
Глава 8	212
Глава 9	218
Конец ознакомительного фрагмента.	222

ЕВГЕНИЙ СИВКОВ

ЧУВСТВА

Эпизод 1. Свет под небесами

Глава 1

– Серёж, скажи, а ты высоты не боишься?

– Хочешь, чтобы мы альпинизмом занялись?

– Что-то вроде того. Только не мы, а ты. И не тем, бессмысленным – в Гималаях себе шею свернуть, – это не дело.

Серёжа хихикнул.

– Правильно делаешь, что хихикаешь – с такими зубами не смеются.

Зубы у парня были, конечно, самые что ни на есть ровные, но после такого выпада со стороны любимой он смущённо примолк.

Тихий осенний вечер затушил суету мегаполиса. Сизая дымка облаков смягчила краски, приглушила звуки и с мастерством великого художника подчеркнула угасающие лучи предзакатного солнца. Игривый, ещё тёплый ветерок ласково ворошил груды жёлтых и красных листьев, задорными фонтанчиками подкидывая их вверх и бросая под ноги прохожим. По набережной, тянущейся вдоль закованной в

мрамор реки, прогуливались молодые парочки, катались на скейтах и роликовых коньках стайки подростков. Неон вечерних огней окрасил воду в мистические цвета, и, кажется, будто кто-то специально устроил для гуляющих это впечатляющее фаер-шоу. По ту сторону реки возвышались огромные башни – очередное творение извращённой архитектурной фантазии. Рабочий день в большинстве офисов уже закончился, и стеклянные исполины погрузились во мрак, лишь на самом верхнем этаже одного из них светились окна заядлого трудоголика.

Аня и Серёжа – молодые люди лет двадцати – неторопливо шагали вдоль реки. Парень приобнял девушку за плечи, а она положила руку ему на талию. Модные рваные джинсы, цветные кеды – так сегодня выглядят миллионы студентов по всему свету. Парень украсил роскошную русую шевелюру чёрной банданой, что придало ему несколько бесшабашный вид. Девушка собрала длинные светлые волосы в «конский хвост», тем самым удачно подчеркнув безупречный овал лица, высокие скулы, большие, по-напускному детские, глаза и совсем недетские чувственные губы. Природа не обделила молодых людей физическими данными. Широкие плечи молодого человека гармонировали с выразительными изгибами фигуры его подруги. «Прекрасная пара!» – без сомнения воскликнул бы каждый, глядя на них.

– И каким же альпинизмом мне стоит заняться? Промышленным, что ли? Лазить по высоткам и рекламу развешивать?

вать?

– Нет, мне другой альпинизм нравится. Карьерный. Представляешь, как классно взобраться на самую вершину социальной пирамиды?

Серёжа сделал шаг вперёд, встал перед Аней, нежно приподнял её голову за подбородок и посмотрел ей прямо в глаза, будто хотел сказать нечто очень важное.

– Анечка! – торжественно начал он и сделал паузу.

За его спиной, как раз там, куда повернулась лицом девушка, горела огнями река. Её взгляд приковал яркий свет, и, не в силах оторвать глаз, она смотрела на него в полнейшем восторге. А потом, скользя по воде, взгляд метнулся выше. Всё выше и выше вверх, к небу, туда, где, ярким пятном выделялись на фоне тёмного небоскрёба одиноко светящиеся окна.

– И чтоб офис был во-о-он там, на самой верхотуре. – Аня оторвалась от магического зрелища и «вернулась» к Серёже. – Будешь зарабатывать кучу денег, а промышленные альпинисты пускай по фасадам лазают – рекламу твоих компаний развешивают.

– Здорово! Такого альпинизма я точно не боюсь. Не хочу я быть лузером. – Серёжа рассмеялся и сгрёб Аню в охапку, возможно не очень галантно, но зато искренне.

– Я в тебя верю, у тебя получится. Станешь успешным, купишь мне красивую красную машинку.

– Я так понял, ты составишь мне компанию?

Серёжа ласково дёрнул Аню за хвостик, будто ставя вопросительный знак в конце предложения.

– Я, пожалуй, буду твоей группой поддержки.

– В смысле?

– Я же девочка, чтобы ты много денежек для меня заработал, я тебя, скалолаз ты мой, пирожками кормить буду. Ты во время восхождения проголодаешься, а тут я тебе – раз, и пирожок с капустой. А потом с грибами.

– Не хочу с капустой и с грибами, – шутливо заворчал Серёжа. – С креветками хочу, с гребешками и огурцами. Только огурцы должны быть морские.

– Меня бабушка научила пирожки печь, а не всякие там гламурные суши делать. Для мужчины это несерьёзно. Зачем тебе морская живность в тесте?

– Так вкусно же и для потенции полезно.

Аня вырвалась из объятий будущего бизнес-альпиниста и звонко засмеялась, прикрывая рот изящной ладошкой.

– Ой, не могу, для потенции... Кто бы говорил! Пирожки с виагрой ему подавай! Это ты мне после вчерашнего рассказывать будешь?

Серёжа поймал ускользнувшую было подругу, обнял и закружился в ритме вальса.

– Ты сама как пирожок, ещё мне про вчерашнее напоминаешь, – многозначительно шептал он в девичье ушко, нежно прихватывая зубами порозовевшую мочку. – Я тебя съем, не нужны мне креветки с капустой и огурцы с грибами. С

такой, как ты, и виагра сто лет не нужна.

Аня задорно потрепала Серёжину шевелюру, прошептав: «Не слышны в мозгу даже шорохи!..»

А он нежно поставил Аню на землю, снова обнял за плечи и устремил взгляд к светлой полоске на вершине небоскрёба.

– Я там буду, обещаю, ради тебя взойду на самую вершину!

Глава 2

Если мысленно перенестись туда, куда направил свой взгляд Серёжа, в тот самый офис, окна которого горят допоздна, то окажешься в просторном зале с высокими потолками. Офис, занимающий весь этаж, практически пуст. Пол покрывает серый мрамор, панорамные окна, они же стены, смотрят на все стороны света. Кажется, что отсюда можно увидеть целый мир, если, конечно, хорошенько приглядеться. В центре зала расположен огромный прямоугольный стол, в торце массивное кресло с высокой спинкой. Сразу бросается в глаза, что на столе отсутствует повседневная офисная неразбериха. Ни вороха писем, ни стопок бумаг – ничего. Несколько мониторов последнего поколения, клавиатура, мышь – всё. Поодаль стоит другой стол. Он составляет полную противоположность первому – настоящее офисное царство. Однако беспорядка нет. Бумаги в идеальном состоянии, всё разложено, расставлено, подписано с каким-то невероятным рационализмом и даже любовью. Посреди стола ещё один монитор – самый большой. Кресло мягкое, глубокое, уютное, в таком скорее телевизор смотреть, а не работать.

Женщине, сидящей в кресле, на вид лет шестьдесят пять, но внимание она привлекает не меньше, чем любая юная красотка. Лицо, покрытое сеткой морщин, освещают боль-

шие голубые глаза, которых не коснулось время. Невольно возникает мысль, что за жизнь дама поломала не одну мужскую судьбу. Мощную энергию, которая исходит от неё, способен почувствовать любой мужчина в возрасте от шестнадцати до шестидесяти пяти в радиусе десяти метров. Весь её облик продуман до мелочей. Причёска, макияж, одежда – многие модницы позавидовали бы этой пожилой последовательнице Коко Шанель. Про таких женщин говорят, что даже стареют они красиво. И это не пустые слова – наша героиня восхитительна. Достоинство, с которым она держится, безупречная осанка и шарм демонстрируют вкус, самодостаточность, уверенность в себе и тот расслабленный покой, который доступен немногим целостным натурам, познавшим себя и нашедшим мудрость жизни. Возможно, это и есть истинная красота.

Итак, перед нами «женщина с большой буквы», икона стиля, образец для подражания. И что мы видим? Наш образец уверенно «режется» в одну из современных компьютерных игр из серии «старый опытный камикадзе».

Любуясь вечерними огнями, у окна стоит ещё один персонаж. Сорок лет, рост выше среднего, тёмные волосы пересыпаны сединой, взгляд устремлён вдаль. Мужчина стоит, покачиваясь: пятка – носок, носок – пятка. В одной руке кружка с кофе, другую держит в кармане.

Внезапно раздаётся мелодичный звонок – пришло сообщение на электронку. Дама вмиг бросает игру и начинает

быстро теревить пальцами клавиатуру. Теперь она сосредоточена и полностью сконцентрирована на работе.

– Игорь Александрович, кажется, у нас заказ намечается.

Мужчина отрывает от горизонта пронзительно-гипнотический взгляд серо-голубых глаз, стряхивает с себя задумчивость, резко оборачивается, а через секунду уже стоит позади своей импозантной секретарши.

– Что там, Маргарита Терентьевна? Надеюсь, вы потревожили меня ради чего-то мало-мальски интересного.

– Нашедшего выход затаптывают первым, – хмыкнула себе под нос секретарша. – Взгляните сами.

Игорь Александрович склоняется к монитору.

– Так-так-так. Если мне не изменяет зрение, нам заказана «несчастливая любовь, приправленная суицидальными настроями»?

– Совершенно верно, Игорь Александрович. Именно так – VIP-заявка №114/3. Предпочтения по ингредиентам не обозначены, сроки приготовления не ограничены, рецептура – на наш выбор. Только в спецпометках представитель клиента указал: «чем острее, тем лучше».

Маргарита Терентьевна вздохнула и тихонько прошептала:

– Пожалейте мои седины! Поострее они просят. А, впрочем... не моё это дело.

Последние слова она произнесла, почувствовав на себе всё тот же пронзительный взгляд своего босса. Ни слова не

говоря, он донёс до секретарши, что лучше ей от высказывания своих мыслей вслух отказаться, а ещё лучше быстрее приступить к работе.

И она приступила. Действуя по давно заученному наизусть алгоритму, она сформировала запрос, задав программе определённые параметры поиска. Ждать пришлось недолго. Машина выдала ответ: около пятисот тысяч вариантов.

Игорь Александрович следил за процессом стоя. Увидев результат, он коротко бросил:

– Сужайте географию до одного города, обленился я что-то – не хочу в Африку за нашими «ингредиентами» тащиться.

Маргарита Терентьевна кивнула.

Новый запрос выдал гораздо меньше вариантов. Монитор мигал всего лишь несколькими зелёными, жёлтыми и парочкой красных точек. Красный цвет означал идеальное соответствие параметрам. Одна из точек светилась прямо возле стеклянного небоскрёба, можно сказать, фактически у его ног.

– Берите их, – распорядился Игорь Александрович, указывая на ближайшую красную точку.

– Вы уверены?

– Абсолютно. Я их уже знаю, – с видом заговорщика улыбнулся он. – Но, если вы, коллега, настаиваете, давайте запустим сканирование.

На экране монитора возникли очертания двух молодых

людей. Картинка всё укрупнялась. Вскоре Маргарита Терентьевна смогла разглядеть простенькие серёжки в ушах у девушки и маленькую родинку над бровью у парня.

– Достаточно!

Игорь Александрович отошёл от стола и пустился в «кругосветное» путешествие по залу, будто так мысли и идеи лучше посещали его.

– Итак, что у нас есть? – донеслось издалека.

– Молодому человеку двадцать один, барышне девятнадцать. Знакомы семь месяцев, в интимной связи состоят три недели. Физические данные впечатляют. С точки зрения темперамента перспективы для нас самые радужные.

– В какой фазе пребывает любовная диспозиция?

– Фаза первичного возгорания. Режим тестирования пройден, ухаживания развиваются полным ходом, они уже достигли стадии пробного секса, в рекламных целях со стороны женщины, разумеется. Она старается крепко зацепить своими цепкими коготками пригодного к роли кормильца мужчину, привязать к себе с помощью приятных ощущений. Уровень сексуальной напряжённости у него в настоящий момент находится выше критической линии – на отметке девяносто шесть процентов.

– Ого! Недурно! Конечно, в такой ситуации я бы настоятельно рекомендовал этой парочке не выбираться из спальни пару месяцев, но для нас лучше, чтобы не перегорели. А посему давайте приступать к делу. Типаж мужской особи?

– Некоторый ранговый потенциал, конечно, присутствует, но в целом перед нами среднестатистический, заурядный, обычный, стандартный и так далее самец, – равнодушно констатировала секретарша.

– Не переживайте, у него такой уровень либидо, что это всё компенсирует, – успокоил её начальник.

– Будем надеяться, хотя мне приятнее делать ставку на мозги.

– А я что должен за вас свою работу делать? – улыбнулся босс. – Что у нас дальше?

– Психосоциальная характеристика показывает, что экземпляр легко поддаётся манипулированию со стороны объекта, который он вожделеет. Гормональный взрыв снизил до минимального уровня и без того невысокую способность к доминированию. Он уже находится почти в полной зависимости, критическое восприятие отсутствует, сексуальная эйфория фактически отключила инстинкт самосохранения.

– А вот это уже хорошо! Что представляет собой наша девочка?

– Ей бы богомолотом родиться, – покачала головой Маргарита Терентьевна. – Знаете, самки этих насекомых начинают поедать самцов уже в процессе оплодотворения. Вот и эта такая.

– Кто бы мог подумать! А на вид такая милашка! – рассмеялся Игорь Александрович.

– Тем она и опаснее. Типичная самка-паразит в облике

Красной Шапочки. Она будет пользоваться юнца в сексуальном, материальном и эмоциональном плане, а потом наставит ему рога с каким-нибудь брутально-фатальным ловеласом, поразившим её воображение харизмой и полным безразличием к её бесценной персоне, – не без презрения отчеканила Маргарита Терентьевна, показывая своё отрицательное отношение к подобного рода девушкам.

«Луч смерти» прошёл по фотографии Анны. Именно так смотрит женщина на свою подругу, пришедшую на вечеринку в таком же платье.

«Порой не могу понять, кого она не любит больше – женщин или мужчин?»

Игорь Александрович не успел задать мысленный вопрос, как тут же получил на него такой же мысленный ответ: «Будто не знаете – я животных люблю. И нечего думать так громко. Делайте скидку – мы сто лет вместе работаем, я тоже кое-чему научилась».

Пришлось заблокировать мысли, а вслух произнести:

– Вас послушать, у бедного парня и так шансов нет на счастливую жизнь, а тут ещё мы. Но он то, что нам нужно! Согласитесь, я умею выбирать? Осталось только немного подогреть, потомить, добавить жару – и можно отправлять. Приступаем.

Глава 3

– Итак, подведём итоги. Для того чтобы лучше понять пузырьковую теорию строения Вселенной, представленная вашему вниманию математическая модель может быть дополнена наглядной аналогией. Собственно, эта аналогия и дала название вышеуказанной теории.

Повзрослевший на год Серёжа сидит в университетской аудитории и внимательно слушает лекцию знаменитого профессора Фельцмана.

– Представьте себе мыльные пузыри. Самые обычные, которые мы так любили выдувать в детстве. Один за другим эти тонкие радужные оболочки самых разнообразных форм и размеров выползают из рамочки и начинают хаотичное движение, траектория которого определяется равнодействующим вектором разнонаправленных сил, как то: силой ветра, силой конвекционных атмосферных потоков, а также пневматической силой выдувания. Физические параметры пузырей, разумеется, также различаются вследствие разнообразности граничных условий их возникновения. Пузыри отличаются толщиной стенок, формой, размером и давлением внутри них. В процессе хаотичного движения отдельные мыльные пузыри иногда приходят в соприкосновение друг с другом. Иногда эти соприкосновения приводят к поглощению одного пузыря другим, иногда между ними образуется

общая полость, а в отдельных случаях два и более пузырей просто прилипают друг к другу. Так вот, наша Вселенная – это набор таких же пузырей, различные сегменты мирового континуума представляют собой области пространства с разным набором физических констант внутри. И эти сферы иногда приходят в соприкосновение друг с другом.

– И что тогда бывает? – вопрос задал Серёжин сосед – рыжий очкастый Вован.

– Трудно сказать, – наморщил могучий лоб профессор. – Я сейчас разрабатываю модели такого взаимодействия. Кстати, я пришёл к выводу, что в различных пузырях мирового континуума время может протекать с разной скоростью, а в некоторых из них эта скорость вообще может меняться.

– Скажите, профессор, – снова перебил лектора неугомонный Вован. – А если такой пузырь, где живут какие-нибудь зелёные человечки, столкнётся... то есть слипнется с нашим. А там время течёт быстрее или, хуже того, неравномерно. Эти зелёные смогут управлять нами?

– Вы очень интересные вопросы задаёте, мой юный коллега, – улыбнулся в седые усы профессор Фельцман. – Но сейчас мы уходим от сути пузырьковой теории. Она нужна, чтобы объяснить разность течения времени в различных уголках Вселенной, а вот к управлению и манипулированию отношению имеет, пожалуй, косвенное. Вы спрашиваете, позволит ли преимущество в скорости течения времени виртуальным обитателям параллельных пузырей мирового конти-

нуума манипулировать нами? В принципе в этом нет ничего невозможного. Однако правда заключается в том, что даже если на данный момент нами кто-то и управляет, вам об этом не сообщат: лучший раб – тот, который не догадывается, что он – раб.

Знакомый нам офис ничуть не изменился. Всё тот же огромный стол посередине, те же мониторы и идеальный порядок на столе секретарши. Она, как и прежде, присутствует на своём месте, будто никогда и не покидает его. Только одежда она теперь совершенно в другом стиле: джинсы со стразами, разорванные на коленях, рубашка в клетку поверх белой футболки, бейсболка козырьком назад. Кажется, сегодня Маргарита Терентьевна решила вспомнить девяностые. А вот времени на любимую игру у неё, похоже, сейчас нет. Всё её внимание сосредоточено на многочисленных диаграммах и графиках, которые она просматривает один за другим.

Игорь Александрович по своему обыкновению прохаживается по офису.

– Итак, настало время подвести предварительные итоги. Мы выбрали временной режим приготовления блюда с шагом в один год. Что произошло с нашими объектами? Каково их эмоциональное состояние?

– Всё в установленных пределах, уважаемый Игорь Александрович. Разогрев эмоций идёт полным ходом. Уровень сексуальной напряжённости у молодого человека достиг девяноста восьми процентов по шкале Приапа–Казановы.

– Ого, это вы сами придумали?

– Именно так! Авторское право за мной!

– Вы не перестаёте меня удивлять, дорогая моя! Но вернёмся к нашим ребятам. Что с барышней, как ведёт себя женская особь?

– И здесь всё прекрасно. Инверсия доминирования выполнена весьма успешно, при этом уровень сексуальной напряжённости с её стороны без резких колебаний.

– С чем связана такая стабильность?

– Никаких отклонений здесь не наблюдается. Либи́до среднестатистической девушки этого возраста примерно в два-три раза слабее, чем у её сверстника-мужчины. Для девицы уровень сексуальных притязаний её партнёра слишком велик, и она его старается искусственно снизить. Точнее, удовлетворяет строго дозированно, только чтобы не отпустить с крючка.

– Ежедневные месячные и ежедневные мигрени, регулярные встречи с подругой, архисложные курсовые, необходимость помочь маме с покупками или посидеть с младшим братом, которому аккурат на прошлой неделе стукнуло лет шестнадцать-семнадцать? Не завидую я нашему Серёге. Воспалённые тестикулы, выпученные от постоянного возбуждения глаза, походка враскачку... В крови плещется коктейль из окситоцина, дофамина, эстрогена и тестостерона, который способен поднять на дыбы умирающую клячу и привести её к победе в кентуккийском дерби, – я ничего не

упустил?

– Ой, Игорь Александрович! – рассмеялась хиппующая секретарша. – Конечно, с медицинской точки зрения в общем и целом вы правы, но про выпученные глаза и походку вы, очевидно, где-то в недостоверных источниках читались. Это уж явный перебор. Поверьте – не бывает такого у нас. К тому же читайте медсправочники внимательнее, природа никогда не допустит «взрыва котла», способов спустить пар у неё предостаточно.

– А вы не забывайте, любезнейшая, что это в естественной ситуации возможно – сбросить пар, но тут-то мы с вами руку приложили, а значит, правила долой.

Игорь Александрович сделал лихой разворот на каблуках.

– Положительные аспекты имеются?

– Разумеется. Самочка поедает своего «богомола» очень аккуратно, чтобы надолго хватило. Она, представьте себе, милейший Игорь Александрович, пытается сублимировать неудовлетворённые желания нашего пациента в дивиденды своих будущих материальных и его нынешних академических успехов.

– Я пребываю в постоянном восторге от восхитительной изысканности вашей речи. Но иногда даже мне хочется простых и понятных слов, так что ради меня изложите кратко, ясно, сжато и доходчиво, что же происходит с нашими подопечными. – Игорю Александровичу доставляла удовольствие беседа с секретаршей в присущем ей витиеватом

стиле, и потому, чтобы не обижать её, он добавил: – Однако не теряя присущей вам выразительности.

– Извольте. Подопечная Анна уступает сексуальным домогательствам своего партнёра в одном из четырёх случаев. При этом она даёт ему поблажки в форме внеочередного соития в тех ситуациях, когда тот получает высокие оценки при сдаче экзаменов, защите курсовых и контрольных работ.

– Неужели всё так просто? Банальщина какая-то. Серость и заурядность. С кем приходится работать!

– Можете сколько угодно иронизировать, но подобная практика принесла великолепные плоды: наш подогретый гормонами и ходящий враскоряку (Маргарита Терентьевна хмыкнула) подопечный сегодня бесспорный номер один на своём потоке. Я сразу предположила, что кое-какой потенциал у него имеется, а тут налицо все шансы перейти в разряд среднеранговых самцов, даже при явной нехватке агрессивности.

– А как относится барышня к перспективам адюльтера? Кудри нашего пациента ещё не украшены ветвистыми рогами?

– Не тот клинический случай, уважаемый руководитель. Барышня имеет самые серьёзные виды на нашего подопечного, так что компрометация в его глазах и в глазах всей студенческой братии в её намерения не входит. Пока его домогательства только повышают её самооценку. К тому же, выражаясь современным языком, её один-то сексуальный раз-

дражитель «достал до невозможности», а вы спрашиваете, не хочет ли она добавки? Так что до ближайшей измены, по моим подсчётам, ещё года три. Нас это вполне устроит, слишком ранний разрыв нарушит рецептуру блюда.

– Прекрасно! Нам это подходит.

– А зачем вы рассказали нашему подопечному про «пузырьки» и рабов? – Маргарита Терентьевна наконец-то решилась задать боссу, мучивший её вопрос. – Это же прямой намёк на его безвольное существование!

– Не просто намёк, это – знак.

– Тем более, Игорь Александрович.

– Дело в том, дражайшая Маргарита Терентьевна, что знаки – это ещё не всё. Чтобы воспользоваться ими, нужно уметь считывать информацию. Но, как видите, наш Серёга подобным талантом не наделён.

– Да, этот несчастный подкаблучник, даже глазом не моргнув, пропустил мимо ушей ценнейшую для него информацию. А ведь легко мог избежать своей жалкой участи, услышь он и используй этот знак.

– Вот именно. Вы только задумайтесь, насколько неожиданный поворот могла бы приобрести наша история, не будь Сергей таким зашоренным тугодумом?

– Согласна, но это уже не по рецепту.

– Возможно, но так было бы намного интереснее. По книгам готовят только дилетанты. Настоящие повара всегда добавляют в блюдо что-нибудь от себя. Это и есть чистое ис-

куство кулинара.

Игорь Александрович минутку помолчал, пребывая в приятной задумчивости.

– Что ж, следующая отсечка – через год в хроноsegmente номер одиннадцать.

– То есть через восемнадцать минут режима номер четыре? Может быть, слегка увеличить скорость?

– Я думаю, не стоит ускорять приготовление блюда. Нас ведь никто не торопит. Лучше, будьте так любезны, проанализируйте варианты организации карьеры подопечного после окончания университета.

Игорь Александрович занял своё излюбленное место у окна с традиционной кружкой кофе в руке: пятка – носок, носок – пятка. А Маргарита Терентьевна приступила к заданию.

Глава 4

Артемий Николаевич был очень доволен. Судьба наконец-то повернулась к нему лицом. Но в то же время он был весьма встревожен – не слишком ли резко меняется его жизнь к лучшему?

Поводом для душевных терзаний Артемия Николаевича стал неожиданный телефонный звонок. Утром, собираясь на работу, он как обычно минут пятнадцать посвящал сооружению настоящего виндзорского узла на одном из своих восьмидесяти пяти галстуков. Друзья, родственники и коллеги, зная пристрастие господина инженера (так в шутку иногда называл себя Артемий Николаевич) к этому мужскому аксессуару, везли ему галстуки со всех концов света. Сегодня выбор пал на узкий жёлтый галстук в крупный синий горох. Коллега привёз его из командировки в Сингапур, он уверял, что галстук изготовлен из самого лучшего натурального малайзийского шёлка. Настойчивая мелодия телефонного вызова прервала кропотливую работу над приданием шёлковому чуду надлежащей конфигурации.

– Здорово, Артемон! – проорала трубка. – Как дела-делишки, как жена-деткишки?

Артемий Николаевич с ужасом уставился на мобильник, отодвинув его от уха.

– И тебе того же по тому же месту тем же концом, Бабонь-

ка.

Господин инженер уже много лет не слышал этого сипловатого баса, не морщился от незатейливых простонародных скороговорок. Звонил его старинный знакомый Лёха Панарин по прозвищу Бабонька. Погоняло этот одутловатый, рано полысевший тогда ещё молодой человек получил за свою привычку предварять многочисленные публичные выступления в жанре клоунады похлопываниями ладонями по пухлым ляжкам с неизменной дурашливой присказкой: «Ой, что вам щас расскажу, бабоньки, вы просто одеколоном на крепдешин шпарить будете!»

– Чем обязан? – холодно поинтересовался Артемий Николаевич.

Он недолюбливал Бабоньку по двум причинам. Во-первых, тот постоянно коверкал его имя. То Артюха, то Тёма-ижучка, то, как сегодня, Артемон. Между тем господин инженер с ранних лет требовал, чтобы его называли только полным именем в правильной транскрипции: Артемий. Не Артём и уж тем более не Артемон. Но Бабоньке на это было плевать: «На могильной плите мы тебе Артемия напишем. А пока жив – извиняй!»

Второй причиной стало постоянное паразитирование Бабоньки: он беспардонно списывал у «другана Артемона» все пять лет обучения на инженерном факультете солидного столичного вуза. И при этом громогласно сообщал всем и каждому, что Артюха по гроб жизни, по самое не хочу, до поми-

дор над коленками обязан ему, Бабоньке, тем, что не помер с голоду, не иссохся от жажды. Артемий, выходец из скромной деревенской семьи, действительно не роскошествовал в студенческие времена. Экономил на еде и одежде. Не курил, практически не пил, с девушками не гулял. Все силы отдавал учёбе. И поэтому не мог пересилить себя и отказаться от похода в пивную за счёт Бабоньки. Тому начальственный папаша отваливал такое ежемесячное содержание, что сынок вполне мог позволить себе рестораны и самых настоящих бабонек. Приглашения Артемию следовали не чаще чем раз в два месяца, зато рассказы об этих походах Бабонька скармливал студенческим компаниям регулярно.

После окончания вуза пути приятелей разошлись. Артемий Николаевич честно тянул лямку в конструкторском отделе оборонного предприятия, а Лёха с подачи отца взмыл по карьерной лестнице со скоростью баллистической ракеты и уже через пару лет после завершения учёбы возглавлял солидный отдел профильного министерства.

– Итак, чем обязан, коллега? – повторил вопрос Артемий Николаевич.

– Ну, ты, Тёма-жучара, даёшь! – сипло захохотал мобильник. – Чем обязан! Многим, практически – всем. Помнишь, как тогда в ресторане посидели? Ты ещё пять рюмок себе об голову разбил? Кто тогда ущерб возмещал – Пушкин?

– Лермонтов, – отвечивал Артемий Николаевич. – Попрошу вас перейти к деловой части беседы. Служба, знаете

ли, ждать не будет.

– Хорошо, Артюхан Негролаевич, будет тебе деловая часть. Слушай тута – делай тама. Наша госкорпорация в русле последних решений президента – ну, ты знаешь, телевизор смотришь – подвергается серьёзной реорганизации, – из голоса Бабоньки вдруг исчезли глумливые шутовские интонации. – В свете этих событий на фоне серьёзных коррупционных скандалов возникают определённые кадровые проблемы. Я кое-что в нашей конторе значу, ко мне прислушиваются. Так вот, я тут же про тебя и вспомнил. Короче, тебе предлагается возглавить перспективный институт по разработке композитных материалов для авионики в рамках программы импортозамещения. Ферштейн?

– Ты это серьёзно? – Артемий Николаевич забыл о недовязанном галстучном узле и плюхнулся на кресло, стоявшее рядом с зеркалом.

– Серьёзнее не бывает. Если согласен – завтра в девять ноль-ноль в президентскую администрацию. Пропуск будет заказан. Кабинет номер двести четырнадцать. Тебя будут ждать. Сразу скажу: собеседование будет носить исключительно формальный характер, всё уже решено, но процедуру соблюсти мы обязаны. Вроде конкурса что-то. Компрене?

– Андестенд, – тихо ответил Артемий Николаевич.

– Тады покеда! – рывкнула трубка, и связь прервалась.

– Какой он всё-таки неприятный человек, этот Бабонька, – Маргарита Терентьевна безглаголиво передёрнула плечами.

– Зато он прекрасная «поварёшка», – спокойно ответил Игорь Александрович. – Слабенькое гипнотическое воздействие, и он с точностью выполнил наши указания. С такими легко работать: внешне напористые, агрессивные, внутренне они слабы и податливы.

На службу в этот день господин инженер так и не попал. Отговорился по телефону недомоганием и взял отгул.

На кухне состоялся военный совет, в котором принимали участие глава семейства, его верная жена Регина Адамовна и дочка Анечка.

– И всё же, Артемий, дорогой мой, подумай: такая ответственность – большой коллектив, государственный заказ. На прямом контроле у президента! А у тебя давление. Конечно, деньги лишними не бывают, но тебе до пенсии ещё семь лет, так что Анечку на ноги поставим, а там – на заслуженный отдых. – Большие глаза Регины Адамовны стали наполняться слезами.

Аня с тревогой наблюдала за тем, как всё ещё красивое лицо матери (в углах глаз, правда, уже появились предательские гусиные лапки) искажает страдальческая гримаска.

«Щас ка-а-ак заревёт! Папик точно сломается. Вот ведь – актриса кукольного театра, Карабас Мамабас! Как за ниточки отца дёргает! – с тревогой думала девушка. – Пора и мне в атаку подняться. В полный рост, как Зоя Космодемьянская на Александра Матросова».

Тут мы с горечью вынуждены констатировать: уровень

знаний молодого поколения о событиях Великой Отечественной оставляет желать лучшего.

– Ой, папа, так это же здорово! Ты же сам говорил, что начальство тебе развернуться не даёт – а теперь полная свобода. И с квартирой нам что-то решать надо, вечно я тебе своей громкой музыкой мешаю, аж самой неудобно. А на новом месте ты ещё и зятя поддержать сможешь.

– Какого зятя? – одновременно воскликнули Артемий Николаевич и Регина Адамовна.

– Сколько раз я тебе, дубина такая, говорила: у тебя две задачи на время учёбы, – голос мамочки стал визгливым, семейный кукловод уже раздумал рыдать и был настроен на жёсткую выволочку. – Задача номер один – не вылететь. И задача номер два – не залететь. Ты на каком месяце, коза драная?

– Спокойствие, уважаемые предки, только спокойствие. Ни на каком я не на месяце. Просто мы уже давно дружим с одним замечательным мальчиком, его Серёжа зовут. Я вам говорила, но вы же меня не слушаете, только промеж друг дружки воркуете. А предохраняться я ещё в шестнадцать лет научилась.

– С чего бы? Ты со школы, что ли, гуляешь? – Мать явно не ожидала такого поворота.

– Мам! Что за дурацкие термины: «гуляешь»? Пф-ф-ф... Сама же мне рассказывала, как на первом курсе от Васки Шумского чуть не залетела. Я чё, совсем ку-ку, непонятли-

вая? Сделала выводы: без презерватива в сумке не фиг даже на улицу выходить.

– Как от Васьки? Ты же говорила, что у вас ничего не было? – Артемий Николаевич начал грозно подниматься из-за стола.

– Что ты, Артемий, ничего и не было, я тебе потом всё объясню. – Ухоженные руки Регины Адамовны начали суетливо стряхивать со стола несуществующие крошки.

«Это тебе за козу драную», – мстительно подумала Анечка, невинно хлопая длинными ресницами.

– Ну, папусик, ничего страшного не случилось. Наоборот, всё прекрасненько и чудесненько. Серёжа – он очень хороший. И умный. Он лучший на курсе. Из него отличный инженер получится, так все преподы у нас говорят. Только ему помочь немножко надо. Так что ты не сомневайся, иди в свою госкорпорацию. И Серёже местечко подыщи.

– А вы заявление уже подали? – Регина Адамовна как опытный семейный дипломат постаралась сменить щекотливую тему на перспективную.

Глава 5

На парковке рядом с элитным фитнес-клубом лихо притормозил сверкающий «Харли-Девидсон». Затянутый в чёрную кожу жгучий брюнет упругой походкой прошагал до дверей, подошёл к стойке администратора. У него потрясающая, мускулистая фигура, правильные черты лица – тёмные глаза с бархатными длинными ресницами, крупный кавказский нос, волевой подбородок отликает синевой стильной небритости.

– Ну, что тут у нас? – небрежно бросил красавец девушке на ресепшене.

– Доброе утро, Котэ, – она суетливо начала рыться в пачке бумаг, наконец нашла нужную распечатку и с заискивающим взглядом, в котором читается искреннее восхищение, протянула её мужчине. – Вот, график на месяц. Групповые плюс индивидуальные занятия. Желающих очень много, некоторым клиенткам приходится отказывать. Будем увеличивать почасовую нагрузку?

Мужчина бросил взгляд на бумагу, на его лице на пару секунд появилась довольная ухмылка, после чего он снова нахмурил брови.

– А теперь слушай сюда. Я вашей богадельне почти всю кассу делаю. И если ещё терплю, что эти богатенькие кошёлки зовут меня Котэ и даже всякими сраными котиками, то

для тебя я – Константин Давидович. Ясно?

– Конечно, конечно, Константин Давидович, извините, – девица густо покраснела. – Так что с индивидуальными тренировками? Записывать?

– Сам разберусь. Давай сюда визитки этих долбанных индивидуалок. Распинаю как-нибудь, если время будет.

Напоследок он одарил собеседницу своей самой ослепительной, фирменной улыбкой, сверкнули белоснежные зубы, но в сочетании с холодным взглядом чёрных глаз это было похоже на оскал опасного хищника. Оставив девушку в полубморочном от обожания и страха состоянии, инструктор по фитнесу Котэ Чантуришвили двинулся в раздевалку.

– Здорово, братан, – поднял в приветствии руку его коллега.

– Гамарджоба.

– Котэ, это ваше грузинское «здравствуйте», звучит как «комар в жопу» какой-то, ей-богу жутко становится.

– Заткнись ты, урод, – абсолютно беззлобно, даже дружелюбно начал переругиваться с приятелем Чантуришвили. – Скажи спасибо, что комар, а не шакал.

– Кто урод? Я урод? Слушай, джигит, ты не офигел случайно? Скоро всех нас без работы оставишь. Тёлки к тебе табунами ломаются, нам остаётся всего ничего. И как у тебя получается? Сю-сю, му-сю, ай, красавица, пэрсик, а нэ дэвушка. Так, что ли, ты их на бабки разводишь? Колись, давай.

– Придурок ты, Андрюха. Акцент ещё какой-то пошлый

включил. Я москвич в третьем поколении, по-русски чище тебя говорю, деревенщина. А с бабами сюсюкать нельзя, они сразу наглеть начинают. Нужна нам наглая баба? Вот то-то же.

– Где ж их, не наглых-то, взять?

– Дрессировать. Жёстко. Им это нравится. Слабаков не любят, их пользуют. Ты хочешь, чтоб тебя пользовали?

– Ну-у-у...

– Вот тебе и ну. Запомни, Андрюха: с бабами только два варианта – или ты их имеешь, или они имеют тебя.

– Не знай, не знай, тут разные способы имения. Вот, предположим, я хочу поиметь аппетитную тушку, в хорошем смысле этого слова поиметь, в разных приятных позах. Но тушка начинает выёживаться, требовать цветы, рестораны, побрякушки, за бесплатно она не согласна со мной развлекаться. Короче, разводит меня на бабки. Получается, это она меня имеет, но уже в другом смысле. Или, того хуже, начинает выносить мне мозг, диктовать, что мне делать, какие шмотки носить. На футбол с друзьями – хренушки, ей срочно надо, чтоб я отвёз её к маме в Пушкино, блин, Кукушкино. А у меня уже уши пухнут, так её поиметь охота, но ведь не даёт, стервоза, пока не поглумится от души. И вот хрен разберёшь, кто кого тут имеет.

Размышляя таким образом, Андрюха заметно пригорюнился, обмяк, он сидел, опустив плечи и задумчиво поглаживая коротко стриженный белобрысый затылок. Симпатич-

ный спортивный парень как будто уменьшился в размерах, глаза потухли, черты лица безвольно поплыли, стали абсолютно невыразительными. Котэ смотрел на него со своей обычной нагловатой ухмылкой. Такое самоедство для него было чем-то вроде печати второсортности, жалости к слабозвольным тюфякам он не испытывал. Мужская солидарность? Не смешите. Он не считал себя вожаком, потому что стая, которую надо вести за собой, всегда будет обузой, тормозом. Котэ Чантуришвили – одиночка, он выше толпы слюнтяев и слабаков.

– Пошли на хер такую бабу. Мало, что ли, других тушек?

– Тебе хорошо говорить, вокруг тебя они толпами ходят.

– Толпы, они сами по себе ходят, между прочим, и около тебя тоже, только мимо. Потому что ты ссышь брать то, что тебе нужно. А ещё больше ссышь сбросить то, что начинает напрягать.

– Э-э-эх... Завидую я тебе, Котэ. Как у тебя всё просто.

– Зависть – чувство неконструктивное. Забей ты на свою стервозу.

– А ты можешь на всех своих баб забить?

– Да легко! Если честно, достали они меня. Особенно всякий секунд-хенд за сороковник. Есть тут одна цыпочка, которой я бы позволил рядом с собой находиться. На полшага сзади, конечно, чтоб лишнего не отсвечивала и всегда под рукой была. Студентка, свеженькое мясо, не полная дура, да и папик хороший пост занимает. Замужем только. Но это не

проблема. Муженёк её, похоже, из породы лохов, вроде тебя. Сольёт она его, сто пудов.

– Охренеть. И ты так спокойно променяешь целое стадо дойных коров на это свежее мясо?

– Ты ничё не попутал? Всерьёз думаешь, что я за их счёт живу?

– А за чей? Не догоняю я что-то.

– Не догоняешь и не надо. Оставайся таким же лошком, Андрюша. Если повезёт тебе в жизни, возьмёте вы со своей стервозкой ипотеку, настрогаете пару спиногрызиков, и никуда она от тебя на хрен не денется. Будет разочек вяло давать по пятницам, на качественный минет даже не надейся, а по субботам будешь возить её на шопинг, пока тёща с мелкими водится. Не грусти. Обычная жизнь обычного подкаблучника. Таких большинство, так что нормуль. Образцовый член, хм-м, недочлен общества, положительный во всех отношениях. Андрюша – молодец, та-та-та-там-па-бам-па-бам-па-па-бам, – пропел под конец на мотив «Яблочка» циничный Чантуришвили.

– Что скажете, Маргарита Терентьевна? Насколько он нам подходит?

– Вполне. Что и требовалось для гармоничного букета вкусов. Классический вариант. Нашей героине в самый раз будет. Инверсия доминирования с мужем прошла успешно, но Чантуришвили, вот беда – после этого она его уже не воспринимает как сексуальный объект. Совсем. Сейчас Анна

Артемяевна снова переключилась в режим охоты. Инструктор по фитнесу – личность неуправляемая, тем он и привлекателен по контрасту с покладистым супругом, поэтому его она будет желать страстно, откровенно и, заметьте, без всяких материальных затрат с его стороны.

– Великолепно!

Маргарита Терентьевна пожалала плечами.

– Удивляюсь я порой нашим женщинам. Зачем менять покладистого, уже преуспевающего, влюблённого по уши Серёжу на такой вулкан страстей, как Чантуришвили? Ведь она ему практически безразлична! Ни восхищения, ни заботы, ни уж тем более верности от него ждать не приходится.

– Вы же сами ответили на вопрос – вулкан страстей. Нашей Анечке необходимо сторать от любви, впрочем, как и каждому нормальному живому человеку. А Серёжа для неё – потухший костёр, он её уже не согреет. К тому же не рассматривайте ситуацию так однозначно. Котэ вполне способен на искренность. Допустите, что Аня сумеет разбудить в нём большие и светлые. И тогда эта пара будет жить долго и счастливо. К тому же они совершенно независимы друг от друга. Деньги, положение есть у обоих. А самое главное – она всегда сможет вернуться к Сергею, причём извиняться за плохое поведение будет не она, а он.

– Не верю я в такую любовь.

– Ого! Вы придумали название новому блюду. Думаю, на него мы получим много заказов.

Глава 6

– ... в квартире можешь жить до конца сентября. Мы с островов – и сразу в тур по Европе, приедем не раньше пятнадцатого октября, но я уже заказала ремонт, так что к тому времени тебе что-то с жильём придумать придётся. Сколько я тебе долбила, что мне не нравится потолок в кабинете! Теперь наконец-то доведу жильё до ума. Ту картину жуткую с лошадьми, из большой комнаты, – ну тебе её этот придурок Чиркин на твой день рождения подарил – можешь забрать, я её всё равно не перевариваю. И столик журнальный на колёсиках, тот стеклянный, – тоже тебе, мне Дашка антикварный, с мозаикой а-ля Помпеи на столешнице недорого со сватала... Ты что, не слушаешь меня?

Аня с экрана монитора тщетно пытается разглядеть Серёжу, но увидеть мужа она не может, потому что он уже скрылся из поля зрения веб-камеры.

«Оказывается, у меня в животе живут бабочки», – крутится странная мысль в Серёжиной голове.

Пошатываясь, он бредёт в туалет, склоняется над унитазом, его рвёт. Отдышавшись и умыв лицо, он плетётся в кабинет и, не обращая внимания на то, что говорит голова с экрана монитора, падает в просторное кресло, скрючивается в позе эмбриона и закрывает глаза. Всё тело нестерпимо ломит, особенно болят грудь и живот, дышать почти невоз-

можно. А в животе ещё ощущается какое-то странное шевеление, как будто десятки бабочек, только что высвободившись из своих коконов, перебирают слабыми ножками и пытаются расправить крылья.

– Игорь Александрович, кажется, началось! Мощнейший выброс негативной энергии!

На кухне эмоций оживление. Игорь Александрович и Маргарита Терентьевна вперили взоры в экран, по которому пробегают многоцветные сполохи, напоминающие северное сияние.

– Какая чистота линий, Маргарита Терентьевна! Просто восхитительно, то, что нам требуется. Только бы не передержать эмоциональный пик.

В этот день Сергей Валентинович как обычно пришёл на работу раньше всех. Разобравшись с первостепенными делами, он решил сделать небольшой перерыв и, отложив бумаги, налил себе чашку бодрящего кофе. Подойдя к огромному окну, он залюбовался прозрачностью раннего осеннего утра. Река, оранжево-жёлтые деревья на набережной. Воспоминания нахлынули приятной волной и перенесли его в тот день, когда десять лет назад они с Аней гуляли по этой набережной, а он, переполненный нежностью и любовью, был готов свернуть горы для своей подруги. Ему захотелось услышать весёлый смех жены, а ещё отведать тех самых пирожков, которые Аня обещала носить ему в офис. Романтический порыв заставил его сесть за компьютер и набрать по «Скайпу»

жене.

Аня уже неделю отдыхала на Сейшелах. В этом году она почему-то решила, что Мальдивы – это пошло, немодно и вообще для нищелюбов. А ей по статусу полагаются именно Сейшелы. Сергею как всегда было некогда составить компанию супруге: работы невпроворот, предстоял запуск нового важного проекта. Сейчас он находился в той точке карьерного пути, когда, оглядываясь назад, любой человек мог бы с оправданным удовлетворением сказать: «Я достиг того, к чему стремился». Сергей Валентинович действительно оказался неплохим альпинистом – вершина социальной лестницы покорилась ему, но были и издержки. Ему пришлось привыкнуть, что жена три-четыре раза в год отправляется в путешествия. Она поставила в их спальне между кроватями (супруги спали раздельно) большой винтажный глобус, за который Дашка содрала с неё, по мнению Сергея, целое состояние. Аня любила перед сном раскручивать модель родной планеты, а потом, закрыв глаза, наугад тыкать в поверхность глобуса пальчиком. Так она гадала на свои будущие поездки.

Сергей набрал видеовызов. Несколько гудков, и он может наблюдать милое любимое лицо. На этот раз лицо выглядело недовольным, но Сергей сперва не обратил внимания. Его переполняли настолько приятные эмоции, что какая-нибудь обыденная провинность не имела сейчас для него никакого значения. Возможно, он забыл заехать за очередным пустяч-

ком в модную лавку Дарьи Доберман, а может, не вспомнил вовремя о том, что аристократу Сарданапалу, коту неизвестной науке породы, нужно сменить диету. Какая разница, когда на улице осень, в душе юношеские воспоминания, а на языке вкус пирожков, состряпанных руками любимой женщины.

Но любовной эйфории Сергея Валентиновича было суждено разбиться вдребезги о суровую правду жизни, которая уже давно подстерегала его по ту сторону монитора.

– Сергей, прошу выслушать меня внимательно и отнестись к моим словам со всей серьёзностью, – Аня нервно облизала ярко накрашенные губки.

– Что случилось, роднуля?

– Случилось то, что мы должны расстаться, только и всего. Наши отношения выработали свой ресурс, полностью себя исчерпали. Я буду жить с другим человеком, который во всём меня устраивает и с которым я намерена выстроить долговременные отношения.

Сергей затряс головой, как будто ему в ухо попала вода.

– А как же я?

– Я от тебя ухожу. Я люблю другого человека. А ты мне совершенно безразличен.

– Но ты же обещала быть со мной! Пирожки... Помнишь? Ведь это всё для тебя!

– Сергей, ты, видимо, меня не слышишь? Какие пирожки? Я ухожу!

Бум-м-м-м-м. В голове у бедолаги зазвонил колокол. Сергей на время совершенно оглох, ничего не понимая, он смотрел на беззвучно шевелящиеся губы Ани.

«Бум-м-м-м. У меня в животе бабочки, много бабочек... Кажется, я умираю». – Сергей потерял сознание.

– Игорь Александрович, он, кажется, упал в обморок!

– Никуда он не упал, лежит в кресле. Через пару минут очнётся. Но нам придётся держать объект под прямым контролем. Мне пора.

Глава 7

Сергей очнулся. Рабочий день уже в разгаре. Он вышел из кабинета и, как сомнамбула, направился к выходу. Встревоженные оклики секретарши не заставили его обернуться, он продолжал движение, подвластный только одной идее: «скорее вверх, прочь из этого душного давящего пространства, вверх, навстречу ветру, осени и освобождению». Желание прекратить нестерпимую внутреннюю боль гнало его на крышу небоскрёба.

С трудом дождался лифта. Почему-то боялся, что его решимость пропадёт, промешкай он хотя бы минуту. Но бабочки в районе солнечного сплетения вновь напомнили о себе, и он безысходно перешагнул порог открывшего двери лифта. Почему он решил, что именно сегодня лифт доставит его на недостижимую высоту? Почему недостижимую? Да потому, что пару лет назад, когда их компания заняла нынешний офис в роскошном бизнес-центре почти на самой верхушке стеклянного исполина, Сергей хотел перебраться ещё выше. Вы же помните его слова, сказанные Ане когда-то, – на самую вершину! Но попытки оказались напрасными. Ни управляющая компания, ни собственники здания не дали ему мало-мальски убедительных объяснений, почему верхний этаж не сдаётся. Говорили что-то про какие-то склады, про технические помещения, про идущий неизвестно сколь-

ко ремонт. Убеждали, что там плохое кондиционирование и часто застревает лифт. Конечно, Сергей не поверил в эти сказки. Он часто видел свет в окнах того этажа, но попасть в загадочный офис ему так и не удалось.

Сергей с исступлением жал на кнопку тридцать второго этажа – самого верхнего этажа в этом здании. Его план был прост – добраться до последнего уровня, найти пожарную лестницу, по ней подняться на крышу. А там... С такой высоты... Его даже от асфальта не отскребут. Вот бы в этот момент посмотреть на Аню. Неужели и тогда ей будет безразлично?

– Вам наверх?

Только сейчас Сергей Валентинович заметил, что в лифте он не один.

В углу стоял высокий мужчина и спокойно смотрел на него пронзительно-голубыми глазами. Под этим взглядом Сергей оцепенел. В его голове закружился хаос мыслей. Сначала они действительно были бессвязными, но потом из разноцветного вороха подсознания стали выныривать вполне определённые образы. Сергей увидел Аню. Милое молодое личико, широко открытые, глядящие на него глаза. В сердце кольнуло. Вдруг лицо стало стираться, а вместо него на первый план выплыла огромная стеклянная башня и яркий свет наверху. Пирожки, счастливые молодые годы, девушка, в которой он не чаял души, учёба в университете, первые достижения, красный диплом, перспективная работа, кото-

рая свалилась как снег на голову, только в самый подходящий момент. Сергей явственно ощутил трепет внутри. Это была эйфория от успеха. Гордость за достигнутое переполнила его. Но самое важное, самое ценное в его жизни – это, конечно, жена. Это его Анечка. Она его ангел, его вдохновитель, его муза и радость. Именно о ней он думал, отправляясь на сложные переговоры, её мечтал увидеть, измотавшись за день на работе, с ней хотел разделить успех, ей рассказать о том, что его волнует. Что он сделал не так? Где же ошибка? Почему сейчас в этом лифте он задыхается от мучительной боли в груди, почему рвётся на крышу? За что ему весь этот кошмар?

Сергей снова увидел лицо Ани. Только теперь оно было искажено гримасой злости и недовольства. Она что-то говорила. Ах, да... Она меня бросила. Вот так просто. Несколько слов, и конец. Мне конец!

Эта мысль ударила, как молот по голове! Сергей беззвучно зашевелил губами, на глаза навернулись слёзы. Боль внутри стала нестерпимой, и он заревел, как раненый зверь.

– Пожалуй, достаточно!

Раздался щелчок пальцами, в лифте запахло озоном. Теперь на Игоря Александровича смотрели совершенно ничего не понимающие глаза измученного человека.

– Что произошло? Мне стало нехорошо?

– Можно и, так сказать. – Игорь Александрович улыбнулся. – Но я бы сказал иначе: – Вам было нехорошо.

Сергей заморгал, наморщил лоб. Он явно ничего не мог вспомнить.

– Так вы едете?

Незнакомец поднёс палец к кнопке с цифрой тридцать два.

– Но туда же не ходит!

Сергей постепенно приходил в себя.

– Ходит, только нужен специальный пропуск. У вас он пару минут назад был.

Незнакомец загадочно улыбнулся.

– Ладно, так уж и быть, выходите, вам пора, а то Алина уже МЧС вызывает.

Лифт почему-то открыл двери на этаже, где находился офис Сергея.

– До свидания! – еле шевеля языком, проговорил он.

– Да уж прощайте, надейтесь, что мы не увидимся.

Сергей вышел. Он минуту стоял, соображая, откуда этот тип знает имя его секретарши и почему она должна вызывать МЧС, но потом встрепенулся, поправил галстук и достаточно бодро отправился в офис. Дела, они, понимаете ли, не ждут, – бормотал он про себя.

– Bravo, Игорь Александрович! Высокое искусство, выдающееся мастерство.

– Что вы, голубушка, не льстите, обычная работа. Это как кашу сварить – никаких изысков. Да и материал, с которым приходится работать, – заурядность. Конечно, несчаст-

ную любовь мы изобразили, суицид подготовили, эмоциональный пик создали, заказ выполнили. Но, поверьте, дорогая Маргарита Терентьевна, никакого удовлетворения. Это подёщица, а не высокое искусство.

– Ах, Игорь Александрович, поверьте, я с вами полностью согласна. Один их лексикон меня убивает наповал. Но что ж тут поделывать? Работаем с тем, что есть. А вот польстить я вам не пытаюсь. В любом случае идеально приготовленное блюдо, феноменальные оттенки вкуса. Работа гроссмейстерского уровня. Кстати, а что с нашим героем? Всё нормально?

– Я, как вы знаете, Маргарита Терентьевна, не славлюсь избыточным гуманизмом. Но по мере возможностей стараюсь подопечным вреда не причинять. Сергей Валентинович полностью излечился. Анна ему теперь безразлична, а вот урок этот он надолго запомнит. Встряска мозгов ему на пользу пойдёт. У него, конечно, могут возникнуть некоторые проблемы – отсутствие стимула, потеря смысла жизни. Однако это ненадолго. Найдёт себе новый предмет для обожания, и всё у него наладится. Главное, чтобы на работе не нагнул, но, я думаю, справится. Тогда и в материальном, и в карьерном плане у него проблем не будет. Чем не завидный жених?

– А что, пожалуй, можно сказать, ему повезло. Ведь мог бы и с крыши небоскрёба сигануть, – подытожила Маргарита Терентьевна. Она только собралась уделить время ничегонеделанию, как электронка дала о себе знать. Пришёл но-

Вый заказ.

Эпизод 2. Любимая игрушка

Глава 1

– Скажите, Маргарита Терентьевна, а какие, на ваш взгляд, чувства испытывает ребёнок, у которого отняли любимую игрушку?

– Хм, думаю, целый набор. В нём и злость, и досада, и обида. А ещё боль утраты. Детская, но очень сильная. Боль, от которой маленькое личико краснеет, искажается гримасой и дикий рёв оглашает комнату. Примерно так.

– Совершенно верно. Это сложный коктейль. А теперь помножьте всё это на страсти взрослого человека. Что у нас получится?

– Ой, не хотела бы я быть тем, кто отнимает ту игрушку, – рассмеялась Маргарита Терентьевна.

– Согласен. А теперь читайте заявку № 334/5.

Секретарша поискала заказ.

– Вот оно. Так-так...

Пока она читала, Игорь Александрович в ожидании прожигался по офису. Его явно обуревали какие-то идеи, а может, он просто пребывал в игривом настроении.

– Занимательно! Странно, что я упустила этот заказ из виду. Прелюбопытнейшая комбинация.

– Не страшно, я сам про него позабыл, пока не встретил

нашего будущего героя. А он, поверьте, выдаст нам такое шоу, что мало не покажется. Итак, настал момент вас познакомиться. Вот он, наш «гвоздь программы».

С этими словами Игорь Александрович пробежался пальцами по клавиатуре, и перед Маргаритой Терентьевной возникло изображение, за изучение которого она принялась, немедля ни минуты.

Витёк Мокарев слыл человеком легкомысленным, отчасти даже взбалмошным. Виновата в этом была одна его привычка, от которой он никак не мог избавиться. Когда Мокарев пытался сосредоточиться на чём-то важном, поймать нужную мысль, он начинал яростно теребить левой рукой свой нос-картошку. И столь же яростно чесать правой рукой рыжеватые лохмы на макушке. Согласитесь, серьёзным и солидным такого человека никто считать не станет. А на самом деле Витёк особым легкомыслием никогда не отличался, решения старался принимать взвешенные, хорошо обдумывал свои жизненные шаги.

Выходец из обычной советской семьи – мать учительница, отец инженер, младшая сестра зануда и ябеда, – Витёк после школы отслужил срочную, а потом поступил на заочное отделение рядового столичного вуза, который когда-то окончил его отец. Успехами особыми не блистал, работал в плановом отделе машиностроительного предприятия. Получил диплом и с ним – небольшую прибавку к зарплате.

Потом Мокарев сменил профессию: окончил специаль-

ные курсы и освоил ремесло арбитражного управляющего. Иногда удавалось неплохо заработать. Витёк купил квартиру, приобрёл неплохое авто. Всё вроде бы как у людей. Но была у парня одна странность: он за все годы учёбы так и не завёл себе постоянной девушки. С либидо у него был полный порядок, с ориентацией – тоже. И внешними данными Мокарева природа также не обидела. Рост под сто девяносто, ладная мужская фигура, открытое приятное лицо. Девчонки на него заглядывались, тем более что и характер у парня был самый спокойный. Да ещё и столичная прописка; выгодный жених. Но Витька снедала мечта. Ему нравились только чёрные женщины. Он обожал смотреть клип одной старинной поп-группы, в котором солистка-негритянка, обладательница сказочной фигуры, двигалась с грацией пантеры под ритмичные заводные звуки электрических инструментов. Мокареву часто снилась эта чёрная принцесса: вот она, одетая только в бусы, подходит к нему, покачивая крутыми бёдрами, берёт за руку и помещает вспотевшую белую ладонь на свой роскошный чёрный зад... Сколько раз Витёк просыпался после таких снов на мокрых простынях! Он пытался познакомиться с негритянками, но вскоре с горечью убедился, что учиться в Россию приезжали какие-то неправильные чёрные девицы, совсем непохожие на blackmagicwoman, о которых поётся в знаменитой рок-балладе.

«Так и “старым девом” остаться недолго», – грустно шутил про себя неудовлетворённый Мокарев.

– Вот такой он у нас привереда, наш Витёк Мокарев. Негритянку ему подавай. Чуете, к чему я клоню?

Игорь Александрович от души наслаждался предстоящим шоу. Ему, как никому другому, была понятна сейчас вся интрига завариваемой им каши. В прямом и переносном смысле.

– Что ж, организуем юноше чёрную принцессу, – Маргарита Терентьевна «перехватила» дух игры. – У них там в этой Африке принцесс – миллионы. Так что парочку экземпляров приискать вполне возможно.

– Я в восхищении от вашей тяги к импровизации. Да, это как раз наш вариант. Жених из Рязани, невеста из Танзании.

– Есть альтернатива: он из Тамбова, она из Тимбукту. Но я бы сказала, что это – дело вкуса.

– И опять в точку – прекрасное название для нового блюда. Надо будет его как-нибудь приготовить. А теперь шутки в сторону, приступаем. Для начала определим «группу поддержки».

Глава 2

В России Наполеоном человека назовут только в трёх случаях: если он коньяк, пирожное или еврей. Так любил приготавливать Анатолий Халимонов, который почему-то решил, что многие черты характера унаследовал от каких-то загадочных предков еврейской национальности. Никаких веских доказательств подобного сродства у него не было, но Халимонов постепенно убедил себя в том, что он – представитель богоизбранного народа, а созвучие Халимонов – Наполеонов только укрепило его в подобном убеждении. «Я всё равно вас сделаю, я умный, я пронырливый, я хитрый» – такую мантру произносил про себя Анатолий в самых непростых ситуациях. Непонятно, какой фактор оказал решающее воздействие на судьбу Халимонова: мантра, упёртость, просто везение, но он действительно со временем неплохо поднялся. К тому времени, когда повара эмоциональной кухни обратили внимание на любителя чёрных женщин, Халимонов возглавлял посредническую фирму средних размеров с репутацией ниже среднего. Специализировалась компания «Импала» на торговых операциях между российскими предприятиями и полукриминальными организациями Чёрной Африки. И такой выбор не был сделан по воле самого господина Халимонова. Просто в Чёрной Африке существует всего две разновидности коммерческих структур: криминальные и по-

лукриминальные. Хотя зачастую отличить их бывает совершенно невозможно.

Сегодня директор фирмы «Импала» был озабочен очень непростой проблемой. Он получил интересное предложение от одной мощной племенной предпринимательской структуры из Нигерии. Глава структуры – вождь племени йоро-нгоро Джек Мокетатумба – уже имел дело с Халимоновым. Совместными усилиями они прокрутили взаимовыгодную операцию по поставкам в Нигерию партии российских (точнее – советских) мотоциклов ижевского производства. Халимонов приобрёл эти не пользующиеся в России спросом машины по цене металлолома на складе военной техники. Мотоциклы с нулевым пробегом в заводской смазке пылились на складе под присмотром лихого прапорщика Гаврилюка. Как подмазать военных, Халимонова учить было не надо. А переговоры с таможенной службой в порту Лагоса взяли на себя молодцы Мокетатумбы. Профит обе стороны получили вполне адекватный. И вот на днях Халимонов получил уже более серьёзное предложение. В случае удачи он вообще мог стать мультимиллионером. На территории, контролируемой племенем йоро-нгоро, было открыто месторождение золота. О том, что на этих землях имеются какие-то запасы драгоценного металла, было известно давно. Добывать золото пытались ещё португальцы, которые объявились на берегах священной реки Нарутомбе в XVI веке. Но к началу прошлого столетия запасы золота были исчерпаны. Однако данные со-

временной геологоразведки показали, что это мнение было ошибочным. Так племя оказалось владельцем первоклассного месторождения. Джек предложил Анатолию сотрудничество: Халимонов должен был привлечь в Африку серьёзного российского инвестора, за что ему была обещана доля прибыли от реализации концессионного соглашения. Предложение было чрезвычайно заманчивым, но имелись и подводные камни. Дело в том, что нигерийское законодательство было столь же мутным, как воды Нигера, несущего в Гвинейский залив тысячи тонн глинистого ила. Требовался человек на пост председателя совместной российско-нигерийской концессионной компании, который по местным законам мог быть в некоторых случаях привлечён к ответственности по корпоративным обязательствам. Случаев таких было немало, а ответственность могла быть очень суровой. Вплоть до пожизненной отсидки в местной тюрьме. А Халимонову было прекрасно известно, что белый человек в тюрьмах Лагоса или Ибадана способен прожить не дольше месяца.

«Не ходите, дети, в Африку гулять!» – тихонько напевал Халимонов, пытаясь разрешить непростую задачу. Как стать миллионером и не очутиться в африканской каталажке?

«Стоп, идея! Витёк Мокарев. Вот уж кто за африканскую деваху душу продаст». Анатолий не подозревал, что мысль эта в его голову пришла не случайно, сработало внушение кулинаров с кухни эмоций. Халимонов уже несколько лет не

виделся со своим одноклассником Мокаревым, который на выпускном вечере признался приятелю в своих проблемах с женским полом.

– Итак, игра началась! Будьте любезны, Маргарита Терентьевна, держите ситуацию под контролем.

– Ты, Витёк, представляешь себе, что это за племя йоро-нгоро? – приятели сидели в небольшом уютном баре, потягивали «Гиннес», и обсуждали предстоящий визит в Нигерию. – Нет? Так вот, народ йоро-нгоро – это сверхчеловеки, суперлюди, самые отборные представители нашего вида. Чёрные арийцы, одним словом.

– Да брось заливать, Толян! Какие там из негров арийцы. Они должны быть белокожие и голубоглазые.

– Чушь! Йоро-нгоро круче любых белокурых бестий и голубоглазых фурий. Это медицинский факт. Их исследовали антропологи из Йельского университета – так и они просто офигели. Средний коэффициент «ай-кью» просто зашкаливает. Опережают даже японцев и корейцев. Физические данные – каждый второй может в Олимпийский играх участвовать. Средний рост у мужчин... Да что там рост. Мужики йоро-нгоро – чемпионы мира по длине члена! А женщины...

– Тоже чемпионки по размеру? – ехидно поинтересовался Витёк, пытаясь скрыть свой интерес к обсуждаемой теме.

– Дурак ты. Они чемпионки по длинноногости и круглозадости. А ещё среди них отмечен самый продолжительный множественный оргазм: семьдесят три минуты сорок пять

секунд!

– Это какой же мужик такой марафон выдержит? – удивился Витёк.

– Никакой, – согласился Толян. – Даже йоро-нгоро. У этих секс-маньяков рекорд составляет половой акт длительностью в шестьдесят семь минут и девятьсот пятьдесят восемь фрикций. В установлении женского рекорда принимали участие три лучших порноактёра современности. Один – из их же племени.

– Ладно, уговорил. Поедём к твоим йоро-нгоро, посмотрим, какие они умные.

– Ты хотел сказать – сексуальные? – подколот приятеля Халимонов. – Да, ещё один интересный факт. Отдельные британские учёные отстаивают версию происхождения йоро-нгоро из Атлантиды.

– Боже, Игорь Александрович! Что за ересь несёт этот человек! Какая Атлантида?

– Да, уважаемая Маргарита Терентьевна, этот человек говорит сущую ерунду. Версия о происхождении чёрных арийцев из Атлантиды не выдерживает мало-мальски серьёзной критики. На самом деле генезис йоро-нгоро имеет совершенно иные корни. Это племя стало результатом генетических экспериментов египетских жрецов эпохи Среднего царства. Древние генные инженеры проводили опыты по прививке генома диких животных человеку. Далёким предкам йоро-нгоро были привиты гены жирафов. Отсюда гомери-

ческий рост и приапические размеры полового органа. Эти технологии, к сожалению (или к счастью), пока не под силу современной науке.

– Сколько лет уже знакома с вами, уважаемый Игорь Александрович, но так и не могу иногда понять, когда вы шутите, а когда говорите серьёзно.

Глава 3

Африка произвела на Мокарева самое удручающее впечатление: шумно, суетливо, грязно. Пыль, насекомые, жара. И эти вездесущие попрошайки, от них просто никуда не денешься! Плюс ненавязчивый нигерийский сервис. Для того чтобы заработал сейф в его гостиничном номере, новоявленному директору концессионной компании господину белому сахибу пришлось поднять на уши весь обслуживающий персонал. И это, по словам Халимонова, лучший отель Лагоса.

На следующий по прибытии в Нигерию день россияне встретились с посланцами Джека Мокетатумбы, которым было поручено доставить партнёров в столицу племени – селение Барамбуджа. Территория йоро-нгоро находилась на севере страны, так что Мокареву и Халимонову предстояло утомительное автомобильное путешествие. Вождь прислал почётным гостям кортеж из трёх внедорожников. В одном расположились Анатолий и Витёк, во втором – шестеро вооружённых «калашами» охранников (на дорогах Нигерии пошаливают боевики различных криминальных и террористических группировок), а третья машина везла лучшего повара племени, несколько центнеров местных продуктов и пару декалитров напитков.

Добирались двое суток. По пыльным грунтовыми дорогам, на обочинах которых стояли роскошные баобабы вперемеж-

ку с зарослями колючих тропических акаций.

– Слушай, Толян, – спросил приятеля Витёк. – А где тут жирафы-антилопы, львы-газели? Что это за Африка такая, без бродячего зоопарка.

– Зоопарк, чувак, на другом конце континента, где-нибудь в Кении. А здесь – самая населённая африканская страна. Знаешь, сколько здесь народу живёт?

– Ну, миллионов двадцать-тридцать.

– А сто семьдесят пять не хочешь?

– Так это же больше, чем в России!

– Ну, да. Но на карту посмотри, у нас Красноярский край в три раза больше будет. Так что никакого тебе зоопарка. Они тут друг у друга на головах сидят, все антилопы давно съедены. Если бы не нефть, золото, уран и прочие дары природы, давно бы с голоду друг дружку кушать стали. Хотя, говорят, в некоторых отдалённых районах каннибализм до сих пор почтенная народная традиция. Кстати, мы как раз едем в такой отдалённый район, где очень трепетно относятся к старинным народным обычаям.

– Ты это серьёзно? – изумился Витёк.

– Серьёзнее некуда. Да ты не дрейфь, смотри, какая у нас охрана. Хотя один – тот, с выбитым глазом, – на тебя как-то странно посматривает. Надо его кормить получше.

Так, развлекаясь приколами, приятели провели в дороге двое суток. На ночь они останавливались в мотеле, где Витёк не смог принять душ из-за того, что пол в кабинке просто

кишел отборными тропическими тараканами, каждый почти с человеческую ладонь величиной.

Барамбуджа оказалась небольшим городком (или крупной деревней). Всё то же самое, к чему Мокарев уже начал привыкать в Нигерии: шум, суета, беспорядочное дорожное движение, многочисленные дети-попрошайки. Дворец вождя йоро-нгоро представлял собой большое бунгало, окружённое террасой. Двор, обнесённый забором из сетки-рабицы, был полон свиней, коз, кур, собак, кормящих грудных детей женщин, скучающих охранников с «калашами» за спиной и мачете на поясе.

Здесь Витёк впервые столкнулся с настоящими чёрными арийцами. С его ростом в России он чувствовал себя вполне комфортно, а здесь Мокареву приходилось практически на всех взрослых мужчин смотреть снизу вверх.

– Что я тебе говорил, – торжествовал Толян. – Средний рост мужиков здесь метра на два потянет.

Наконец гости из России смогли привести себя в порядок. Их разместили в уютных комнатах, оборудованных вполне по-европейски: кондиционеры, биде, ванны. И никаких тараканов. Правда, на потолке своей комнаты Витёк обнаружил славного такого геккончика.

К вечеру парни успели вздремнуть в приятном холодке, освежиться прохладительными напитками, которые в изобилии были представлены в барах их номеров. Когда стемнело, Халимонов и Мокарев отправились на торжественный при-

ём к вождю племени Джеку Мокетатумбе. Встреча проходила в просторном зале на первом этаже бунгало. Стены помещения были увешаны традиционными изделиями местных народных промыслов: маски, копья, перья в ассортименте. На стене за большим креслом, в котором восседал вождь, висела голова огромного чёрного носорога.

– Этот вид, кстати, находится на грани вымирания, – уважительно прошептал Халимонов, указывая приятелю подбородком на охотничий трофей Мокетатумбы.

Гостей усадили на почётные места за небольшой стол, который находился рядом с креслом вождя. Мокетатумба был крупным даже по меркам йоро-нгоро мужчиной. Мокареву он чем-то напомнил знаменитого центрового NBA Шакила О'Нила, только вождь весил килограммов на пятьдесят побольше, чем гигант-баскетболист. Седая курчавая борода придавала Джеку вид настоящего патриарха. Переговоры вели через переводчика, паренька лет двадцати на вид. Стройный, гибкий красавец владел английским так, как приятелям и не снилось. Ничего странного в этом не было. Племянник вождя Фред Матотаупа четыре года провёл в Гарварде, где обзавёлся великолепным произношением и магистерским дипломом.

– Великий вождь спрашивает белых пришельцев из страны сухой воды, готовы ли они заключить договор на добычу нашего золота? – после традиционных приветствий и разговоров о погоде перешёл к деловой части Мокетатумба.

Сухой водой он называл снег. Ему рассказали, что в России регулярно случается такое чудо, как выпадение на землю белой «засохшей» воды.

– Да, великий вождь. Мы готовы. Мой друг станет руководителем нашего общего дела. Он берёт на себя за это полную ответственность. – Халимонов покосился на Мокарева. – Но, Джек, помнишь, мы с тобой говорили. Мой друг готов пойти на это только из дружбы ко мне и из уважения к тебе как к старшему родственнику.

– Какому родственнику, что ты городишь? – прошипел изумлённый Витёк.

– Спокойно, всё поймёшь. Доволен будешь – по самые помидоры, – прошипел в ответ Толян.

– Да, я помню. Вождь держит слово. Своему зятю я всегда и везде буду помогать так, как велят наши обычаи, – закончив фразу, Джек три раза хлопнул в ладоши. Шум, стоявший в зале, прекратился. Где-то за стенкой раздался ритмичный стук барабанов, колыхнулась занавеска из леопардовой шкуры, и в зал вошла ОНА.

– Моя дочь, Стелла Мокетатумба. Подойди к жениху, девочка.

Витёк нервно вытер внезапно вспотевшие ладони о штаны. Сердце бухало в груди, словно кузнечный молот. Лоб покрылся холодной испариной. Позже Толян рассказывал приятелю, как он перепугался за него.

– Я думал, ты ласты прямо там склеишь. Весь позеленел,

руки трясутся, как у алкаша запойного, глаза закатываются. Обмяк весь, ну, думаю, щас Витёк прям под стол откинется. Нет, девка – высший класс, спорить даже не стану. Но ты у нас какой-то слишком нервный оказался.

– Высший класс? Девка? – переспросил Витёк. – Ты, Толян, что-то в этой жизни не так понимаешь. Это – принцесса. Настоящая.

– Bravo, Маргарита Терентьевна, блестящая работа. Чистейшая эмоция. Все классические симптомы мощного феромонового удара налицо: учащённое сердцебиение, скачок давления, сильная слабость, потливость. Кожа приобретает слегка зеленоватый оттенок. Возможна даже потеря сознания.

Витёк попытался взять себя в руки. К нему приближалась мечта его снов: то же грациозное покачивание крутых бёдер, те же изящные груди, соски которых горделиво смотрят в стороны. Миндалевидные глаза над высокими скулами. И кожа чудесного тёмно-шоколадного цвета: матовая, нежная, напоминающая дорогой плотный шёлк.

«Какие же мы страшные! – подумал Витёк. – Бледные поганки какие-то. Боже, что за фигура! Этого просто быть не может, таких женщин на земле не существует. Наверное, она точно из Атлантиды. Или с Марса».

Черты лица Стеллы Мокетатумбы нельзя было назвать красивыми на европейский вкус: негроидные губы, чересчур покатый лоб, пухлые щёки – она явно не годилась в натур-

щицы для портрета Мадонны. Точёный нос и большие глаза позволяли назвать её приятной, милой, обаятельной. Таки-ми эпитетами принято награждать девушек, которых люди стесняются напрямую называть дурнушками. Но, как потом рассказывал приятелям в России Халимонов, Стелла могла быть в десять раз страшнее, на тот момент это не имело значения.

«Да она вообще могла быть без головы, – горячился Толян. – С такой фигурой голова и не нужна вовсе. Я такой задницы никогда не видел. А этого добра, поверьте, я насмотрелся самого разного: от Швеции до Греции, от Бангкока до Бостона. А ноги! А живот! Ну, просто “Феррари” среди женщин. Чёрная? Ну и что? С такими данными она может быть хоть зелёной, хоть фиолетовой в крапинку. Так что я Витька где-то даже понимаю. За такую и жизнью рискнуть можно. Нет, вру. Жизнью рисковать – ни одна баба такого не стоит. Но это – его проблемы. Принцесса ему так понравилась, что он договор не глядя подмахнул. А зря. Свадьба через месяц. Он вас не приглашал?»

Глава 4

Возвращался в Россию Мокарев как во сне. Он почти не помнил обратной дороги через африканскую саванну, не мог толком сказать, самолётом какой компании они летели из Абуджи в Москву. В его голове колоколом звенела только одна мысль: через неделю – месяц, через неделю – месяц.

Оказывается, по обычаям племени йоро-нгоро, как убедили Витька будущие родственники, свадьбе должен предшествовать период знакомства. Конечно, будь наш герой не столь эмоционален на тот момент, он непременно усомнился бы в столь странном обычае и задал бы пару наводящих вопросов вождю. Например, зачем отпускать бесценную принцессу на родину к белому мужчине, притом взяв с него клятву, к будущей жене не прикасаться. Пораскинь Витёк мозгами, вполне возможно, он понял бы, что сделано это лишь для того, чтобы покрепче привязать его к чернокожей невесте, а ещё чтобы выиграть время, которое мошеннику Халимонову было необходимо позарез. Но, поскольку Мокарев, пребывая в настоящем любовном экстазе, думал чем угодно, но только не головой, история «прокатилась». И через неделю Стелла прилетела в Россию и провела со своим будущим мужем целый месяц, на протяжении которого они должны убедиться в своей совместимости, но только без секса. Витьку такой обычай не очень нравился, но капризничать ему не

приходилось.

Есть мужчины, которые считают: самое тяжёлое в совместной жизни – необходимость общаться с женщиной. Витёк не испытывал ни малейших проблем с невестой. Им не мешал даже языковой барьер: английская девушка изучала явно не в Оксфорде, впрочем, и её жених тоже. Тем не менее они прекрасно понимали друг друга. Будущие молодожёны смотрели простенькие сериалы на английском или на русском языке. Переводили по очереди, помогая себе жестами и мимикой. Периодически попытки перевода завершались страстными поцелуями. Этот вид ласк был как раз в допуске. Иногда они выбирались из дома за продуктами в ближайший супермаркет. Стелла совершенно не умела готовить. По крайней мере, из европейских продуктов. Поэтому парочка довольствовалась тем, что готовил Витёк: сосисками, бутербродами, овощной или рыбной нарезкой, варёными яйцами. Помощь Стеллы заключалась в том, что она мастерски нарезала продукты, которые требовались Мокареву для приготовления незамысловатых блюд. Ножом принцесса владела в совершенстве.

Во время непродолжительных прогулок по городу (от дома до супермаркета и обратно) Витёк постоянно ловил восхищённые мужские и завистливые женские взгляды, которые люди бросали на Стеллу. Мокарев мечтал о том, как после свадьбы он наконец обретёт свою принцессу в «полном объёме» и, после того как их сексуальный пыл немного угаснет,

выведет красавицу в хороший ресторан или в театр. «Для начала мы её слегка приоденем, и тогда все точно упадут», – размышлял счастливый жених.

На фоне идеально-платонических отношений, сложившихся у Витька с будущей женой, его финансовые дела складывались не очень удачно.

– Понимаешь, старик, нам нужно немного потерпеть. Концессия – дело серьёзное, – убеждал его по телефону Халимонов. – У меня в Сибири пара контактов интересных, но мужики там взяли тайм-аут, заказали маркетинговые исследования по Западной Африке. А у вождя кое-какие проблемки с соседями. Но ты не бойсь, ничего серьёзного. Спокойно готовься к свадьбе. Только нам в грязь лицом ударить нельзя. Я бы на твоём месте инвестировал в торжества пару-тройку лямов... Да рублей, конечно, ты уж разволновался. Да, ещё тачку попримочнее возьми. Прямо в Абудже закажи, так дешевле обойдётся. Можешь через меня. Приличный внедорожник для зятя вождя, сам понимаешь, необходимый аксессуар. Ну, как чистые носки.

Витёк занялся инвестициями в свадьбу. Для этого ему пришлось серьёзно залезть в долги. Как на грех, ему довольно долго не удавалось поучаствовать в интересном конкурсном управлении. В конечном итоге проблему удалось решить. Необходимые деньги Витёк занял частично у знакомых, частично в банке. Но всё было сделано, что называется, на тоненького. В случае просрочки Витьку грозили неслабые

штрафы, которые с него взялись бы взыскивать очень серьёзные люди.

И вот наконец подошёл последний день Стеллиного пребывания в Москве. Бурные объятия, страстные поцелуи, горячие слёзы. Такси в Шереметьево, паспортный контроль – и вот уже принцесса отбывает на родину. Мокареву остаётся потерпеть две недели – и потом тем же рейсом в Нигерию. Как говорится, пирком да за свадебку. А там, глядишь, дела с концессией наконец-то в порядок придут.

Глава 5

– Дорогой белый сын, я готов дать тебе самое дорогое из моего имущества, мою любимую дочь. Мы, йоро-нгоро, народ гордый. А потому выдаём замуж наших девушек в лучшем виде. Их до замужества никто не может познать. И ты, сын из страны сухой воды, сейчас в этом убедишься.

– О чём это он? – спросил вполголоса Халимонова Витёк.

– Увидишь. Это такой цирк – бразильская порнография отдыхает.

– Какая порнография? Ты что несёшь?

– Слушай внимательно. Йоро-нгоро – очень гордый и гостеприимный народ. Отсюда их обычаи. Как бы тебе объяснить... Вот ты приходишь в приличный ресторан и заказываешь бутылку шампанского. Вино вкусное и очень дорогое. Бутылка – вся в медалях. Тебе его приносят в серебряном ведёрке по самое горлышко во льду. Кто будет шампанское откупоривать?

– Сомелье, конечно.

– Верно. А почему? Ты за это возьмёшься – всех пеной залёшь, пробкой в глаз соседу засандалишь. А тут – всё тихо, чинно, аккуратно. Заведение берёт на себя трудную работу, а ты потом пей в своё удовольствие.

– Я что-то не понял...

– Всё ты понял. Щас твою невесту секс-сомелье, как ту

бутылку, откупорит, чтобы ты потом не маялся, только удовольствие получал.

– Я им откупорю!

– Не вздумай дёрнуться, всё испортишь. У них обычай такой народный. Эта традиция с самой Атлантиды. Ты кто такой, чтобы племенную культуру об колено ломать? И, кстати, надеюсь, ты в Москве ничего такого с принцессой не делал? Наказание у них за это серьёзное. Петля из проволоки – и «хозяйство» долой.

Витёк втянул голову в плечи и нервно замахнул стакан какого-то неизвестного европейской науке алкогольного пойла. Так началась его долгожданная свадьба.

Между тем двое дюжих йоро-нгоро внесли в зал невысокое ложе без спинок. Ложе было застелено ослепительно белым покрывалом. Стелла, всё так же грациозно покачивая бёдрами (по-другому она просто не умела передвигаться), подошла к кровати, одним движением скинула с себя платье, испещрённое знаменитыми узорами йоро-нгоро – золотыми молниями на красном фоне. Зал дружно вздохнул. Всем показалось, что сама богиня любви, эбеновая Венера, сошла с небес и возлегла на своё брачное ложе. Стелла улеглась на спину, закинула руки за голову и устремила взгляд в потолок, не обращая внимания на восторженный гул.

Под несмолкаемый грохот барабанов на импровизированную сцену в центре бунгало выпрыгнула группа поддержки. Одетые в пальмовые юбки и в такие же пальмовые пари-

ки танцоры закружились в страстном танце, вполне соответствующем настоящей ситуации. Они то сужали круг, то отдалялись от ложа. Барабанная дробь и рёв толпы нарастали.

– Сын моей дорогой сестры, Фред! Готов ли ты исполнить обряд для нашего дорогого гостя? – вождь величественно обернул голову в сторону племянника.

Оказывается, Мокетатумба тоже неплохо владел английским. А может, уже подучил для пользы дела.

Юноша молча кивнул дяде, стремительным прыжком леопарда переместился к кровати, сорвал с себя одежду и гордо повернулся к восхищённо заревевшим гостям. Все увидели, что племянник готов очень хорошо.

Барабаны передали шквал эмоций. Пляшущие люди практически вошли в экстаз.

Витёк охнул: «Вот это штука!»

– А я тебе что говорил? Они тут все – членочемпионы, – хохотнул Толян.

Мотатаупа между тем не терял времени даром. Он склонился над кузиной, раздвинул её покорные ноги и тут же приступил к почётной обязанности.

Богиня издала грудной стон. Племянник вождя зарычал. Витёк с ужасом услышал всё ускоряющиеся звуки звонко соприкасающихся молодых тел. Стоны становились всё громче, рычание перешло в какой-то жуткий вой.

Неожиданно этот звериный дуэт превратился в трио. Это Витёк с самым настоящим орлиным клёкотом бросился к ме-

сту проведения обряда.

Эмоции, что испытывал он в данный момент, напомнили ему далёкое детство. Он отчётливо видел своего приятеля по детскому садику Димку, своего любимого медведя Степашку, видел, как ненавистный Димка откручивал у медведя лапы одну за другой и ревел, преодолевая метры, отделявшие его от обидчика.

Танцоры сжали круг. Теперь внутри оказались только трое: принцесса вместе с кузеном и Витёк. Пронзительные голубые глаза взглянули на Мокарева из-под пальмового парика. Щелчок пальцев, и парень замер на полувздохе.

Позже Халимонов, пытаясь реконструировать ход событий, рассказывал Мокареву, который ничего не мог вспомнить по причине тяжелейшего аффекта, посетившего его в тот вечер, о том, как смотрелось «бразильское порно» со стороны.

– У тебя рожа была – можно вампирский сериал снимать: зубы оскалены, слюна из пасти хлещет. Мне показалось, что ты бедного Фредика щас за его попку шоколадную укусишь.

– Я бы ему голову откусил, кобелю тропическому, – мрачно сообщил Витёк, которому даже спустя долгое время трудно давались воспоминания о дефлорации его ненаглядной принцессы.

Мокарева потом долго отпаивали всё тем же национальным пойлом и неизвестно откуда взявшимся односолодовым виски. В конце концов Толян доволоч приятеля до кровати в

его комнате, услужливо снял с него обувь, заботливо укрыл покрывалом и тихонько удалился. А в зале, где был проведён обряд допродажной подготовки невесты из племени йоро-нгоро, ещё долго держался лёгкий запах озона.

Глава 6

Маргарита Терентьевна хохотала от души.

– Ну и ну! Вы, Игорь Александрович, не только мастер своего дела, но ещё и юморист. Это надо же такое придумать.

Босс прохаживался по своему стеклянному офису на макушке небоскрёба.

– А вот мне почему-то не смешно. Он, конечно, простофиля, наш Витёк, но мне парня жаль. Не смертельно, в чём-то комично, но всё-таки жестоко мы с ним обошлись.

– Ого, да вы никак сочувствие к нему испытываете?

Маргарита Терентьевна удивлённо подняла брови и взглянула на босса поверх шикарных очков от Prada.

– И нечего язвить. Я скоро!

С этими словами Игорь Александрович растворился в распахнувшем двери лифте.

Витёк сидел за столиком аэропортовского кафе. На родину он прилетел в крайнем смятении. Не помогали ни утешения Халимонова, ни крепкий алкоголь.

– Можно к вам, молодой человек. Вы не возражаете?

Витёк поднял голову. Элегантный мужчина лет сорока вопросительно смотрел на него, не сводя пристального взгляда с точки над его переносицей.

– Нет, не возражаю. Присаживайтесь.

– Можно с вами поговорить?

– А... – растерянно протянул Мокарев, удивлённый таким вопросом от незнакомого человека. – И о чём?

Для начала о политике, потом о любви.

Витёк поморщился, но кивнул.

– Валяйте, мне уже всё равно.

– Вы знаете, что сегодня происходит на севере Нигерии? – как говорится, с места в карьер начал незнакомец.

– Там золото нашли, – неуверенно пробормотал Витёк.

– Правильно, золото. А ещё радикальная исламистская группировка «Боко харам» принесла на днях клятву верности «Исламскому государству» и начала очередной джихад против неверных. Они вырезают всех христиан поголовно. А племя йоро-нгоро, как вам, наверное, известно, исповедует христианство. Христианство там, конечно, то ещё, с массой языческих традиций и почтенных племенных обрядов, – повар эмоций не удержался и бросил на Витька ехидный взгляд, тот густо покраснел. – Но исламисты в такие тонкости не вникают. В таких племенах они убивают всех мужчин.

В животе у Мокарева стало прохладно.

– А женщин? – голос Витька предательски дрогнул.

– Смотря каких. Второй сорт насилуют и убивают. Те, что посимпатичнее, становятся невестами воинов шариата, практически полевыми проститутками. А самые отборные пополняют гаремы шейхов «Боко харам».

Мысли в лохматой голове Мокарева беспорядочно заскакали. Вспышками проносились воспоминания о чудных грё-

зах, о жизни с женщиной его мечты, они прерывались какими-то зловещими гримасами вооружённых до зубов чёрных головорезов, наряженных в камуфляж, потом – жуткими картинами кровавой бойни. Где он это видел? В каком-то блокбастере или на канале Viasat History, одному Богу известно. Но страшно стало по-настоящему.

– Вы за Стеллу не переживайте, – продолжал тем временем странный незнакомец, подсевший за его столик, – всё у неё будет хорошо. Она станет любимой женой шейха Абубакара Шекау. Родит ему прекрасных сыновей, которые продолжат дело отца. А вот вождь Мокетатумба падёт геройской смертью, защищая родное селение от превосходящих сил врага. Если вас утешит, то его племянник не переживёт дядюшку. В общем-то, в Африке это обычное дело. Они там друг дружку режут тысячи лет – и всё никак вырезать не могут.

Разумом Витёк понимал, что пророчество этого человека звучит абсолютно правдоподобно, но сердце влюблённого отказывалось принимать эту реальность. Парня залихорадило, он втянул голову в плечи и начал яростно тереть правой рукой нос-картошку, а левой – столь же яростно ворошить рыжеватые лохмы на макушке. Мерно раскачиваясь вперёд-назад, Мокарев погрузился в какой-то странный ступор.

– Да не расстраивайтесь вы так! Я неспроста всё это говорю. Вам в жизни посчастливилось пережить замечательное

приключение, которое очень редко приходится на долю белого человека. Таким эмоциям просто нет цены.

Мужчина секунду помолчал.

– Не грустите, я вам помогу. Посмотрите мне в глаза, – властно произнёс он.

Витёк поднял потерянный взгляд, между ним и странным незнакомцем пробежал таинственный разряд. Тихий щелчок, запах озона. Всё закончилось.

Витёк опустил лохматую голову на руки и заснул прямо за столом. Сон был приятным. Витёк шёл по летнему лугу. Вдалеке зеленела берёзовая роща, пели птицы, стрекодали в траве насекомые, ярко светило весеннее солнышко. А навстречу Витьку шла она: безумно красивая, стройная, крутобёдрая, полногрудая, будто ожившая носовая фигура старинного парусника. Светлокожая блондинка ожгла парня страстным взглядом пронзительных синих глаз и весело рассмеялась.

Действительность прервала сладкий сон Витька Мокарева.

– Молодой человек, вы что-то обронили! – кто-то теребил Мокарева за рукав.

Витёк с трудом разлепил глаза и... Он оказался аккурат нос к носу со своим вожделённым сном – лицо нагнувшейся за салфеткой девушки находилось как раз на уровне его глаз. Голубоглазый сон, не отрываясь, смотрел на него.

В полупроснушемся сознании возникла неясная картин-

ка: эбеновая принцесса арийско-атлантового происхождения, покачивая, как всегда, крутыми до невозможности бёдрами, удалялась в знойную даль африканской саванны. Витёк моргнул глазами, и видение пропало.

– Вас как зовут? – тряхнув космами, воскликнул парень, хватая за руку свой материализовавшийся сон.

– Лиза, – скромно ответила белокурая красавица и, покачивая крутыми бёдрами, направилась к своему столику.

– Стойте! – крикнул Мокарев и ринулся вдогонку.

Эпизод 3. Неуловимый след

Глава 1

В тот день Маргарита Терентьевна прошла очередной этап недавно скачанной компьютерной игры и очень этим гордилась. Воодушевлённая победой, она намеревалась вновь вступить в бой со зловердными монстрами. Собственно, сейчас она имела полное право расслабиться и поиграть. Очередное задание было выполнено, а ровный зелёный свет дюжины датчиков говорил о том, что ничего интересного вокруг не происходит. И вдруг... Нечто из ряда вон выходящее заставило её оторваться от игры и уставиться в монитор. Перед ней предстала следующая картина: по бульвару не спеша шла женщина лет тридцати. Довольно симпатичная брюнетка. Фигура, может быть, и не идеальная, но мужчины на таких внимание обращают: округлые бёдра, узкая талия, в целом выглядит очень женственно. Одета элегантно и, очевидно, следит за собой. В общем, вся она была ладненькая, милостивая. Лицо спокойное, во взгляде нет никакой агрессии, поэтому создавалось впечатление, что и в душе у неё всё так же гармонично и ладно.

С точки зрения неискущённого человека незнакомка была самой обыкновенной, если, конечно, безоговорочно принять, что привлекательные женщины – это норма. Но Марго

смотрела на неё отнюдь не мужскими глазами. Отточенная за долгие годы интуиция сработала мгновенно: с девушкой явно что-то не так, это же очевидно. Подтверждал её предположение один убедительный факт. Дело в том, что в той необычной канцелярии имелась так называемая тревожная кнопка – маленькая лампочка, на которую секретарша смотрела сейчас, не отрывая глаз. Вместо обычного зелёного лампочка переливалась сейчас всеми цветами радуги.

«Быть такого не может», – воскликнула она.

Цвет датчика явно свидетельствовал о нештатной ситуации. Не меняя позы и продолжая смотреть в монитор, Маргарита Терентьевна попробовала позвать босса, но голос сорвался, и она от волнения закашлялась. Этого оказалось достаточно, чтобы подать сигнал. Через секунду Игорь Александрович уже возник у неё за спиной со стаканом воды.

– Вы это видите? – сделав несколько глотков воды, Марго наконец сумела справиться с кашлем.

– Пре-лю-бо-пыт-но, – протянул Игорь Александрович, происходящее произвело впечатление даже на него.

Наверное, стоит пояснить, почему показания одного маленького датчика привели к переполоху среди столь бесстрастных поваров кухни эмоций. Всё очень просто: тревожная кнопка загоралась только в самых экстренных случаях. И дело не в ограблении банка, датчик сигнализировал о том, что в поле зрения системы попал очень редкий экземпляр. Просто представьте: приходите вы в ресторан, а вам там рагу

из динозавра подают или салат из мифического цветка папоротника. Не откажитесь попробовать то, чего в природе нет и быть не может? Вот так и наши кулинары просто остолбенели, когда специальный прибор обнаружил эту диковинку, да ещё таких размеров, что её можно приготовить и так, и эдак, поделить на несколько порций, сервировать разными способами.

– Только не упустите её!

– Ни в коем случае!

– Это потрясающе!

– Как такое возможно?

Босс и секретарша быстро обменивались короткими фразами.

– Стоп! – Игорь Александрович ткнул пальцем в бегущую по краю экрана диаграмму. – Судя по силе сигнала, она «инфицирована» очень мощной эмоцией. Но мы же не делали этого?

– Нет, мы абсолютно ни при чём. И что это значит?

– У нас появился конкурент? – ответил вопросом на вопрос Игорь Александрович.

– Или бедная девочка сама довела себя до такого, – подытожила Маргарита Терентьевна.

– Вы только посмотрите! Какой генезис! – Игорь Александрович опять указал на диаграмму.

– Вижу, вижу! Идеально от момента встречи и на всём протяжении.

– Могу сказать лишь одно: так умеем только мы. Как она только ещё жива? Ведь это не первый день длится, – Джейми Оливер от эмоций был действительно удивлён, что в принципе для него было не свойственно.

– Да, приблизительный срок инкубации около трёх лет, – подтвердила Марго, проводя анализ данных.

– Она должна была давно сойти с ума от эмоциональных перегрузок или выкинуть всю эту любовную чушь из головы.

– Ну, это вы, Игорь Александрович, зря. Вам ли не помнить былые времена. Тогда люди всю жизнь могли любить безответно – и ничего, жили. На войну ходили, детей рожали, женились, – предложила своё объяснение опытная леди.

– Э-э-э-э, всё это не совсем так, любезнейшая Маргарита Терентьевна. Они потому и жили, что замену своим эмоциям находили. Пусть внутри и жила несчастная любовь, но гормональный коктейль они всё же себе впрыскивали. А война – вообще милое дело. Тот адреналин все другие эмоции перекрывает, пусть хоть и на время. А тут у нас чистый эксперимент. К тому же любое чувство, как мы с вами знаем, имеет момент зарождения, развития, кульминацию (собственно, это наш любимый миг апофеоза) и... Правильно! Период угасания. Впрочем, про это я уже говорил. Три-пять лет, не более – это срок чистой феромоновой зависимости. А дальше... Вы же знаете. Если бы я не обладал таким тонким чувством сострадания, – Игорь Александрович не без гордости глянул на ассистентку сверху вниз, – то, оставляя

наших подопечных после кульминации на произвол судьбы, я бы особого вреда им не причинил. Помучились бы максимум пару лет – и вперёд, налаживать новую жизнь. Точнее – новые шишки набивать, ну как же без этого!

Игорь Александрович прервал свой монолог и снова взглянул на экран монитора.

Девушка медленно шла по бульвару. Её окружала такая красивая осень, что от красок захватывало дух. Иногда она подкидывала носком упавший ей под ноги кленовый лист и что-то шептала ему. Она выглядела безмятежной, и если не знать того, что знали наши кулинары, могла показаться счастливой: нежно улыбалась вечернему солнцу, играла с осенней листвой и шла куда-то, наверное, на встречу с чем-то приятным. Выдавал её лишь тяжёлый, мутный сгусток энергии, загнанный глубоко внутрь.

Для кулинаров это выглядело примерно так: перед ними пульсировал клубок эмоций в окружении сиренево-голубых всполохов, ярких, искрящихся протуберанцев. А сверху наброшена плотная сетка, преломлявшая их. При соприкосновении с сеткой протуберанцы краснеют, и поэтому кажется, что сгусток истекает кровью. Пугающее и завораживающее зрелище.

– Что ж, объект уникальный. Похоже, некоторое время назад эта девушка застряла в болоте своих чувств и теперь живёт, даже не в состоянии дышать полной грудью. Но ведь живёт. Как замороженный во льду цветок: растает лёд, и он по-

гибнет, а пока создаётся видимость красоты и жизни! – скупая на мелодраматизм секретарша не могла не выразить своих эмоций, уж больно красивый момент предстал её взору.

«Даже Маргариту Терентьевну потянуло на лирику», – подумал Игорь Александрович.

Кстати, Марго эти мысли прочитала, хоть ей и было запрещено.

Девушка продолжала свой путь, а Игорь Александрович всё смотрел на неё, изучая самым тщательным образом. Вдруг он резко выпрямился, ещё раз взглянул на экран и произнёс:

– Любовные переживания, говорите? Ничего подобного! Феромоновыми страданиями сегодня никого не удивишь. Таких ингредиентов сплошь и рядом сколько угодно. Здесь мы имеем дело с настоящим деликатесом: вызревает чистая, незамутнённая, всепоглощающая ненависть. Редкое чувство. Под силу далеко не каждому. От любви до ненависти на самом деле не один шаг, между ними – целая пропасть. Люди в своём большинстве слабы, могут испытывать в лучшем случае неприязнь, раздражение, безразличие. Так они экономят свои душевные силы, функционируют в энергосберегающем режиме. Ведь по-настоящему ненавидеть очень трудно, это путь к саморазрушению, к взрыву, к персональному апокалипсису.

– Вот как? Это милое существо способно на такие подвиги?

– Ещё как! Давненько я подобного потенциала не встречал. Какое же блюдо нам сделать из неё? Вывести из равновесия? Посмотреть, что ещё выдержит? Похоже, с неё можно эксклюзивный выброс снять. А может быть... Завалился где-то у меня один специфический заказик, кажется, № 8887/22. Не делали мы такого никогда...

Игорь Александрович продолжал задумчиво смотреть в монитор.

– Может, ты бы и подошла. Может быть, может быть... Хотя что-то я здесь не пойму... – так рассуждал он вслух, совершенно забыв о присутствии Марго. Было видно, что он не на шутку взволнован и растерян одновременно.

Потом он отвлёкся от своих размышлений и попросил:

– Маргарита Терентьевна, голубушка, а найдите-ка нам раздражителя!

На тот момент ответ уже был готов, так как программа работала и выдавала результаты очень быстро.

– Вы не поверите, коллега, случай действительно уникальный. Нам и делать ничего не придётся, всё само собой происходит, без нашего вмешательства. Раздражителей и так предостаточно, отборных, первосортных. Нам с вами остаётся только наблюдать. Главное – не пропустить кульминацию, – отчеканила секретарша.

– Вот и отлично. Давайте тогда отмотаем ленту событий на несколько лет назад, чтобы не было для нас никаких неожиданностей в поведении этой чудной особы.

Сказано – сделано, они принялись за работу. И вот что они выяснили про свою героиню.

Глава 2

В жизни Даши Рогачёвой было два счастливых периода: с младенчества до пяти лет, а потом – с восьми до шестнадцати. Пока Даша была совсем маленькой, мама и папа пили не очень сильно, когда девочка училась в старших классах, её мама отбывала срок за убийство папы, а бабушка была ещё жива. А вот после смерти бабушки и выхода на свободу мамы Даше пришлось по-настоящему туго.

Рогачёвы жили в годы перестройки. Так же, как и большинство советских семей, они пытались выжить. Папу – весельчака и затейника Шуру Рогачёва – выкинули вместе с сотней его товарищей с мебельной фабрики, где он несколько лет проработал мастером в цехе обивки. Мама – полненькая, аппетитная хохотушка Рая Рогачёва – по-прежнему трудилась нянечкой в детском саду, но её скромной зарплаты хватало только на приобретение самогонки неизвестного происхождения, которой торговали в привокзальном киоске провинциального российского городка. А без самогонки было никак: Шура Рогачёв не мог смотреть трезвыми глазами на окружавшую его печальную перестроечную действительность. Жена ходила в жалких обносках, за квартиру было не плачено уже семь месяцев, дочурка Дашка забыла о том, что такое конфеты.

Шура начинал пить с обеда. К этому времени он успевал

проснуться, позавтракать чем Бог послал (а Бог посылал через Раю в стеклянных баночках из-под майонеза остатки детских обедов и ужинов из садика) и сходить на привокзальную площадь, где знакомая ларёчница отпускала самогон в долг, до получки. Получка тоже была у Раисы. Пособие по безработице Шура перестал получать уже давно. В их моногороде найти работу было практически невозможно, поэтому Рогачёв перебивался случайными заказами, он ремонтировал старую бытовую технику: телевизоры, холодильники, стиральные машины. Руки у него были золотые. Но вот беда, его клиентура могла, как правило, рассчитываться с ним только в натуральном виде. Чаще всего – всё тем же самогоном. Такая форма расчётов негативно отражалась на производительности и качестве труда Шуры. К приходу жены он уже бывал основательно навеселе. Мать приводила Дашу из садика, кормила содержимым всё тех же баночек. Потом девочку отправляли играть в единственную комнату их однокомнатной квартиры, а мама с папой устраивались на кухне. Даша была тихим, спокойным ребёнком: она любила рассматривать цветные картинки в книжках и журналах, мастерить наряды своим немногочисленным куклам из лоскутов материи, предоставленных мамой. Иногда она смотрела мультики по их старенькому телевизору, настроить который у мастера Шуры руки не доходили, а потому приключения мышат и котят Даша наблюдала сквозь пургу эфирных помех.

Через пару часов после начала супружеского застолья Шура брался за баян и услаждал семью и соседей отборными частушками, в которых на одно понятное для Даши слово приходилось три непонятных. Потом наступала десятиминутка перебранок: Шура и Рая громко, но не очень связно излагали конкретные претензии друг к другу и провозглашали абстрактные проклятия окружающей их действительности. Выброс эмоций действовал на супругов умиротворяюще: слегка покачиваясь, они отправлялись в комнату, задёргивали занавеску и укладывались на супружеское ложе. Несколько минут после этого Даша могла слышать мерный скрип полутораспальной кровати, после чего мама издавала протяжный грудной стон (этот звук давно перестал пугать девочку, она поняла, что с мамой ничего плохого не происходит). А спустя ещё пять минут комнату оглашал громкий папин храп. Даша самостоятельно убирала игрушки, раздевалась, чистила зубы и ложилась спать на раскладном кресле, стоявшем в углу комнаты под большим фикусом в просторной кадке.

Девчужку такая жизнь устраивала. Спокойный, размеренный ритм регулярно чередующихся событий соответствовал её флегматичному темпераменту. Конечно, ей не хватало сладкого, но для этого у неё была бабушка. Мамина мама жила в тридцати километрах от семьи Рогачёвых, в миллионном промышленном городе, столице суровой приуральской территории. Бабушка была человеком образованным: она

трудоулась в средней школе преподавателем русского языка и литературы, играла на фортепиано и знала огромное количество русских народных пословиц и поговорок. «Птицу видно по полёту, добра молодца по соплям, а тебя, Александр Игнатьевич, по перегару», – приветствовала она зятя, заходя в квартиру Рогачёвых во время своих ежемесячных визитов. На дочку Зинаида Викентьевна давно махнула рукой, зато во внучке души не чаяла. Привезённых бабушкой лакомств Даше хватало на целых две недели. После того как запас конфет, мармеладок и печенья заканчивался, девочка начинала считать дни до следующего визита бабы Зины.

Разрушающее воздействие низкосортного алкоголя на человеческую психику, к сожалению, процесс неизбежный. Со временем ритм жизни семьи Рогачёвых стал меняться. И перемены эти были не в лучшую сторону. Десятиминутные перебранки превратились в полчаса злобной ругани, а мерный скрип семейного ложа и тем более грудные мамины стоны стали большой редкостью.

– Да на такую потасканную корову, Рая, у сопляка шестнадцатилетнего не встанет. А я – человек, жизнью замученный, чё ты до меня довязалась?

– Ты, Шура, сам козёл, молю битый, тараканом обосранный. А замучила тебя не жизнь, а самогонка. Твой стручок даже на артистку Гундареву не встанет.

Оскорблённый столь низкой оценкой своих сексуальных возможностей (супруги обожали смотреть старые советские

фильмы), Шура завёл обыкновение приводить домой днём, пока Раиса была занята воспитанием детсадовских детишек, пару вокзальных потаскух. Вокзал их городка был своеобразной перевалочной базой на маршруте мигрирующих проституток: те на зимнее время перебирались в большой город из окружающих его маленьких бесперспективных сёл, а летом возвращались домой – нужно было помогать родителям на огороде, участвовать в грибных и ягодных заготовках. Поэтому приманить пару смазливых шлюшек бутылью самогона и содержимым баночек из-под майонеза Шуре труда не составляло. Тем более что, несмотря на усиленное употребление некачественного алкоголя, он ещё сохранял остатки своих мужских способностей. Высокий и статный, он до сих пор притягивал к себе заинтересованные взгляды женщин.

Просвещённая соседями-доброхотами, Рая пару раз устраивала мужу скандалы: она отпрашивалась с работы и приходила домой во внеурочное время. Тогда соседи могли насладиться бесплатным комедийным триллером: голые шлюхи с визгом неслись по улице, придерживая руками трясущиеся груди и пытаясь одновременно натянуть на белёсые тела унесённые с места происшествия остатки профессионального гардероба. Нанеся мужу побои средней степени тяжести, Раиса выходила на улицу и демонстративно сметала веником с тротуара дешёвые интимные кружева гетер деревенского пошиба.

– А ты говоришь – не стоит! – с гордостью сообщал жене

за вечерним застольем Шура, потирая свежеприобретённый фингал на скуле. – Двоим вдул! Ты бы не помешала, они бы у меня по второму кругу пошли.

– Гад ты, Шурка, – размазывала по щекам слёзы Рая. – Знаешь, что люблю, и пользуешься. Но смотри, у меня характер жёсткий, терпение не из резины сделанное. Допрыгаешься.

И Шура таки допрыгался.

Глава 3

На языке уголовного кодекса аффектом называется внезапно возникшее состояние сильного душевного волнения, вызванное в том числе аморальным поведением потерпевшего.

Поведение потерпевшего Александра Рогачёва в тот роковой день отличалось исключительной аморальностью. Очередная доброхотка позвонила Рае на работу: «Слышь, подружка, твой кобель опять за старое взялся. Опять б...дей привокзальных в дом привёл. Там у них такая пьянка-гулянка, шумят так, что я радио не слышу. Угомонила бы ты его, а то всех уже достал. Короче, или ты через десять минут придёшь, или я ментовку вызываю».

Раю взволновал не столько факт вторжения очередных потаскух в её семейное гнездо, сколько то, что сегодня она оставила дома слегка прихворнувшую Дашу.

«Ребёнка бы постеснялся, тварь», – подумала Рая, отпросилась у заведующей на несколько минут и побежала домой. Залетев в комнату, она этот самый аффект и словила. Вид обнажённой кучи-малы на супружеском ложе её, конечно, не порадовал. Но мощный адреналиновый удар по ослабленному алкоголизмом Раиному сознанию был нанесён другим обстоятельством. На краю постели, внимательно наблюдая за происходящим, сидела Даша. Абсолютно голенькая восьми-

летняя девочка. Кто снял с неё одежду – потом долго пытались разобраться следствие. Возможно, в этот тёплый летний день затемпературивший ребёнок сам разделся догола, тем более что папа и сразу две взрослые тёти разгуливали перед ней нагишом, не испытывая ни малейшего стеснения. Но в воспалённом воображении Раи возникла совсем другая картина: пьяный муж трясущимися от похоти руками снимает с девочки трусики и усаживает её на краю осквернённой супружеской постели дожидаться своей очереди. «Допился, мразь! Дочь вместо виагры использует», – мельком подумала Раиса, отправляясь на кухню. Вернулась она оттуда с острым ножом для разделки мяса.

Триллер, который в тот день наблюдали соседи Рогачёвых, никак нельзя было назвать комедийным. Шлюхи на этот раз визжали особенно истошно. При этом они, даже не пытаясь прикрыться и не заботясь о судьбе своего тряпья, неслись по улице, пугая сограждан видом окровавленных ляжек. Это была кровь Шуры Рогачёва. Шлюхи не пострадали (по крайней мере, физически), а вот Шура скончался на месте от множественных ножевых ранений в область живота, шеи, паха, других жизненно важных частей тела. У Даши, на её счастье, к тому времени поднялась настолько высокая температура, что в её сознании абсолютно не зафиксировалась кошмарная сцена убийства.

Раиса получила увесистый реальный срок в восемь лет лишения свободы. Попытки адвоката переквалифицировать

убийство на почве ревности в убийство в состоянии аффекта были безуспешными. Несмотря на то что судебно-психологическая экспертиза пришла к заключению о наличии «длительной психотравмирующей ситуации, возникшей в связи с систематическим противоправным или аморальным поведением потерпевшего», прокурору удалось убедить суд в том, что, несмотря на это, Рая могла контролировать свои действия. Спустя много лет Даша читала протокол судебного заседания...

Прокурор: Скажите, подсудимая, где вы взяли орудие убийства?

Подсудимая: На кухне.

Прокурор: А, где именно – на кухне? Нож лежал на столе?

Подсудимая: Нет, у меня специальный ящичек есть для столовых приборов.

Прокурор: Так, значит, вы прошли на кухню, открыли ящичек для столовых приборов. И что вы там увидели? Там лежал тот самый нож в единственном числе?

Подсудимая: Нет, у меня целый набор разных ножей там лежит, шесть штук.

Прокурор: Обращаю внимание уважаемого суда, подсудимая могла контролировать свои действия до такой степени, что вспомнила, где у неё находятся ножи. Из всего набора, включающего в себя шесть режущих предметов, она выбрала самый большой и остро заточенный нож. В протоколе осмотра места преступления этот факт отмечен особо. О каком

аффекте в таком случае может идти речь? Квалификация по части 1 статьи 105 у меня не вызывает ни малейших сомнений.

Рая не смогла объяснить суду, что тот самый нож был её любимым кухонным инструментом: им можно было резать любые продукты, а его рукоятка как бы сама собой ложилась в ладонь. Так что схватила его она совершенно автоматически. Наличие малолетнего ребёнка у потерпевшей не было признано судом в качестве смягчающего обстоятельства, поскольку алкоголики-родители (факт постоянных пьянок в семействе Рогачёвых со всей очевидностью подтверждали свидетельские показания соседей) положительно повлиять на воспитание дочери не могут. Ей ещё относительно повезло, государственный обвинитель пытался пришить Рае вдобавок покушение на убийство двух и более лиц, но её спасло то, что перепуганные шлюхи в один голос показали: Рая направляла свою убийственную ярость только на мужа, не обращая на них никакого внимания. Да и судья, одинокая женщина, расставшаяся с мужем по причине блудливости благоверного, не пошла навстречу пожеланиям прокуратуры. Иначе Раисе вообще светил срок лет в двенадцать.

Раиса отправилась на зону, Даша переехала к бабушке.

А дальше в судьбе Даши всё развивалось ещё более трагично.

Глава 4

Счастливые годы жизни с бабуей Зиной пролетели для Даши незаметно. Внучка с бабушкой стали со временем настоящими подружками, несмотря на разницу в возрасте и то, что Зинаида Викентьевна была настоящей интеллигенткой, а Даша являла собой результат безалаберного воспитания безответственных родителей. Видимо, сказывалось сходство темпераментов, в чём-то похожая жизненная позиция бабушки и внучки. Обе были минималистками, для полного счастья им нужно было совсем немного: крыша над головой, самый простой житейский комфорт – горячий сладкий чай по утрам, каша с мясом на обед, печенье со сгущёнкой на ужин, интересная передача по телевизору или занятная книжка, мягкая постель. Они понимали друг друга без слов. Даша, соглашаясь с лёгким кивком бабушки в ответ на свой вопросительный взгляд, готовила по выходным блинчики с вареньем, баба Зина в нужное время переключала телевизор с непонятной передачи о проблемах образования на интересный диснеевский мультфильм.

Идиллию отчасти нарушали весьма скромные успехи Даши в школе. Оказалось, что девочка страдает патологической необучаемостью. Ввиду каких-то отклонений в психическом развитии Даша не могла освоить элементарных грамматических правил и сплошь и рядом делала чудовищные

орфографические и синтаксические ошибки. Бабушка тяжело переживала по этому поводу, но старалась не выказывать внучке своего неудовольствия. По остальным предметам, кроме русского языка, Даша получала в целом неплохие отметки. Но хроническая дислексия делала перспективы получения Дашей приличного образования весьма проблематичными.

Размеренная спокойная Дашина жизнь закончилась внезапно. Баба Зина скончалась ранним майским утром от сердечного приступа. Даше уже исполнилось к тому времени шестнадцать лет, она готовилась к наступлению взрослой жизни, но девушка никак не могла предполагать столь резких изменений в своей судьбе. Не успели соседки организовать девятидневные поминки по Зинаиде Викентьевне, как в Дашину жизнь вернулась мать. Так совпало, что срок наказания Раисы истёк практически в одно время со смертью её матери. Право на старую квартиру Раиса каким-то образом давно потеряла, поэтому сразу после освобождения она направилась в единственное место, где ей могли предоставить жильё, – в родной город Зинаиды Викентьевны. Для Даши вроде бы ничего всерьёз не поменялось. Мать заняла кровать покойной бабушки, а Даша по-прежнему спала на небольшом раскладном диванчике, расположенном в двух шагах от кухонной двери. Но очень быстро Даша поняла, что беззаботное детство осталось в прошлом, а будущее покрыто мраком неизвестности.

Рая теперь мало напоминала славную хохотушку, заботливую и хлопотливую нянечку детского сада. Она превратилась в угрюмую бабу, мрачная ухмылка которой не предвещала окружающим ничего хорошего. За время отсидки Дашина мать потеряла несколько зубов, что не прибавляло очарования её кривой улыбке. А поскольку с такой биографией работать в детских учреждениях ей никто бы не позволил, она нашла место сторожа на близлежащей автостоянке. Получала немного, так что жили дочь с матерью впроголодь. Даша вспомнила нехитрые кулинарные уроки, которые давала ей бабушка, и готовила в основном каши: пшённую, перловую, иногда (не очень часто по причине дороговизны исходного продукта) гречневую. Хотя бы раз в неделю она старалась разнообразить их меню белковой пищей в виде куриных ножек. «Для моего растущего организма нужно здоровое питание», – вспоминая наставления бабы Зины, рассуждала Даша.

А Рая начала вести разудалую личную жизнь. Словно компенсируя нехватку мужского внимания за годы, проведённые за колючей проволокой, она начала менять любовников со скоростью двух, а то и трёх за месяц. Потом стала водить к себе мужиков целыми компаниями. До добра это, разумеется, довести не могло. Мамашины полюбовники изнасиловали Дашу на глазах у злобно ухмылявшейся Раисы. «Это тебе за отца», – тупо повторяла она, пока ошалевшие от вседозволенности кобели мяли впавшую в протрацию девуш-

ку. Что и говорить, зона дурно повлияла на психику Раисы. Она постепенно внушила себе, что во всех бедах, постигших семью Рогачёвых, виновата Даша. Это она соблазняла отца, это она спровоцировала приступ дикой ревности, свела Шуру в могилу, а Раю отправила в тюрьму.

На следующее утро Даша ушла из дома. А через несколько часов она повстречала своего первого мужа.

На этом отрезке жизни подопечной настала пора сделать первый хроно-эмоциональный анализ. Рабочее заседание вёл, как обычно, Игорь Александрович.

– Обратите внимание, Маргарита Терентьевна. Перед нами классический случай стихийного формирования мощного женского комплекса, который я бы назвал «виктимная агрессия», – обратился он к секретарше, как будто перед ним сидела полная аудитория слушателей.

Они вели беседу, попивая любимый зелёный чай из больших чашек тончайшего китайского фарфора. Игорь Александрович сделал глоток и, только сполна насладившись вкусом, продолжил изложение своей теории.

– Это эмоциональное состояние высочайшего накала. По интенсивности оно сопоставимо с самым настоящим аффектом. Только в отличие от классического аффекта это состояние очень длительное. Оно может сохраняться на высоком уровне напряжения годами. Если носитель эмоции не сгорает ментально – может последовать психический взрыв потрясающей силы. Это страстное, всепоглощающее, исступ-

лённое чувство ненависти к мужчинам. Ко всем без исключения. Его может спровоцировать дефлорация путём изнасилования. Что и имело место в нашем случае. Посмотрим, что будет происходить с нашей героиней дальше.

Тут Игорь Александрович сделал паузу, а потом задал неожиданный вопрос:

– А не кажется ли вам, уважаемая Марго, что мы пошли по ложному следу?

– То есть? – секретарша не совсем поняла его вопрос, заданный с таким резким переходом.

– Нет, нет, ничего... Видимо, я стал слишком мнителен. Поехали дальше. Где там наши раздражители? Покажите мне их.

Она сделала очередной срез, показав начальнику, как формировались жизни и характеры тех, кто тем или иным образом должен был повлиять на героиню.

Глава 5

– Дитя свободной любви? Кто тебе такую ерунду сказал? Ты, внучок, по церковным понятиям самый обыкновенный несчастный ублюдок, или по-простому – выб...док. А значит, твоя мамочка свободолюбивая то самое и есть. Падшая женщина, одним словом, прости Господи. Молиться нам за неё надо, – бабушка Ефросинья Степановна презрительно нахмурила седые кустистые брови, отвечая на вопрос своего маленького внука о том, почему мама Галя иногда так непонятно его называет.

Мама с бабушкой регулярно снабжали маленького Антошу очень завлекательной, но абсолютно противоречивой и малопонятной информацией. Так что за разъяснениями приходилось обращаться к старшим товарищам во дворе.

– Это, Антоха, значит, что мать тебя через жопу родила, а не через это самое, ну, откуда все нормальные люди вылезли, – авторитетно объяснял ситуацию Юрка. Ему было, конечно, виднее, ведь он ходил уже во второй класс, а Антоша пока ещё посещал старшую группу детского садика. – А я-то думаю, откуда всё время говном пахнет, как тебя вижу? Сто пудов через жопу, – и старший пацанёнок глумливо заржал.

Младший мальчишка понял, что стал жертвой грубого жестокого розыгрыша (как сегодня принято говорить – троллинга), он поджал трясущиеся губы и, торопливо размазав

по мордашке хлынувшие от обиды слёзы, кинулся с кулаками на обидчика.

Маме он не стал рассказывать о причинах появления многочисленных синяков и ссадин. Юрка был крупнее, а потому результат схватки был предопределён. И вопросы о том, почему у всех мальчиков есть папа, а у него только мама и бабушка, Антон со временем задавать перестал, решил сам разобраться с этой проблемой. Когда дорастёт хотя бы до второго класса.

– Маргарита Терентьевна, а если копнуть ещё глубже? Что представляет собой женщина, которая стала матерью этого персонажа?

– Извольте, уважаемый Игорь Александрович, выражаясь кинематографическим языком, давайте совершим коротенький экскурс в приквел нашей истории.

Марго всегда старалась угадывать поручения босса, так что этот самый приквел подготовила давным-давно.

Галина Викторовна выросла в староверской семье. Мать, жёсткая женщина гренадёрского роста с рублеными чертами лица, держала в руках бразды правления. Отцу, скромному, тихому человеку, отдавались положенные его мужскому статусу формальные почести («Кушать подано, батюшка наш», – открывала мать семейные трапезы), но все значимые решения принимала всё-таки Ефросинья Степановна единолично. Воспитывалась Галина строго: посты, молитвы, изучение священных текстов, никаких светских развле-

чений, ни малейших вольностей в одежде.

В двадцать с небольшим лет Галина превратилась в жёсткую женщину гренадёрского роста с рублеными чертами лица – словом, вылитая мать. По окончании истфака она единолично приняла значимое решение: поступила в аспирантуру и начала карьеру преподавателя научного атеизма. Поскольку внешние данные Галины в ещё большей мере, чем черты её характера, отпугивали от властной молодой женщины потенциальных женихов, замуж она так и не вышла, единственного сына родила довольно поздно, в возрасте тридцати восьми лет, уже после защиты докторской диссертации. Своё отцовство ни один из университетских ловеласов признать не решился: лавры покорителя суровой тётки с бычьим характером и лошадиной внешностью никого из них не прельщали. Антоше было сказано: он – дитя свободной любви, что повлекло, как мы уже знаем, получение мальчиком увесистой порции синяков и шишек.

Мамин воинствующий атеизм и бабушкина горячая религиозность сыграли роль своеобразных молота и наковальни, которые сформировали характер мальчика: истеричный, капризный, мечтательный. Антон частенько грезил о чём-то, забившись в угол и посасывая большой палец левой руки. К двадцати трём годам (к моменту, когда он повстречал Дашу) Антон превратился в высокого сухопарого мужчину. Приятные черты его славянского лица портила гримаса, периодически кривившая губы. Уголки рта самопроизвольно

то опускались, то поднимались. В школе его за это прозвали Человек, который смеётся. Антон окончил юридический факультет, сдал адвокатский экзамен и открыл свой кабинет.

В тот вечер начинающий адвокат, припарковав свою видавшие виды «Тойоту», направлялся к подъезду, где он снимал под офис частную квартиру. В надвигающихся сумерках он заметил на скамейке свернувшуюся в клубочек девушку. Даша сидела на лавочке, поджав ноги и прижимая к груди чемоданчик, в который она побросала несколько пар белья перед своим бегством из дома.

– Эй, ты что тут делаешь? Скоро ночь, у нас здесь нарकोши обитают, так что шла бы ты домой, – обратился к ней Антон.

– А у меня нет дома, – тихо ответила та.

Парень задумчиво почесал стриженный затылок.

– Ушла из дома. Неблагополучная семья. Идти некуда. Библи?

Даша неопределённо пожала плечами.

– Ладно. Хочешь – пошли со мной. Мне в офисе секретарша нужна, – важно изрёк Антон. – И уборщица, – добавил он после некоторых раздумий. – Много платить не смогу, но койкой обеспечу. Согласна?

Даша молча поднялась со скамейки.

Так началась их совместная жизнь.

Офис Антона представлял собой малогабаритную двушку, которую он недорого снимал у бабушкиной знакомой. Даша получила в своё распоряжение закуток, где размеща-

лись небольшой диванчик, застеленный стареньким покрывалом, журнальный столик, банкетка и стоячая вешалка для одежды. Её секретарские обязанности заключались в ксерокопировании документов и наборе текстов исковых заявлений и административных жалоб. Даша очень быстро освоила нехитрый юридический канцелярит и бойко щёлкала по клавиатуре компьютера двумя пальцами, благо грамотности особой от неё не требовалось, поскольку все орфографические и пунктуационные ошибки исправлял вордовский редактор. С тряпкой и шваброй Даша умела обращаться с детства, а когда она испекла для Антона блинчики по бабушкиному рецепту – молодой адвокат пришёл в неописуемый восторг. Ни мама-атеистка, ни воцерковлённая бабка его ничем подобным не баловали.

Надо отдать Антону должное: первые две недели он не стал домогаться Даши. Сам он большим опытом в половой сфере не обладал, но что-то в Дашином поведении ему подсказало, что девушку лучше пока не трогать. Кроме того, заглянув в её паспорт, он убедился в том, что имеет дело с несовершеннолетней. Как юрист он прекрасно понимал, чем ему могут грозить сексуальные приключения с малолеткой. Антон потихоньку расспросил девушку об обстоятельствах ухода из дома. Через некоторое время он понял, что за Дашу заступиться абсолютно некому – мать вполне можно привлечь к уголовной ответственности за пособничество в групповом изнасиловании дочери, так что обращаться в поли-

цию той было абсолютно не с руки. И тогда Дашин «благодетель» предпринял решительные действия. Он засиделся вечером на работе, предупредив мать (с которой по-прежнему жил в одной квартире) о своей задержке. Наблюдая за тем, как его секретарша бодро набирает текст на компьютере, Антон окончательно решился: сегодня он ею овладеет.

Даша, почувствовав на себе пристальный взгляд молодого человека, прекратила печатать, на пару секунд задумалась, а потом тоже решила. Она молча поднялась из-за стола и удалилась в свой закуток. Когда через пять минут туда пришёл Антон, его взгляду предстала обнажённая Даша, она лежала на спине, согнув одну ногу в колене, на её лице не отражалось никаких эмоций – полнейшее спокойствие и бесстрастность. Антон сорвал с себя брюки и всем телом рухнул на девушку. Пару минут он ёрзал, пытаясь преодолеть сухость девичьего лона, затем Даша как-то по-заячьи взвизгнула, Антон совершил несколько лихорадочных движений – всё было кончено.

Постепенно Даша привыкла удовлетворять скромные сексуальные потребности Антона: два раза в неделю она так же удалялась в свой спальный закуток, раздевалась и дожидалась своего скромного тихоню-наильника. Только теперь у неё всегда под рукой был жирный гигиенический крем. Девушка трезво рассудила, что за жильё и стол она расплачивается вполне соразмерно. «Глупо всё это как-то и противно, – думала Даша, отворачивая лицо от влажных губ Антона. – И

чего в этом люди находят?»»

Но, к сожалению, для девушки тихоня-насильник постепенно превратился в настоящего сексуального монстра.

Глава 6

Отношение Антона к религии было двойственным, что не удивительно при такой маме и бабушке. То Ефросинья Степановна заставляла внука учить наизусть «Отче наш» и запрещала в пост есть конфеты, то Галина Викторовна давала мальчику подзатыльник всякий раз, когда у него вырывалось «Боже мой!». Бабушка грозила внуку за его действительные и мнимые прегрешения геенной огненной, а мама рассказывала о том, что при бурении сверхглубоких скважин ад обнаружить не удалось и космонавты ни разу не видели ангелов. Одно время Антону снились сны, в которых отважные космонавты отстреливались из лазеров от краснорожих рогатых демонов. Дело кончилось тем, что в пятнадцать лет у мальчика наступил самый настоящий нервный кризис на почве мировоззренческих противоречий: сыпь на шее и груди, бессонница, даже ночное недержание мочи случалось. Школьный психолог после получасовой беседы с Антоном вызвал маму и категорически запретил ей беседовать с мальчиком на экзистенциальные темы. «Проще надо быть, мамочка, – внушал он встревоженной Галине Викторовне. – Психика подростка – материя деликатная. Поэтому непрофессионалам нужно действовать очень осторожно. Мальчику следует прививать самые простые поведенческие стандарты: будь сильным, добрым, справедливым, честным, насколько это

вообще возможно. Приключенческие книги и занятия спортом, желательно на открытом воздухе. Вот от этого точно хуже не будет. А с Богом он потом как-нибудь сам разберётся».

Мать постаралась выполнить указы специалиста. С бабушкой было сложнее, но Галина Викторовна в ультимативной форме потребовала соблюдения моратория: «Или мы прекращаем все разговоры за или против Бога, или мы прекращаем твои визиты к нам». Ефросинья Степановна скрепя сердце согласилась. Она утешалась тем, что успела крестить Антона и снабдила его Библией.

Какое-то время Антон перестал размышлять на подобные темы. Он окончил юридический факультет местного университета и приступил к адвокатской практике. К тому времени, когда в его жизни появилась Даша, Антон уже год специализировался по трудовым спорам. По его настоянию девушка поступила в юридический колледж и стала помогать ему уже более профессионально. Стараясь выявить нарушения прав работников, Антон внедрял на предприятия, с которыми намеревались судиться его клиенты, свою помощницу. Даша устраивалась на работу официанткой, уборщицей или секретаршей и собирала досье на работодателей. Затем эти сведения Антон использовал в суде. Через некоторое время сработало сарафанное радио, и Дашу под разными предложениями перестали брать на работу. Несколько раз девушке угрожали физической расправой. Без помощи Даши Антон стал работать не столь эффективно. Тогда он переключился на кли-

ентов, которые обращались в Страсбург, в Европейский суд по правам человека. Неплохо зная английский язык, Антон скоро набил руку на составлении заявлений в ЕСПЧ. Таким образом, ему удалось выиграть несколько дел. На полученные гонорары он придел свою помощницу, купил девушке (за два года она сильно вытянулась) два деловых костюма, пару модных туфель и добротные зимние сапоги. Но больше всего Даше пришлось по душе скромное золотое колечко с крошечным бриллианчиком. До сих пор ей никто не дарил драгоценностей.

Однако успехи на адвокатском поприще не пошли Антону на пользу. У молодого человека стремительно развивалась настоящая мания величия, на почве которой он основательно испортил отношения с лидером адвокатского сообщества их города Давидом Моисеевичем Шварцем. Встречаясь с одним серьёзным клиентом, Антон позволил себе неудачную шутку на еврейскую тему. Об этом донесли Шварцу, и через некоторое время был дан ход делу о нарушении адвокатской этики. Методы Антона по внедрению в стан будущих ответчиков «разведчицы» задним числом были признаны неэтичными. Антона исключили из областной коллегии адвокатов, и его дела резко пошли на спад. И в этот непростой для него период молодой адвокат попал под влияние сектантов.

Как он оказался в молельном доме, находившемся в незаметном тихом переулке неподалёку от его офиса, Антон впоследствии вспомнить не мог. Но атмосфера религиозных об-

рядов подействовала на него умиротворяющее, и он раз за разом стал наведываться в молельню. Там его привечали добрым словом, там он отводил душу в молитвах и песнопениях, обладающих очевидно гипнотическими свойствами. Всё бы ничего, но приобщение Антона к религии странным образом повлияло на его сексуальное поведение. Даша это почувствовала не сразу. Её слегка удивило стремление Антона кусаться. Сначала были лёгкие, игривые захваты зубами нежных складочек на Дашином животике. Потом укусы стали по-настоящему агрессивными и болезненными. Даше даже пришлось пару раз повязывать шарф, чтобы клиенты не были шокированы следами на её шее. Дело кончилось тем, что Даша не вытерпела и во время очередной любовной игры просто скинула с себя Антона.

– Ты что, не понимаешь, мне больно, мне это не нравится!

Антон, стоя на четвереньках, с изумлением смотрел на девушку. За три года совместной жизни она впервые осмелилась ему противоречить. «Валаамова ослица заговорила», – прозвучала в его голове библейская цитата.

С укусами после этого было покончено. Впрочем, Даша пожалела об этом очень скоро. Новые причуды Антона оказались ещё хуже. К анальному сексу девушка так и не привыкла. И здесь уже не помогали ни мольбы, ни слёзы. Антон вошёл во вкус, такой способ удовлетворения сексуальных потребностей настолько ему понравился, что он практически отказался от более традиционных вариантов. Пода-

ренный насильником крем-лубликант положение исправил не сильно. А потом наступил черёд полноценного садизма. Порки, избиения и противоестественные изнасилования стали еженедельной практикой для Антона. Даша с ужасом ждала уик-энда. Ночи с субботы на воскресенье стали для неё настоящим кошмаром. Однажды, очнувшись ранним воскресным утром, Даша пошла в ванную комнату и не узнала себя в зеркале. Левый глаз заплыл, волосы сбились в колтун, над правым ухом проглядывал здоровенный кровоподтёк.

«Он меня убьёт. Не на той неделе, так на следующей». Через несколько дней Даша ушла от Антона. Её давно звал к себе Паша, но девушка долго не решалась поменять кошмарную, но привычную жизнь на полную неизвестность.

– Как же ей не везёт в этой жизни, бедной девочке! – сокрушённо покачивая головой, произнесла Маргарита Терентьевна, проводя очередной психоэмоциональный срез.

– Что вы! Называть невезением жизнь этой барышни можно, только исходя из романтических стандартов европейской культуры, – возразил ей Игорь Александрович. – Сравните её судьбу с судьбами десятков миллионов женщин в других частях света! С африканками, которым делают насильственное обрезание, с индийскими вдовами, которые вынуждены бросаться в костры, где сжигают тела их покойных мужей, с китайскими девочками, которых подвергают варварской операции по прекращению роста стопы, с мусульманками, которых забивают до смерти камнями за супружескую

измену.

– Но ведь когда это было, – возразила секретарша.

– Кое-где с женщинами так обращаются до сих пор. Много поменялось на этой планете, неизменным остаётся одно: практически все сообщества на Земле представляют собой диктатуру мужчин. Экономическая дискриминация – женщинам меньше платят за ту же работу. О сексуальной эксплуатации я вообще молчу.

– И что с этим можно поделать?

– С этим можно, как вы изволите говорить, «поделать» много очень питательных и ценных эмоциональных блюд.

– А с мальчиком-то что произошло? Неужели религия на человека может повлиять таким образом? Меня действительно беспокоит, почему человек так сильно изменился, притом под влиянием общности, имеющей хоть какую-то ссылку на Бога.

– Что вы, Маргарита Терентьевна, религия здесь совершенно ни при чём.

Конечно, босс знал, что ответить на любой вопрос.

– Просто в этой молельне пастор использует специальную торсионную установку, которая помогает зомбировать прихожан. А у парня психика с детства неустойчивая – вот так всё и получилось. Впрочем, для нас всё складывается самым благоприятным образом.

Так, ведя время от времени подобные беседы, они продолжали наблюдать за приготовлением блюда. Теперь на сцене

появился новый персонаж.

Глава 7

Паша Волков, мелкий предприниматель, владелец нескольких небольших кафе, стал в своё время жертвой разведывательной деятельности Даши. Она, поработав на Пашу три недели, выявила массу нарушений трудового законодательства. Эта информация позволила Антону выиграть дело в суде и добиться восстановления незаконно уволенной кассирши. Но Паша не держал на помощницу адвоката зла. Ему понравилась эта милая, спокойная девушка. После суда он подошёл к Даше и сказал: «Надоест пахать на этого придурка – приходи ко мне. Будешь как сыр в масле кататься, такие девушки работать вообще не должны, ты себе просто цены не знаешь».

Поэтому настрадавшаяся от садистских наклонностей своего первого мужа Даша ни минуты не сомневалась, куда ей сбежать на этот раз. Она пришла в Пашино кафе. Тот, увидев, в каком она состоянии, хотел поехать к Антону и хорошенько с ним разобраться. Даша отговорила его от этой затеи: «У него тормозов нет, не стоит с ним связываться. Зачем нам это, смотреть друг на друга, как в зеркало?» Паша поиграл желваками, но спорить с девушкой не стал.

Следующие два года стали для Даши настоящим отдыхом от треволнений прежних лет. Паша слово своё сдержал. Всё это время Даша не работала. «Занимайся собой и домом», –

сказал ей новый муж на ступенях ЗАГСа. На практике это означало следующее: утром она готовила завтрак (чёрный кофе и овсянка на воде), затем сорок минут проводила в ванной, заполненной до краёв душистой пеной. Потом макияж (ещё сорок минут). Поездка по магазинам на такси (два часа, за это время уборщица приводит в порядок квартиру). Обед в престижном кафе. Массаж, тренажёрный зал, маникюр – всё по мере необходимости. Вечером ужин с мужем в ресторане. Сексом Паша её почти не утомлял. Пашино либидо не шло ни в какое сравнение с аппетитами Антона. Ему хватало двух раз в месяц, а причуды у него были самые безобидные: ему нравилось употреблять супругу на капоте своей иномарки. Летом это делалось где-нибудь в укромном уголке на природе, осенью и зимой – в тёплом гараже. «Понимаешь, Дарёнка, я как бы одновременно занимаюсь любовью со своими самыми любимыми девочками», – немного смущаясь, объяснял жене Паша. Той, впрочем, было всё равно: три минуты сопения и неуклюжих телодвижений – и всё, супружеские обязанности исполнены. Свободна на целых десять дней. Никакого сравнения с тем кошмаром, в который превратил семейный секс Антон.

А ещё Паша свозил её на море. Даше так понравилось в Турции, что она взяла с него слово: поездки такие они будут повторять ежегодно. Но мечтам этим сбыться было не суждено. Паша разорился. Как это произошло, в силу каких причин – Даша так и не поняла. Судя по всему, Паша ввязался в

непродуманную аферу, попытался вложить деньги в сомнительную торговую операцию. Он просчитался и в результате лишился всего: у него отняли бизнес, судебные приставы описали имущество, начиная с любимой иномарки и кончая шикарнейшей квартирой. Супруги переехали к Пашиной матери, полубезумной восьмидесятилетней старухе, где ютились в небольшом закутке малогабаритной двухкомнатной квартиры и постоянно натывались на одну из пяти обитавших здесь кошек.

Паша оказался слабаком, неудачи сломали его. Вместо того чтобы взять себя в руки и организовать новое дело, этот лузер сначала запил, а потом и вовсе подсел на наркотики. Даша попыталась что-то с этим сделать, но быстро поняла, что реабилитация наркоманов – не её призвание. Чтобы чем-то себя занять, она пошла на краткосрочные курсы бухгалтеров. Там она познакомилась с Львом Михайловичем Ившиным, к которому вскоре и ушла от Паши. Что стало с этим бедолагой – она так и не узнала. Видеть человека, с которым она прожила два года, у Даши не было ни малейшего желания.

Так закончился ещё один эпизод в жизни этой барышни. Работа над блюдом шла полным ходом, а Игорь Александрович все о чём-то думал, отматывал события назад, просматривал графики. Порой казалось, что он уже не хочет готовить по этому рецепту. Ему определённно что-то мешало. И это что-то крылось за пределами понимания педантичной сек-

ретарши. Иногда она задавала ему вопросы наподобие:

– Вам это не кажется странным, уважаемый Игорь Александрович, что девушка бросила человека, с которым прожила два года, абсолютно без сожаления? Нормальные люди так с собакой обращаться не станут.

Он отвечал, охотно растолковывая психологические тонкости:

– Так то, дорогая Маргарита Терентьевна, нормальные люди – и с собакой. А здесь женщина, жертва зверского сексуального насилия – и с мужчиной. Откуда взяться эмпатии? Барышня вообще не представляет, что такое сопереживание. О ней никто никогда по-настоящему не заботился, поэтому она и не научилась думать о чувствах других людей. Ей недоступны материнские чувства, поскольку мать её жестоко предала, она не выносит мужчин за всю их грубость, примитивность, слабоволие. Самое большее, на что она способна, – терпеть их, если они не причиняют ей слишком сильных страданий. Вычеркнула из жизни второго мужа? Ну и поделом ему.

– То есть ему досталось за весь его пол?

– Этот ещё легко отделался. Расплачиваться придётся следующему. Как его там... Лев Михайлович Ившин, пятидесяти двух лет от роду, предприниматель, почти разведён, двое взрослых детей.

Это означало, что история дала новый виток. Оказывается, в первый раз программа зафиксировала Дашу как раз в

тот момент, когда она направлялась к Льву Ившину – новому избраннику и, соответственно, очередному действующему лицу этого марлезонского балета.

Характер Льва Михайловича представлял собой сочетание весьма противоречивых качеств. С одной стороны, он обладал недюжинной деловой хваткой. Свой бизнес – торговлю металлоинструментом и метизами – он вёл успешно. Его уважали партнёры и побаивались конкуренты. Налоговая инспекция к нему серьёзных претензий никогда не имела. Но в семейной жизни он был мягок, как воск. Его супруга Диана не ставила мужа ни в грош и вила из него верёвки. Она была настоящим семейным деспотом, но при этом особым умом не блистала. В один прекрасный день свирепая Диана сделала роковую ошибку. Она выставила мужа за дверь. Просто так. От дурного настроения.

– Пошёл вон, олух! Чтобы духу твоего здесь не было! – проорала она через порог их стопятидесятиметровой квартиры, которая была приобретена супругом в престижной новостройке всего полгода назад. Диана думала, что муж погуляет пару часиков и вернётся к ней с извинениями за её дурное настроение, за то, что она обнаружила сегодня ещё несколько новых морщин на своём лице. «Куда он денется!» – думала мегера, потягивая из чашечки свежесваренный эспрессо. Но тот всё-таки делся. Куда? Это Диана выяснила довольно скоро. Ей позвонила приятельница, служившая в офисе мужниной компании.

– И как ты только терпишь, Дианка? Такой кобелизм спускать нельзя!

– Не поняла. Что я терплю? Какой кобелизм? – поинтересовалась утомлённая отсутствием объекта для нападок стерва.

– Ты чё, не в курсе? Весь офис на ушах стоит. Слушай, твой благоверный принял на работу новую бухгалтершу, молоденькую девчонку. И самое главное – совсем мужик оборзел, даже не скрывает, что она его любовница. А эта хороша, подскунячивает, в жопу ему задувает. Только и слышно: «Лёвушка, Лёвушка». Тьфу ты, прости Господи, придумала тоже имечко, аж тошнит, когда слышу.

– Что-о-о-о-о?!?! – заорала Диана, швыряя в стену свою любимую кофейную чашечку из северского фарфора.

– А твой-то тоже хорош, то в щёчку эту сучару чмокнет, то по попке погладит. При всех, представляешь? Каждый день у неё на столе – свежий букет. И с работы уезжают вместе. Ты принюхайся, в салоне её духами должно пахнуть. Он ей купил что-то такое душистое, сладенькое. Ну, помнишь, у нас лет пять назад одна дама работала, Алла Филипповна, полная такая брюнетка, так вот, точно такой же парфюм...

Диана, не дослушав собеседницу, бросила трубку и стала лихорадочно собираться. Уже через пятнадцать минут – для Дианы это был рекорд по скорости сборов – она села в такси и назвала водителю адрес Лёвушкиного офиса.

А ещё через полчаса ошарашенная Диана снова сидела

в такси (уже другом) и ехала домой. Её щёки украшали несколько полосок кровоточащих царапин. Эти ранения были нанесены Лёвушкиной супруге в честной борьбе. Даша неожиданно даже для себя проявила жёсткий характер. Диана начала истошно вопить на одной ноте, как только вошла в кабинетик, выделенный новой бухгалтерше.

– При живой жене... Ах ты, потаскушка дешёвая, бл...ина обнаглевшая! – Диана, угрожающе размахивая увесистой сумкой «Луи Витон», приближалась к девушке.

Даша была морально готова к чему-то подобному. Лёвушка подробно охарактеризовал ей свою супругу. Решение созрело мгновенно: Даша выскочила из-за стола, сблизилась с соперницей и молча вцепилась ногтями в её ботоксные щёки. Диана тут же заткнулась, сумела как-то оторвать от своего лица Дашины пальцы, развернулась и бросилась вон из комнаты. Но Даша ещё успела вклеить смачный пинок в расплывшийся зад Дианы.

– Он теперь мой! А квартира – твоя! – крикнула она вдогонку.

Просмотрев это срез, Игорь Александрович довольно заметил:

– А девушка у нас с характером оказалась. Но всё-таки что-то не так... Не пойму.

Глава 8

Дальнейшие события развивались ещё более бурно. Лёвушка тоже проявил характер. Он не стал разговаривать с женой – ни вживую, ни по телефону, а просто отправил к ней своего юриста, который популярно объяснил Диане, чего ей теперь ждать от жизни. Она получала в своё полное распоряжение роскошную квартиру со всем содержимым. И всё. Никаких прав на доходы от бизнеса у Дианы не было. Лёвушка всё оформил грамотно, и юрист постарался быть очень убедительным. Он невзначай рассказал Диане о недавнем случае из его практики, когда в похожих обстоятельствах жена начала претендовать на бизнес мужа при разводе. В результате её совершенно случайно сбила машина в двух шагах от собственного дома. Множественные переломы и травмы самых различных органов и частей тела. Больницы, лекарства, лечебные процедуры на месяцы вперёд. Виновных обнаружить не удалось. Диана, конечно, была дура, но не до такой степени, чтобы ей отказал инстинкт самосохранения. Она смирилась с потерей мужа и утратой многих материальных благ, которые ей обеспечивал своими доходами супруг. Диана была ровесницей мужа, поэтому шансов заключить новый брак у неё фактически не было. Утешение она нашла в алкоголизме. Когда-то яркая женщина, она вдруг сразу потускнела, махнула рукой на внешность и стала выглядеть гораздо

старше своего возраста. Впрочем, Даше и Лёвушке проблемы бывшей были абсолютно безразличны. Им своих хватало.

Парочка поселилась в съёмной двухкомнатной квартире, но Лёвушка немедленно приступил к строительству собственного жилья: он купил участок в элитном клубном посёлке, где собирался за пару лет возвести просторный уютный дом. Одновременно Лёвушка выстраивал и личные отношения. Роли в его новой семье поменялись кардинально. Теперь он, муж (Даша быстро развелась с Пашей и оформила брак с Лёвушкой, который тоже не стал медлить с разводом), был главой семьи. Все решения принимались мужской. Именно мужчина был центром выстроенной Лёвушкой семейной вселенной. Даша работала, причём очень много. Она выполняла бухгалтерские обязанности, после рабочего дня мыла в офисе полы (Лёвушка смог рассчитать уборщицу). Дома каждый вечер молодая жена проводила пару часов на кухне: муж составлял меню на неделю, причём супы, салаты и вторые блюда чередовались в строгой последовательности, и пища всегда должна быть свежей, только что приготовленной. Два раза в неделю – посещение тренажёрного зала. А через три месяца после свадьбы Даша поступила на юридический факультет. Лёвушка счёл необходимым получить в одном лице сразу трёх работников: бухгалтера, уборщицу и юрисконсульта.

К этому времени Дашино спокойное безразличие к новому мужу стало постепенно трансформироваться в ненависть.

Она была не очень умна, плохо образованна и, если быть до конца откровенным, слегка туповата. А Лёвушка вырос в интеллигентной семье, родители его были страстными театрами и балетоманами, обожали модернистскую литературу. Это наглая Диана, которая была ровесницей Лёвушки, могла послать его по всем известным ей адресам в ответ на предложение прочитать Пруста. А на молодую жену пожилой муж жутко давил своим авторитетом, поэтому несчастной приходилось со слезами на глазах продираться через семиэтажные предложения французского классика.

– Закончишь с Прустом – приобщу тебя к Борхесу, – ласково ворковал Лёвушка, наблюдая за Дашей, которая сидела в кресле с толстенной книгой в руках.

Зато с сексом был полный порядок: Лёвушке он был нужен ещё реже, чем Паше. И он оказался самым нежным и чутким любовником. В первом браке Лёвушка показал себя порядочным человеком: за долгие годы совместной жизни ни разу не изменил Диане (та не отвечала мужу взаимностью и периодически заводила романы на стороне). Поэтому после многолетнего пребывания в одной постели со своей ровесницей, уже на шестом десятке лет, доступ к молодому женскому телу стал для него приятным сюрпризом. Он с тревогой думал о том, что с годами его сексуальные возможности станут ещё меньше. Впрочем, волновался по этому поводу Лёвушка напрасно. Даша уже сейчас была готова полностью отказаться от физической близости с мужчиной.

С любимым мужчиной. Но супруги подобные темы предпочитали не обсуждать, а потому оба пребывали в заблуждении по поводу сексуальных appetитов партнёра.

Итак, блюдо было уже на подходе, нужная заказчику эмоция почти созрела. Кульминация приближалась.

Прошло три года семейной жизни Даши и Лёвушки. Пожилой мужчина просто души не чаял в своей жене: тихая, покладистая, услужливая. Готовит очень прилично, бухгалтерию ведёт просто безукоризненно. Ещё не получила диплом юриста, а уже взяла на себя серьёзную часть договорной работы. А ещё у неё чудесная кожа: гладкая, шелковистая. Лёвушка любил, засыпая, чувствовать под рукой Даши-ну спинку или животик.

Между тем в Дашином характере происходили незаметные постороннему взгляду перемены, которые очень нравились Игорю Александровичу. Её душу постепенно заполняла тупая, чёрная ненависть. Дашу дико раздражало всё на свете: цвет, в который была выкрашена веранда их нового дома; лай соседской собаки; заедающий стеклоподъёмник в автомобиле, который купил для неё Лёвушка; звуки радио из соседнего кабинета; слишком жаркая погода летом и слишком холодная – зимой. Но больше всего ей был ненавистен муж. Последние несколько месяцев она с трудом скрывала отвращение, которое вызывал в ней Лёвушка, ей было противно в нём всё: взгляд, походка, интонации его голоса, его манера водить автомобиль и его поцелуи во время постельной

прелюдии. На Лёвушке сконцентрировалась вся ненависть к этому миру, весь негатив, который копился в ней годами. Даша страдала, ведь жизнь устроена так жестоко и несправедливо. За любую самую незначительную радость приходится расплачиваться слишком дорого, отработывать по полной.

«Господи, ну за что мне это!» – думала Даша, подавая по утрам супругу завтрак (всё тот же чёрный кофе и овсянка на воде).

Она просто выключала свой разум, здравый смысл, когда оценивала свою семейную жизнь. А ведь больше девяноста процентов женщин подобного происхождения, обладающие такими же внешними данными и таким же скромным интеллектуальным багажом, душу бы продали за такое счастье. Добрый богатый муж, собственный дом, престижное авто, шикарная одежда, отдых за границей не реже двух раз в год. И деликатный секс с пожилым мужчиной... Не смертельно, ведь для удовольствий существуют молодые любовники. Но понятия любви в её жизни вообще не существовало, секс был противен. Даша не рассуждала подобным образом, её переполняли другие эмоции.

Однажды вечером на Дашу снизошло откровение: «Я его ненавижу больше всего в жизни, – думала она, глядя на спящего рядом мужа. – Значит, его нужно просто оттуда вычеркнуть. Вырвать, как листок из книги».

Пора начинать действовать. План в голове вдруг сложился, как цельная картина из отдельных пазлов. Лёвушка до-

верял ей на сто процентов, он не скрывал от жены самые интимные нюансы своего бизнеса. Многие серьёзные сделки заключались от её имени. Их новый дом, кстати, был оформлен на Дашу, чтобы на него не могла претендовать бывшая жена или взрослые детки, с которыми Лёвушка практически не поддерживал отношений. Договорная работа по всем важным направлениям была под Дашиным контролем, отношения с налоговой инспекцией – тоже. За годы учёбы на юридическом факультете Даша приобрела полезные связи: в нотариате, в прокуратуре, в следственном комитете, и вот теперь можно задействовать весь этот арсенал. Боевые действия против собственного мужа она развернула по всем стратегическим направлениям. А ничего не подозревающий Лёвушка совсем потерял бдительность. Он решил, совмещая приятное с полезным, посетить международную ярмарку производителей металлоинструмента. Проводилось это мероприятие в Швейцарии на одном из модных горнолыжных курортов. Лёвушка обожал скоростной спуск и слалом, а потому после недолгих колебаний заказал билеты в страну часовщиков и банкиров.

– Ну, жена, оставляю тебя на хозяйстве, думаю, справишься, – Лёвушка чмокнул в носик Дашу и отправился в аэропорт.

– Думаю, справлюсь, – вполголоса повторила она, глядя на такси, уносившее её благоверного навстречу его печальной судьбе.

Даша действительно блестяще справилась с Лёвушкиным хозяйством. За те две недели, которые он провёл в Швейцарии, она полностью перевела на себя семейный бизнес, обнулила практически все совместные счета, уволила ненадежных с её точки зрения сотрудников и наняла несколько новых. Даже их внедорожник энергичная злодейка переоформила на себя. Всё это время Дашу переполняла радость, она никогда в жизни не чувствовала себя так комфортно.

Вернувшись в родной город, Лёвушка по пути домой решил заскочить в офис. Несмотря на то что Даша по телефону сообщала ему исключительно приятные новости, где-то в уголке сознания тонкой жилкой на виске билась тревога. Отсутствием интуиции Лёвушка не страдал. Он страдал полным непониманием женской натуры. За что и поплатился. Его просто тормознули на пороге собственного офиса. Незнакомый охранник сообщил обалдевшему Лёвушке, что его пускать сюда не велено. На звонок в приёмную ответил знакомый женский голос: Даша сменила секретаршу. Финансовый директор компании просто сбрасывал Лёвушкины звонки, не желая разговаривать с потерпевшим полное поражение бывшим хозяином (новая хозяйка добавила ему зарплату).

Это был момент снятия эмоций, к которому кулинары так долго готовились.

Лёвушка в недоумении смотрел на дверь своего дома. Это была другая дверь. Тоже дорогая, надёжная, металлическая

– но другая. И его ключ не мог эту дверь открыть. Он нажал на кнопку звонка. Из дома послышались шаги, раздался глухой собачий лай. «Странно, у нас же нет собаки», – удивился Лёвушка.

Дверь распахнулась, на пороге появилась Даша. Она совсем не напоминала ту тихую, спокойную молодую женщину, которую Лёвушка чмокнул перед отъездом в носик. Это была настоящая фурия, воплощение сумасшедшей ярости. В Дашиных глазах горел какой-то странный, inferнальный огонь, тёмные волосы разметались по плечам, щёки пылали. Лево́й рукой она удерживала за ошейник заходящегося в свирепом лае чёрного добермана. А в правой руке валькирии были любимые Лёвушкины тапочки.

Через мгновение этот пушистый символ домашнего уюта полетел бывшему хозяину дома в лицо. Лёвушка инстинктивно зажмурился, а в следующее мгновение его оглушил дикий вопль, который издала его молодая супруга.

– Пошёл вон, олух, чтобы духу твоего здесь не было! Это – твоё, – Даша показала на тапочки, упавшие под ноги отставному мужу. – А вот это, – фурия через плечо указала большим пальцем на дом за её спиной, – это моё!

Маргарита Терентьевна не успела и моргнуть, как Игорь Александрович скрылся за дверью.

Её вопросы «А вы куда? Зачем?» полетели ему вслед, но цели уже не достигли, и секретарше осталось только пожать плечами и воззряться на экран, где, как она правильно пред-

положила, должна была развернуться картина, дающая ответы на её риторические вопросы.

Почтальон появился на пороге будто бы из ниоткуда, но разгорячённая моментом Даша и обескураженный Лёва даже не обратили на него внимания. В тот момент, когда злополучные тапочки полетели в лицо бывшему хозяину дома, на пороге слегка повеяло озоном. Дверь захлопнулась, и мужчина в форменной одежде позволил себе привлечь внимание к своей скромной персоне щелчком пальцев. Запах озона стал сильнее. Лёва несколько мгновений пребывал в ступоре, потом как пробудился от глубокого сна – медленно шевеля губами и языком, он произнёс:

– Чем могу быть полезен?

– Уже ничем. Всё, на что вы были способны, – это наступить на те же грабли по второму разу. Впрочем, это уже не моё дело. Я не испытываю к вам ни капли сострадания, так что разбирайтесь со своей жизнью сами.

Лёва удивлённо смотрел на собеседника. Его первая мысль была: «Я умер и наказан за грехи, а это такой ангел, который обязан промыть мне мозги по всем моим прежним ошибкам».

Проехавшая по улице машина отвлекла его от этой мысли.

– Нет, кажется, всё-таки я жив. А как же тогда ангел?

Лёва оглянулся по сторонам. На крыльце никого не было.

– Так-так...

Маргарита Терентьевна встретила босса удивлённо под-

нятыми бровями безукоризненной формы и немного обиженным взглядом. «Как так? Хоть он и босс, но сорваться с места, ни слова ей не сказав, – это же просто безобразие, недопустимое для идеальных рабочих отношений», – говорил её выразительный взгляд.

– Чую, вы ждёте рассказа...

Игорь Александрович налил чашку кофе и уселся в кресло.

– Да! – последовал короткий ответ.

– Тогда слушайте. Когда накал страстей дошёл до своего апогея, я прекрасно понимал, что работаем мы не с тем материалом. Те эмоции, которых я ждал от нашей героини, превратились в нечто грубое, жалкое, банальное. Уж извините, уважаемая Маргарита Терентьевна, но не люблю я тупых, озлобленных на весь свет, неспособных к саморазвитию особей, готовых во всех бедах винить всех и каждого, но только не самих себя. Я понял – мы допустили ошибку. Но было уже поздно. И тогда я решил, что наш Лёвушка и то куда более интересный материал, чем эта глупая Даша. И я всё переиграл. А остальное вы уже видели.

Я помчался туда и снял эмоции в момент дверного хлопка, когда обескураженный муж остался на пороге с тапочками в зубах. Для столь смелой импровизации – вполне сгодится.

– Ну вы даёте... – с нескрываемым восхищением Маргарита Терентьевна смотрела на босса. – А как же Лёва и Да-

ша? Разве вы им не помогли?

– Помог? Конечно, помог! – Игорь Александрович ехидно улыбнулся. – С нашими персонажами случилось то, что обычно происходит в подобных ситуациях. Настрадавшийся от козней молодой жены Лёвушка вернулся к своей бывшей. Он рассудил, что из двух зол лучше выбрать известное. И был отчасти прав. Ровно полдня его вновь обрётённая бывшая благоверная умудрилась сдерживать словесный понос ругательств в его адрес. Так она выказала безмерное уважение вернувшемуся с поджатым хвостом муженьку. А потом понеслось. Это примерно как зубная боль: приступ стихает, а потом с новой силой – хоть на стенку лезь. Лёва выдержал два года, а потом тихо отбросил коньки от инсульта, лёжа на диване с газетой, поносимый своей не знающей устали женошкой.

– Банальный конец! Впрочем, жизненный. А Даша?

– С ней ещё веселее. Почувствовав невероятный драйв от захвата чужого имущества, она на Лёвучке не остановилась. В ход пошли бизнесы конкурентов. Можно сказать, что она стала профессиональным рейдером. С её бульдожьей хваткой ей было легко идти по головам. Но всё до поры. Однажды её водитель опоздал, и она помчалась на совещание за рулём своего «Майбаха» сама. Её жизненный путь прервал КамАЗ, невесть откуда выруливший на перекрёсток. Он протаранил иномарку и снёс с дороги будто игрушку. Согласитесь, в данной ситуации силы были не равны. С виду обычная авария,

и только Дашин водитель мог рассказать всю правду, но его не нашли. Поговаривали, что он спешно перебрался жить за границу. На какие шиши? Нетрудно догадаться.

– Ах, вон оно как? А я-то была уверена, что наша Дарья прекрасно ведёт свою партию.

– Прекрасно? – Игорь Александрович привстал в кресле. – Да худшей ситуации я не наблюдал со времён Клеопатры.

Он оставил «за кадром» рассказ о том, что же было не так с одной из известнейших женщин планеты, и, прохаживаясь вдоль панорамного окна, стал делиться с секретаршей более животрепещущими проблемами.

– Понимаете, дорогая моя, я так долго её искал! Она обязана появиться, и в этот раз я почти поверил, что чудо свершилось!

– Игорь Александрович, любезнейший, вы, кажется, говорите сами с собой, а для меня ваши реплики – полнейшая загадка.

Маргарита Терентьевна улыбалась, глядя на босса поверх моднейших очков.

– Ой, извините! Мне думалось, что вы всё понимаете.

– Понимаю? – секретарша пожала плечами. – Конечно, я многое вижу, но сейчас я в полном тупике. Мы нашли прекрасный материал, приготовили чистую ненависть по идеальной рецептуре, отработали заказ, потратили на это уйму сил и времени, если об этом уместно говорить в нашей ра-

боте. В итоге – все должны быть довольны. Но – нет! В последний момент вы меняете программу, срываетесь с места, гвоздите несчастного Лёву, а наш объект называете озлобленной душой. Я не понимаю вас, дорогой мой босс.

Игорь Александрович молча смотрел на закат. В его голове проносилось столько мыслей, что выложить их перед Маргаритой Терентьевной в более или менее последовательном варианте он не видел возможности. Да и не хотел. На него навалилась усталость – состояние, о котором он только читал. Оно выразилось в нежелании говорить, что-то объяснять. Он позволил себе забыть о времени, о Маргарите Терентьевне, обо всей своей жизни и даже о том, что всегда глубоко сидело внутри его существа. Сейчас он смотрел на горизонт, будто хотел заглянуть за него, проникнуть взглядом туда, на тот самый бульвар, где когда-то оставила свой след Она. Та странная девушка, которую он упустил...

Маргарита Терентьевна тронула его за рукав.

– С вами всё хорошо?

– Да, да! Всё в порядке. Предлагаю на сегодня закончить работу. И... пойти прогуляться! Как вы на это смотрите?

Секретарша совсем не по-стариковски тряхнула чёлкой, хлопнула в ладоши, потом хлопок последовал по одной туфле, следом по другой.

– О! Да вы цыганочку с выходом тут изобразить собрались на радостях! – рассмеялся такой реакции Игорь Александрович.

– А почему нет? Мы же, надеюсь, идём в какой-нибудь ресторан?

Босс продолжал смеяться.

– Нет, любезнейшая, мёрзнуть вам сегодня со мной на бульваре.

– Ну вот, а начиналось всё так заманчиво, – расстроилась Маргарита Терентьевна.

А босс с загадочной улыбкой надел пальто, набросил на шею шарф и, продемонстрировав галантные манеры, предложил Маргарите Терентьевне руку.

Так наша экстравагантная парочка проследовала к лифту.

Но напрасно в этот день Марго прятала нос в кружево французской шали. На бульваре, по которому под ручку с боссом ей пришлось дефилировать около двух часов, они не встретили никого мало-мальски интересного. Игорь нервничал, а Марго мёрзла. Так прошла их прогулка, смысл которой остался неясен для рассудительной и практичной секретарши.

В начале десятого босс сжалился над ней и отпустил, а сам, как ей показалось, продолжил свои изыскания. Маргарите Терентьевне было невдомёк, что подобные прогулки уже вошли в жизненную программу её босса и стали чуть ли не манией. Он искал неведомо кого и непонятно зачем. Он шёл по неуловимому следу. Это было всего лишь предчувствие, странное предвкушение чуда, которое обычно свойственно земному человеку.

Эпизод 4. Железная леди

Глава 1

На следующий день на кухне эмоций царила обычная рабочая обстановка. Маргарита Терентьевна, отогревшись в горячей ванне после оздоровительной прогулки, хорошенько выспалась накануне, нарядилась в экстравагантный наряд в стиле семидесятых и была полностью готова на трудовые подвиги. Её начальник хоть и выглядел немного смущённым, но уже с раннего утра присутствовал на боевом посту.

– Очень интересный заказ к нам поступил, уважаемая Маргарита Терентьевна. Когда с таким необычным эмоциональным коктейлем сталкивался – и не припомню даже. Представьте себе: женская гордость, переходящая в упрямство, приправленное мазохизмом! Причём продолжительность и интенсивность эмоций должны быть максимальными. Где же мы им найдём такую железную леди?

– Вы будете удивлены, Игорь Александрович, но я по странному совпадению сейчас наблюдаю именно такой экземпляр.

– Позвольте взглянуть, сударыня.

Машу Плотникову никто и никогда не называл железной леди. В свои двадцать пять она выглядела как пятнадцатилетняя девочка: субтильная фигура, рост ниже средне-

го, большие, как бы изумлённые ярко-синие глаза на личике, словно сошедшем с обёртки классического шоколада советских времён «Алёнка». Истинный возраст Маши выдавали только солидный бюст третьего размера и манера повелительно рубить воздух ладонью при изложении некоторых принципов, которыми она руководствовалась в своей непростой жизни.

Университетские подруги дали ей прозвище Маша Триколор. Некоторые основания для этого у них были: барышня имела привычку красить пухлые губы ярко-красной помадой и наносить на лицо очень светлый тон. На таком фоне большие синие глаза вызвали прилив патриотических чувств у людей, которые не освоили простую мнемоническую формулу для запоминания порядка расположения полос на российском флаге: КГБ, то есть красный, голубой, белый. Маша неоднократно указывала подругам на то, что в её случае триколор описывается другой формулой, но те просто отмахивались от рациональных аргументов и продолжали дразнить Машу Триколором. Маша смирилась с неизбежным.

У Маши выдалось счастливое детство, её родителей можно было назвать советскими хиппи: бардовские фестивали, штормовки, походы с палатками по труднопроходимым местам отечественного Севера, поездки дикарями на отечественный юг. «Битлз» и Сэлинджер, «Пинк Флойд» и Сент-Экзюпери. Мама, свободно читающая по-английски и постоянно забывающая посолить суп, папа, кутивший необычай-

ного размера и аромата папиросы и не обращающий после этого внимания на недосол. Периодически они брались за Машину воспитание и сообщали ей массу интересных фактов: Ленин на самом деле – оживший гриб; рок-музыка – музыкальное воплощение идеалов Карла Маркса; самые крутые комсомольцы – Че Гевара и Иисус Христос, который вообще суперзвезда.

А однажды мама, оторвавшись от какой-то заумной книжки (на английском, разумеется) про связь современного феминизма с храмовой проституцией древности, огорошила девочку сообщением о том, что данное ей имя ко многому обязывает. Оказывается, в средневековой Испании существовало три ограничения для девушек, желавших посвятить жизнь самой древней профессии. В проститутки не брали девушек родом из Севильи; без разрешения родителей или опекунов и если её зовут Мария.

«Так что, Машенька, ты не можешь использовать мужчин традиционным способом сексуального рабства. Тебе нужно научиться укрощать особей мужского пола другими способами. Подумай над этим хорошенько, тебе суждено best woman стать, – напутствовала мама обалдевшую дочь. Будущей best woman тогда только исполнилось девять лет.

К тому времени, когда Маша окончила школу и поступила в университет на экономический факультет, её родители успели родить ей братика, а потом как-то незаметно развестись. Уход папы не сильно изменил Машину жизнь. Мама

по-прежнему много читала и забывала посолить суп. В походы они ходили с мамиными приятелями, которых она укрощала то ли при помощи сексуальных приёмов, то ли какими-то иными загадочными способами, о сущности которых Маше не сообщалось. Девушка научилась хорошо готовить. надоели пресные блюда маминой кухни. Маша освоила искусство домашних заготовок, её помидорки, капуста, огурчики пользовались большим успехом. Родственники и знакомые поражались, когда это мама научилась так мастерски консервировать овощи. Маша помалкивала.

Университет открыл перед ней новый мир. Речь шла не только о приобретении новых знаний, не только о знакомстве с будущей профессией. Маша приобщилась к взрослой жизни. Курящие подруги, косметика и, самое главное, мужчины. Будущая best woman с удивлением осознала, что пользуется большим успехом у противоположного пола. Вроде бы и красавицей барышню с пронзительным взглядом круглых синих глаз и тоненьким детским голоском назвать было нельзя, но мужчины чувствовали в ней что-то, заставляющее совершать не совсем адекватные поступки. Особой популярностью студентка Мария Плотникова пользовалась у профессорско-преподавательского состава.

Известный на весь универ сердцеед профессор Чиркин, состоявший в четвёртом браке со своей бывшей студенткой при разнице в возрасте между супругами в тридцать лет, принимая у Маши в первую её сессию зачёт по истории, лас-

ково заглянул ей в глаза и как-то незаметно поместил сухую ладошку на коленку девушки. Маша послушалась подруг и пришла на зачёт в мини-юбке. Плюс декольте и яркий макияж. «Старый козёл слюнями истечёт, зачёт получишь за не фиг делать», – убеждали девушку опытные студентки.

Маша прервала ответ и, не меняя размеренной интонации и не снижая громкости (отвечала она так, что слышно было во всех концах аудитории, в которой студенты готовились к зачёту), сказала: «Если глубокоуважаемый профессор не прекратит сексуальные домогательства и не вернётся немедленно к исполнению своих прямых служебных обязанностей в соответствии с трудовым договором, я буду вынуждена обратиться за помощью, защитой и поддержкой в компетентные органы. Напоминаю уважаемому профессору о том, что я пошла в школу на год раньше сверстников, а потому являюсь несовершеннолетней, растление коих, особенно при исполнении служебных обязанностей, тем более педагогом, карается как юридически, так и морально».

Всё это было пропето на одной ноте звонким детским голоском.

Покрасневший как рак профессор схватил Машину зачётку, нервно пробежался ручкой по нужным строчкам, закинул ногу на ногу и, гордо отвернувшись в сторону, процедил сквозь зубы: «Следующий».

А другому университетскому бабнику – доктору права Хусаинову, – который имел обыкновение с ментовской

непринуждённостью лапать студенток и молодых преподавательниц (профессор отдал лучшие годы жизни службе в правоохранительных органах), досталось ещё больше. Однажды, когда он по привычке хотел слегка помять Машину попку, в его руку вонзился какой-то острый предмет. Девушка запаслась шпилькой для волос. «Как вам, наверное, больно», – посочувствовала Маша Хусаинову, когда он буквально отпрыгнул от вожделенных девичьих округлостей.

Столь экстравагантные поступки на некоторое время прервали Машины отношения с мужчинами в возрасте. Она сосредоточила своё внимание на ровесниках, и следствием такого внимания стал её первый брак. На втором курсе она вышла замуж за Андрея Столярова. Кто-то из однокашников тут же вспомнил цитату из Чехова о том, что «столяр супротив плотника ничего не стоит». Как ни странно, жизнь в очередной раз подтвердила прозорливость классиков русской литературы.

– Да, Маргарита Терентьевна, персонаж действительно интересный. Прокрутим пару-тройку лет, посмотрим, что из неё выйдет.

Глава 2

Андрюша был, что называется, первый парень на деревне. Причём в буквальном смысле. Он приехал в большой город из небольшой деревушки в глухом Приуралье, где считался завидным женихом: рослый, симпатичный, спокойный. Почти не пьёт, умеет работать руками. Маше пришлось по душе открытость парня, его готовность браться за решение жизненных проблем. Когда студенческая семья сняла однокомнатную квартиру, Андрей тут же нашёл себе ещё одну работу (на первую он устроился сразу после поступления в вуз), поэтому Маша виделась с супругом нечасто. Впрочем, это её не огорчало: отсутствие мужа позволяло ей без помех встречаться с любовниками. По словам факультетских сплетниц, Маша «перетрахала всех стоящих мужиков универа». Всех не всех, но профессору Чиркину и доктору Хусаинову были принесены своеобразные извинения. Оба оказались более чем довольны. Разумеется, по их предметам студентка Плотникова (Маша не стала менять фамилию) имела только отличные отметки.

– Вот те на! В кого это превратилась наша скромница, – поразился Игорь Александрович. – Что делается в подлунном мире! Все представления о девичьей чести преданы поруганию.

– Но, уважаемый Игорь Александрович, нельзя во всём

винить только девочку. Воспитание таких родителей приносит ужасные плоды, – заступилась за Машу справедливая ассистентка. – Кроме того, обратите внимание на сексуальный аспект проблемы. Этот Андрюша ей ну совершенно не пара. С её темпераментом – девяносто процентов по шкале Клеопатры–Екатерины – совладать может только очень сильный мужчина.

– Опять ваше изобретение? – улыбнулся босс.

– Точно! – кивнула секретарша.

Маргарита Терентьевна была совершенно права. Андрей очень быстро разочаровал Машу. Его постельный потенциал оказался на низком уровне, зато Машины способности могли удовлетворить любого самого изысканного сексуального гурмана.

Андрей вскоре после свадьбы убедился, что его молодая жена обожает постельные игры. Молодой человек ещё до бракосочетания получил подтверждение того, что он оказался первым мужчиной своей будущей жены. Но сексуальный опыт первого парня на деревне оставлял желать много лучшего: пара одноклассниц на сеновале, да несколько встреч с вдовой Настасьей, которая подкармливала молодого любовника традиционным борщом. Маша представляла собой очень непростой вариант. Оказалось, что довести её до оргазма было нелёгкой задачей. Для этого требовались весьма интенсивные телодвижения на протяжении сорока-пятидесяти минут. Зато потом эти старания награждались сто-

рицей: хрупкая женщина издавала львиное рычание такой громкости, что в стены начинали стучать перепуганные соседи. Андрей, крупный парень, иногда просто слетал с дико изгибавшейся и бившейся в конвульсиях Маши, которая в эти моменты совсем не напоминала Алёнку с шоколадной обёртки.

– Ну, ты, мать, выдала сегодня, – говорил Андрей, поглаживая влажную спинку утомлённой супруги. – Я прям не знаю, что с тобой делать. Мне завтра чуть свет на работу, а мы тут с тобой опять прокувыркались два часа.

Маша ничего не отвечала, уютно посапывая под мышку Андрею. Её нисколько не волновали проблемы мужа.

«Надо будет завтра догнаться, – засыпая, думала она. – Тёма с истфака вроде бы не плох, как он на меня вчера в столовке косяка давил, все девчонки заметили».

– Возможно, вы и правы, Маргарита Терентьевна. – Впрочем, заниматься морализаторством нам не с руки, перед нами стоят несколько иные задачи. Так, давайте посмотрим варианты. Кто нам поможет организовать требуемые эмоции.

– Взгляните, может быть, это наш случай.

Бегляр Гейдарович Алибеков был очень необычным представителем азербайджанской диаспоры в России. Он не торговал на рынке, не водил такси, не крышевал розничную торговлю. Алибеков был ведущим профессором престижного российского вуза и читал в Машинной группе лекции по макроэкономике. Говорил Бегляр Гейдарович по-русски абсо-

лютно чисто, в его речи не наблюдалось ни малейших следов кавказского акцента. Методологией преподавания профессор Алибеков владел просто идеально, его лекции пользовались заслуженной популярностью у студентов.

Родился Бегляр Алибеков в Баку, рос в интернациональной атмосфере, которой славился этот красивый южный город в советские времена. Отец работал инженером на нефтепромыслах, мать была учительницей музыки. Говорили в семье Алибековых в основном по-русски. После окончания школы Бегляр уехал из родной республики и поступил в Одесский университет, после его окончания – в аспирантуру, там же он начал преподавательскую карьеру. Затем переехал в Россию, написал докторскую диссертацию. К моменту знакомства с Машей Алибекову исполнилось сорок семь лет. Он был женат трижды. И все три раза русские жёны покидали азербайджанского мужа через несколько месяцев после свадьбы. Виной тому был деспотический нрав Бегляра Гейдаровича.

– Ну, скажи, чего в нём бабы находят? – шептала на ухо Маше её подруга Маринка.

Дело происходило на лекции, которую профессор Алибеков читал с присущим ему блеском: прекрасная дикция, драматические переходы из одного регистра в другой, яркие примеры, остроумные комментарии.

– Вот это и находят. Как он говорит, как излагает! Аэд, скальд, трубадур... рапсод.

– Скажи ещё – акын.

– И скажу. Женщины любят ушами.

– Ой, кто бы говорил, Машук, – прыснула в кулачок Маринка. – Уж чем ты мужиков любишь...

Маша с притворной свирепостью ткнула шутницу в бок кулаком.

– Одно другому не мешает. К тому месту путь через уши самый короткий. Умные мужики это, кстати, прекрасно знают. И пользуются, гады.

– Это ты про Чиркина своего? – ехидно поинтересовалась Маринка.

– Нет. Он как раз неумный. Поэтому женщины его пользуют по полной программе. А этот – умный.

– Но ведь урод уродом! Рост метр с кепкой, пузан впереди него ходит. Ножки тоненькие.

– Зато какие выразительные глаза!

– Зато какая лысина!

– Зато какой нос породистый!

– Зато сколько оттуда волос торчит. И вообще, у него даже шея вся шерстью покрыта... ф-у-у-у.

– Так это, наоборот, хорошо – тестостерона у человека на целый гарем хватит.

– Барышни, я вам не очень своей лекцией помешал?

Девушки так увлеклись дискуссией, что её объект незаметно прокрался к их парте и задал саркастический вопрос.

Маша покрылась густым румянцем: она поняла, что влю-

билась.

– Очень интересный экземпляр нам попался, Маргарита Терентьевна, можно сказать, редкостный. Я даже затрудняюсь, к какой категории его отнести. Права наша Маша – от него тестостероном за версту веет, и в тоже время интеллектуальный уровень развития на отменной высоте. То есть, безусловно, самец высокоранговый. Такое встречается нечасто.

– Я с вами полностью согласна, Игорь Александрович. Удивительное сочетание антагонистических признаков в одном объекте. Тем интереснее будет с ним поработать. А, кстати, может, вы ему и фигуру с лысиной поправите? – добавила, смеясь, Маргарита Терентьевна.

– Нет, это нам не нужно. Марию, как вы видите, всё устраивает, так, значит, пусть так и будет. Кстати, я не хочу вас потерять как работника. Поэтому прошу, соблюдайте максимальную концентрацию. От него можно ждать самых неожиданных поступков.

Глава 3

Любовь преображает человека. Маша радикально изменила свой стиль поведения после той знаменательной лекции. Стала гораздо больше времени уделять двум вещам: университетским занятиям и своей внешности. Мария Плотникова превратилась в образцовую студентку: стопроцентная посещаемость занятий, полная готовность к ответу на семинарах, вовремя сданные контрольные и курсовые, блестящие ответы на экзаменах. На заработанные мужем деньги Маша полностью обновила свой гардероб: стильные деловые костюмы и дорогая обувь сменили легкомысленные топики, потёртые джинсы и растоптанные кроссовки. О том, сколько стоит её парфюм, она Андрею благоразумно не сообщала. И самое главное – Маша резко поменяла свои сексуальные привычки. Она продолжала изменять мужу, но делала это гораздо реже и настолько аккуратно, что факультетские сплетницы заговорили о внезапно образовавшейся фригидности бывшей секс-террористки. Чиркину и Хусаинову Маша вежливо, но твёрдо сообщила, что отношения между ними переходят исключительно в академическое русло. «Пошалили – и хватит, я теперь взрослая солидная дама».

В то же время половой пыл Машиного мужа убывал в геометрической прогрессии, ему всё реже удавалось извлечь из её груди страстный львиный рык. Поэтому изредка (пример-

но раз в месяц) Маша позволяла себе «догнаться». Она выходила в сумерки на охоту: присмотрев на улице подходящего мужчину, она снимала его самым откровенным образом: «Молодой человек, вы не скрасите вечерок одинокой даме, утомлённой серыми буднями? Подарите девушке приключение!» Приём действовал безотказно. Ошалевший избранник молча наблюдал за тем, как странная дама вызывает такси и диктует водителю адрес съёмной квартиры. Что интересно, в двух случаях из трёх, разовые Машины партнёры умудрялись доводить её до оргазма. Какое-то безошибочное чутьё позволяло ей сделать правильный выбор. Выдержать сорокаминутный сексуальный марафон удаётся далеко не каждому.

С Алибековым она вела себя тоже очень аккуратно: ничем не выдавая своих чувств, Маша делала всё для того, чтобы именно его назначали её научным руководителем при выполнении курсовых работ, подготовке докладов на научных конференциях и круглых столах. Естественно, диплом она делала под руководством профессора Алибекова. Бегляр Гейдарович тоже не выказывал какого-то особого отношения к бойкой студентке. Только временами в разговоре с ней он включал особенные бархатистые интонации своего отменно поставленного лекторского баритона. Иногда, проходя по университетскому коридору, Маша чувствовала на себе быстрый взгляд его подёрнутых поволокой карих глаз. Как будто кто-то хлестнул её кнутом по спине, бёдрам, ягодицам. Маша оборачивалась, пытаясь встретиться глазами

со своим избранником, но тот делал вид, что ничего особенного не происходит: подумаешь, умудрённый жизнью, почтенный профессор бросил мимолётный взгляд на свою студентку. Одну из многих.

Пока Маша завершала обучение в университете, Алибеков успел создать и почти мгновенно разрушить свой очередной брак. На этот раз жертвой пала аспирантка Люся. Через пару недель после скоропалительно сыгранной свадьбы свежеиспечённая Людмила Алибекова имела неосторожность на кафедральном корпоративе заговорить с подвыпившим профессором Чиркиным. Ладонь блудливого знатока истории некоторое время смогла погостить на округлых ягодицах аспирантки. На следующий день зарёванная Люся, пряча под тёмными очками здоровенный фингал под правым глазом и замазав пудрой рассечённую скулу, выносила скромный чемоданчик из алибековской квартиры.

Наконец Маша защитила диплом, с отличием, разумеется. По рекомендации профессора Алибекова блестящая выпускница получила место в аспирантуре и приступила к преподавательской деятельности. Андрей был в восторге. Одно огорчало Столярова, который был супротив Плотниковой: молодая жена категорически отвергала его предложения зачать наследника.

– Что ты, роднуля, какие сейчас дети, – утешала она благоверного после очередного демографического отказа. – У тебя с работой не очень ясно, а мне нужно думать о диссер-

тации. Потерпим пару годиков – там видно будет.

Через пару годиков кандидат экономических наук Мария Плотникова ушла от работающего парня Андрея Столярова к выдающемуся экономисту профессору Алибекову. Решающий шаг Маша сделал решительно и быстро. Как в омут головой.

Глава 4

Решающие события, которые привели к браку Маши и Алибекова, случились в Лобовце, небольшом заполярном посёлке, где жили нефтяники. Люди состоятельные, они имели обыкновение приобретать высшее образование и диплом престижного вуза, что называется, с доставкой на дом. Отвечая столь платёжеспособному спросу, университет, в котором трудились Маша и Алибеков, открыл в Лобовце филиал, где преподаватели вахтовым методом удовлетворяли тягу суровых добытчиков чёрного золота к знаниям.

Случилось так (случай этот, разумеется, стал результатом Машиных усилий), что профессора и его бывшую студентку поселили в одной съёмной квартире, в которой жили командированные преподаватели. По вечерам после напряжённого трудового дня (в погоне за длинным рублём им приходилось читать лекции по двенадцать пар в сутки) коллеги собирались на общей кухне и коротали время за чайком, приправленным коньячком. В тот вечер преподаватели засиделись дольше обычного, всех увлекла тема беседы, которую предложил Алибеков. О чём коллеги спорили в тот вечер, Маша толком вспомнить не могла. Вроде бы Бегляр Гейдарович изящно и остроумно разносил в пух и прах статью одного модного в то время американского экономиста. Постепенно один за другим их соседи по квартире удалились в свои ком-

наты: завтра предстоял очередной этап преподавательского марафона. Алибеков, словно не замечая, что за столом осталась всего одна слушательница, продолжал свой искромётный монолог.

Вдруг Маша приподнялась со своего стула, налила в чайный стакан хорошую порцию коньяка, лихо, по-гусарски влила его себе в горло, поставила стакан на стол и танцующей походкой направилась к Алибекову. Маша подошла к профессору и ловко примостилась ему на колени. Обвив рукой шею мужчины, соблазнительница жарко прошептала ему прямо в заросшее жёстким волосом ухо: «Мне грустно. Развлечений бедной девушке не хватает. Вы случайно мне не поможете?»

Профессор в помощи не отказал. На следующее утро коллеги уходили на работу, стараясь не смотреть друг другу в глаза. Львиный рык, раздававшийся из комнаты профессора всю ночь, не позволил бедолагам толком выспаться.

Сказать, что Маша осталась довольна той ночью – значит ничего не сказать. Каким образом профессор умудрился с первого раза раскрыть секрет дамского счастья – сказать трудно. Наследственность, богатый матримониальный опыт, руководящее участие Игоря Александровича? Главное – результат. Маша этой ночью выдала такую серию мощнейших оргазмов, что все её сомнения отпали. Андрюша Столяров – пройденный этап. Бегляр Алибеков – новая вершина, которую ей предстоит покорить.

– Машка, дурында, опомнись, что ты делаешь! – пыталась вразумить подругу Маринка. – Это же сплошной Иван Грозный: шесть жён, четырёх казнил, двоих в монастырь заточил.

– Ой, ладно тебе, вечно ты свистишь о том, в чём ни бельмеса не смыслишь! – прервала подругу Маша. – Сама ты дурында, Ивана Грозного с Генрихом VIII не различаешь. Шесть жён – это про Восьмого, а не про Грозного. У того жён было всего четыре.

– Вот ты, Машка, где-то умная-умная – а здесь ну просто балда. Какая нафиг разница: Восьмой или Грозный. Твой Алибеков обоих за угол нервно курить отправит. Ты Люсю спроси – она тебе такого понараскажет! Ни одна нормальная баба с ним больше трёх месяцев выдержать не может.

– Нормальная? Дольше трёх месяцев? Так вот, Маринище, или я ненормальная, или я с ним выдержу три года. Это – минимум. Забьёмся? На что спорим? Духи «Шанель» номер что-нибудь пойдёт?

– Да не буду я с тобой спорить. Знаю, какая ты упёртая. Но, Машуль, послушай меня в последний раз: не связывайся ты с ним. Для белой женщины жизнь в гареме, особенно если этот гарем из тебя одной и состоит, – это просто тюрьма какая-то.

– Вроде бы дурёха дурёхой, а ведь верно толмачит, – покачала породистой головой Маргарита Терентьевна. – Нашей Маше то самое и предстоит.

– Рецептúra нашего блюда требует определённых жертв.

Со стороны объекта, разумеется, – ответил ассистентке Игорь Александрович.

Глава 5

В первый раз кандидат экономических наук доцент университета Мария Семёновна Плотникова получила от профессора Алибекова на третий день после свадьбы.

– Да не буду я пить эту водку, устала уже, пойдём лучше спать.

– Пей, я сказал!

– Не буду!

С неожиданным проворством грузный профессор выскокил из-за стола, подбежал к Маше, которая покинула своё место секундой раньше, левой рукой схватил молодую жену за горло, а кулаком правой нанёс сокрушительный удар в высокую скулу. Затем он, не выпуская Машино горло, затащил едва не лишившуюся чувств супругу за стол и поставил перед ней стопку, до краёв наполненную сорокоградусной жидкостью.

– В этом доме всё делается по моему слову. Без обсуждений, самым оперативным образом. Скажу тебе пить – значит, пей. Хоть водку, хоть керосин – будешь пить. Или я буду бить. Усвоила? Пей!

Давясь водкой и слезами, Маша выполнила требование деспота.

Потом всё было как обычно: получасовой постельный сеанс, мощный оргазм, глубокий сон. Утром Маше пришлось

провести у зеркала значительно больше времени, чем обычно. Полностью скрыть следы семейного воспитания ей не удалось, так что коллеги вынуждены были прятать глаза, выслушивая от неё неубедительные байки о самооткрывающейся кухонной двери.

Урок Маша усвоила: Алибеков настолько обрусел, что всем алкогольным напиткам предпочитал водку. «Коньяк для мальчиков, вино для девочек. А мужчина будет пить только водку», – приговаривал профессор, приканчивая свою ежевечернюю дозу, пол-литра беленькой. Маша постепенно смирилась с этим ритуалом. После завершения трудового дня супруги усаживались за стол, покрытый накрахмаленной белой скатертью. Алибеков привык хорошо питаться, его жена каждый день готовила супы, мясные и рыбные блюда, острые закуски и домашние соленья присутствовали на столе в требуемых количествах. И, конечно, водка. В запотевшем от холода хрустальном графинчике. Алибеков поглощал напиток стопку за стопкой, Маше полагалась половина мужниной дозы. Морщиться не полагалось.

– Настоящая дама пьёт так, что никто не может сказать, какой именно напиток в её рюмке. Выражение лица должно быть одинаковым, пьёшь ты воду или неразбавленный спирт, – поучал жену домашний тиран.

С мечтами о рождении ребёнка Маша распростилась примерно через полгода после свадьбы. Алибеков не отказывал ей в таком естественном желании напрямую, но зачатие по-

сле совместного распития алкоголя в Машины планы не входило.

Единственным развлечением для Маши стали длинные застольные монологи профессора, посвящённые самым актуальным научным темам. И, надо сказать, благодаря этим домашним лекциям Мария Семёновна Плотникова со временем сама превратилась в блестящего преподавателя. Но самым главным в семейной жизни Алибековых был, конечно, секс. За семь лет совместной жизни с профессором не было ни единого случая, когда бы тот не выполнял своих супружеских обязанностей без уважительной причины (месячные жены или её болезнь). И обязанности эти он выполнял блестяще: полчаса интенсивной сексуальной гимнастики, апофеозом которой всегда становился мощный неоднократный оргазм.

Маша жила в каком-то полугипнотическом состоянии. У Алибекова не было друзей или хотя бы близких приятелей. Они не ходили в гости и сами гостей не принимали. Выставки, концерты, киносеансы профессор не жаловал. Супруги посещали только университетские мероприятия, положение всё-таки обязывает. Тёщу свою Бегляр Гейдарович видел всего один раз, на свадьбе.

– Я не желаю видеть эту идиотку, – сообщил он Маше, когда та спросила, может ли мама нанести им визит.

Он разрешил жене навещать мать один раз в месяц.

– Слушай, Машук, что-то давненько тебя на наших девич-

никах не видно. Подваливай завтра ко мне, мы тут кафешку мировую нашли – просто блеск! – через полгода после свадьбы позвонила подруге Маринка.

– Да ты что! Какие там девичники! Я теперь совершенно восточная женщина. Мой падишах меня держит под жёстким контролем, только что видеорегистратор мне на лоб ещё не прицепил. Заходи к нам на кафедру, кофеёк попьём, поболтаем. У меня завтра в три окно, а суровый султан как раз лекцию читает.

Алибеков действительно старался полностью контролировать все Машины перемещения. Второй раунд домашнего бокса в исполнении профессора завершился для Маши гораздо печальнее, чем первый. Побои были дополнены причинением вреда здоровью средней тяжести. Синяки под обоими глазами, сломанное ребро и выбитый зуб: пришлось брать больничный и тратить серьёзные деньги на стоматологический имплантат.

Профессора не было дома три дня, он уехал на международный симпозиум. Маше было строго предписано сразу после занятий отправляться домой и регулярно выходить на связь по «Скайпу», чтобы Алибеков мог удостовериться в её местонахождении. Кроме того, ревнивец заплатил несколько тысяч рублей своей лаборантке, чтобы та следила за Машей в стенах университета: с кем встречается, с кем разговаривает. Девица честно отработывала гонорар. Она проверяла, находится ли Маша в учебной аудитории в соответствии с

расписанием. И как раз на третий день отсутствия мужа с Машей произошёл несчастный случай. Сквозняк захлопнул дверь аудитории, в которой она вела семинар. Добросовестная лаборантка подергала ручку закрытой двери, прислушалась – и сделала вывод, что за дверью никого нет, аудитория пуста (студенты кропотливо выполняли контрольное задание, а Маша тихонько сидела за столом, заполняя учебный журнал). Алибекову тут же было доложено, что его жена в течение полутора часов находилась неизвестно где.

Карающий кулак восточного правосудия обрушился на несчастную ровно через три минуты после того, как светоч международных конференций закрыл за собой двери квартиры. Алибеков снял пиджак, освободил шею от галстука, тщательно помыл руки и угостил ничего не подозревающую супругу прекрасным апперкотом... Что интересно, избиение профессор не считал причиной, освобождающей его от исполнения супружеских обязанностей. Но на этот раз получасовая секс-гимнастика не завершилась привычным львиным рыком. Возможно, боль в сломанном ребре каким-то образом препятствует наступлению полноценного дамского оргазма.

Алибеков был суровым, но в чём-то справедливым тираном. За один проступок полагалось одно наказание. После чего осуждённая могла вернуться к обычной жизни. Бегляр Гейдарович не опустил до того, чтобы выяснять у жены, где и как она провела те злополучные полтора часа. Он по-

лагал, что разумная женщина (насколько женщина вообще может быть разумной) не повторит ошибки, которая наказывалась столь сурово.

Надо отдать должное Маше, она старалась вести себя разумно. И то, что за семь лет жизни с Алибековым она была бита всего четыре раза, – свидетельство того, что природа не обделила её интуицией и рассудительностью. В третий раз Маша была наказана за несанкционированный просмотр запрещённого мужниной цензурой телесериала. Алибеков позволял Маше проводить у экрана телевизора не более получаса в день. Она, как правило, отдавала предпочтение какому-нибудь сериалу. Но только после того, как профессор давал на просмотр добро.

– У тебя, Марьям, и так голова слабая. А ты её ещё всякой ерундой засоряешь.

«Игра престолов» была запрещена к просмотру категорически.

– Жуткая пошлость! И сделано примитивно: пять минут насилия, пять минут секса, немного экзотики, всё это связано бессмысленными диалогами, от которых повесится сам Капитан Очевидность.

Но Маринка все уши прожужжала Маше о том, какие «там миленькие дракошечки», и та решила рискнуть. Улучив момент, когда Алибеков брился в ванной (на зачистку щетины у него уходило минут пятнадцать вечером и столько же времени – утром), Маша включила нужный канал. К несча-

стью, она так увлеклась похождениями хозяйки «дракошечек», что не заметила, как супруг вернулся в комнату. Не говоря ни слова, Алибеков схватил жену за волосы, подтащил её к стене и три раза плотно приложил её лицом к бордовым с золотыми бабочками обоям, которые Маша специально заказывала подруге, жившей с мужем в Италии.

Последний раз Маша проштрафилась на седьмом году семейной жизни. И винить в этом должна была только себя: она нарушила правила настолько понятные и очевидные, что изумлённый муж обошёлся с ней очень гуманно – десять ударов ремня по голым ягодицам, согласитесь, нельзя назвать членовредительством. Был конец весны, погода стояла просто изумительная: солнце, комфортная температура. Вот Маша и потеряла бдительность. Проходя мимо бутика, она увидела платье своей мечты: лёгкое, изящное, длиной чуть выше колена, сзади небольшой разрез, выигрышное декольте. И цвет – как у пожарной машины. Маша, не раздумывая, купила это чудо. И вечером сделала супругу сюрприз: вышла к столу в обновке.

– Я не совсем понимаю, где я нахожусь, – удивлённо поднял бровь профессор, – у себя дома или в борделе?

Он вытащил из брюк ремень, сорвал с Маши платье, перекинул через колено, спустил с неё трусы и высыпал ослушнице десять горячих. Затем отнёс платье в ванную комнату, где оно и было предано сожжению.

– Игорь Александрович, семь лет – не слишком долго?

Как бы наше блюдо не перетомилось.

– Нет, нет, Маргарита Терентьевна! В самый раз. Эмоции нашей клиентки сейчас находятся в идеальном состоянии. Наступает ответственный момент: достаём блюдо из духовки и подаём к столу.

Глава 6

Размеренное течение Машиной жизни было прервано самым бесцеремонным образом. Её отношения с матерью никогда нельзя было назвать слишком душевными, а после второго замужества они ещё сильнее отдалились друг от друга. Машины визиты к матери проходили по преимуществу в молчании, «восточная женщина» использовала это время для просмотра запрещённых дома сериалов. Поэтому звонок матери, да ещё и поздно вечером, буквально за десять минут до традиционного секса, стал неожиданностью.

– Марья, у нас несчастье, – без предисловий начала мать. – Лёха разбился. На мотоцикле. Нужна операция, платная. Я такую сама не потяну. Дорого.

Маша с огромной нежностью относилась к младшему братишке.

– Сколько?

Мать назвала сумму.

«Много, но не смертельно», – подумала Маша.

– Завтра деньги будут.

Их семья жила экономно. Тратились в основном на еду и текущие расходы. Каждое лето выезжали на пару недель в Крым или в Абхазию. Алибеков за границу не стремился. На общем счете супругов скопилась сумма, раза в два превышающая стоимость операции.

Супружеское соитие в тот вечер удалось на славу. Алибеков просто превзошёл себя. Машины стоны окончательно свели с ума соседку, одинокую преподавательницу начертательной геометрии Алевтину Георгиевну. Она приняла решение: не ставить зачёт по своему предмету Диме Петрову, красавцу второкурснику, пока тот не согласится удовлетворить её сексуальные порывы. К удивлению Алевтины Георгиевны, ей удалось воплотить смелые планы в жизнь, а их роман с Петровым продолжался целых полтора года, пока ему не положила конец Танька Шилохвостова из параллельной группы.

– Беглярчик, дорогой, можно тебя кое о чём попросить? – промурлыкала Маша, деликатно тормоша засыпающего мужа за волосатое плечо.

– Чего тебе?

Маша в двух словах обрисовала ситуацию. Алибеков медленно поднялся и сел в постели. Он пристально посмотрел на Машу.

– Запомни раз и навсегда, Марьям. Больше я тебе этого говорить не буду. И так, мне на твою семью насрать. И на мать, и на брата твоего шального. Ещё раз повторяю, по буквам: н-а-с-р-а-ть. Деньги наши на них я тратить не собираюсь. А теперь – спать.

Алибеков спокойно улёгся лицом к стене, и через пару минут раздался его мерный храп.

Маша лежала на спине, вытянув руки вдоль тела. Перед

глазами у неё кружились какие-то странные кольца: жёлтые, зелёные, малиновые. В ушах пронзительно звенело. «Комар в голове завёлся, дожила», – подумала Маша и внезапно опрокинулась в глубокий, чёрный, неподвижный, какой-то вязкий сон.

Утром она дождалась ухода мужа (занятия в тот день у неё начинались позже, чем у него), собрала в два чемодана свои вещи, вызвала такси и уехала к матери. По пути она остановилась возле банковского офиса и сняла со счёта половину денег. Зайдя в прихожую материнной квартиры, Маша поставила чемоданы на пол, откинулась всей спиной на стенку и медленно сползла вниз.

«Боже, как мне теперь жить, как?» – из Машиного горла вырвался такой тоскливый вой, что за стенкой отчаянно залаяла соседская собака, милая и воспитанная немецкая овчарка Эльза, подающая голос только по команде.

На звук её голоса прибежала мать и ещё какой-то незнакомый мужчина, которого Маша видела как сквозь туман. Они склонились над ней. Мама что-то торопливо говорила про «скорую», про корвалол и про водопроводчика, мол, очень вовремя он оказался у них дома. Кажется, ещё мама плакала.

Очнулась Маша на мамином диване от внезапного щелчка. В окно, распахнутое настежь, тянуло озоном. «Гроза собирается», – пронеслось в её голове. В комнате было тихо и пусто.

Эпизод 5. Конкуренты

Глава 1

– Отменный результат! Мы в очередной раз идеально выполнили заказ. Эмоции сняты в точке ментального оптимума.

– Да, Игорь Александрович, полностью с вами согласна. Без ложной скромности – профессионально сработано. Девочку, правда, жаль. Что с ней теперь будет?

– Не извольте беспокоиться, уважаемая Маргарита Терентьевна. Эта девочка сделана из такого металла, что сломать её может только катаклизм планетарного масштаба. Что с ней будет? В ближайшие несколько недель её ожидает жесточайшая ломка. Представляете – на протяжении семи лет женский организм почти каждый день получает лошадиную дозу гормонов, которые вырабатываются во время полового акта. А теперь она этих гормонов лишена. Это просто химический шторм, ураган какой-то.

– И что ей делать?

– Подобное надо лечить подобным. Марии требуется новый источник гормонов счастья – только и всего.

– Только и всего?

– А чего вы ожидали? Или мне стоило открыть для неё реабилитационный центр?

Марго слегка смутилась. Она отнюдь не поддерживала женщин, настолько заикливых на сексе, что и голову с плеч долой не жалко. Женский мазохизм вызывал у истиной леди чувство глубокого отвращения, а формулировка «бьёт – значит любит», однажды услышанная из уст её закадычной подруги, разрушила их дружбу, как карточный домик. Если уж говорить честно, она вовсе не считала Машу Плотникову ни гордой, ни умной, ни сильной. Марго давно отвела ей постыдную роль дуры с гормональным расстройством, ради которого она могла даже запятнать великую женскую честь. Понятие для неё, Марго, непогрешимое, светлое и великое, причём не на словах, а на деле.

– Вы что-то примолкли...

Пауза оказалась слишком долгой.

– А... Нет, задумалась, извините!

Маргарита Терентьевна намеревалась промолчать, но характер взял своё.

– Мне не с руки защищать эту Машу – у меня к ней слишком много чисто женских претензий. Но в одном я с вами не согласна.

– Так-так...

Игорь Александрович опёрся руками о стол и приготовился слушать.

– Я очень уважаю ваш талант, но... Вы слишком жестоки!

– Ах, вот оно что! Я давно замечаю ваше недовольство, дорогая Марго. Но, увы, не вам тут решать. А впрочем, ес-

ли что-то не устраивает – вы свободны. Вы знаете, чем для вас это закончится, так что смелее вперёд, раз, по вашему мнению, я настолько злой и жестокий. Или, может быть, мне надлежит освежить вашу память?

При этих словах Маргарита Терентьевна мгновенно поникла, сжалась. Руки у неё затряслись. Женщина направилась к своему столу, понуро склонив голову.

Босс не смотрел на неё. Его обуревали странные видения. Он чувствовал то, чего по определению чувствовать не мог. Ему было жаль секретаршу. Более того, ему было даже немного жаль Машу, которая хоть и была сама во всём виновата, но таких унижений от мужчины уж точно не заслуживала. Он метнул свою любимую кружку в огромное стекло окна. Та исчезла, не долетев до опасной грани.

– Ну, ты у нас, Машук, просто чемпионка! Семь лет в моногареме сумасшедшего падишаха. Как тебе это удалось?

– Понимаешь, Маринка, он, конечно, и сумасшедший, и падишах. Но есть один нюанс...

Маринка вспомнила их любимый, фантастически непристойный филологический анекдот про нюанс и звонко расхохоталась.

– Что, он и правда такой, как некоторые тут намекают?

– Такой, Мариночка, и ещё два раза такой, – вздохнула Маша.

– К кому теперь на семь лет в рабство сексуальное подашься?

– Подамся, только, пожалуйста, не на семь лет, а пожизненно.

Зато он меня на те же семь лет младше.

– Ой, Машка, ну ты даёшь! Колись, я его знаю?

Маргарита Терентьевна улыбнулась, просмотрев последние минуты психоэмоционального среза. Дата стояла вчерашняя. «Он ведь не мог забыть это здесь? – спросила она саму себя. – Значит, это специально, чтобы я видела. Что ж, пусть по-своему, но он попытался помочь». А может быть, ей просто было легче так думать.

А потом она погрузилась в работу, вернее, за отсутствием таковой пустилась в бесконечные компьютерные войны с драконами. Марго не заметила, как прошёл день, а главное – упустила, что за всё это время её начальник ни разу к ней не обратился. Решив, что это результат их вчерашней так называемой ссоры, секретарша решила сама разрядить обстановку, тем более что, как она посчитала, извинения были принесены, пусть и несколько нестандартным образом.

– Могу ли я поинтересоваться, многоуважаемый босс, что вас настолько увлекало весь день, что вы даже не удостоили мою скромную персону ни малейшим вниманием?

Марго съедало любопытство, и она через плечо попыталась заглянуть в монитор Игоря Александровича. Заметим, что подобные вольности были вполне допустимы – в работе у них не было секретов друг от друга.

Шеф отвлёкся от экрана. Марго заметила покрасневшие глаза и лихорадочный блеск в них.

– Вот, взгляните. Кажется, я её нашёл.

По бульвару, подкидывая ногами запоздалые жёлтые листья, шла молодая женщина. На вид лет тридцати – тридцати пяти. Симпатичная, с привлекательной фигурой. Возможно, слишком грустная, но даже это ей было к лицу.

«Тревожная кнопка» взбесилась.

– Вот началось!

Игорь Александрович ткнул пальцем в монитор. Марго приоткрыла от изумления рот – сцена повторялась один в один, вот только героиня была совсем другая.

– И что дальше?

– А вот что...

Игорь быстро набросил пальто и помчался к дверям лифта.

– Следите за ней! – крикнул он на бегу.

Глава 2

Алиса не спеша шла по бульвару. Наверное, это были последние погожие деньки перед наступлением хмурой и промозглой осени. У природы, конечно, плохой погоды нет, но как же здорово насладиться такими приятными моментами, когда кажется, что вся природа улыбается тебе, даря солнечный свет, яркие краски и необыкновенную прозрачность воздуха. Когда синее небо не кажется осенним, облака легкие, а мысли уносятся куда-то в будущее, непринуждённо и даже немного бессвязно.

Внутренне состояние девушки диссонировало с внешним радостным блеском дня, в её душе вовсе не было той прозрачности бытия, которая сквозила в прохладном воздухе бульвара, но, поддаваясь общему настрою, она тоже не хотела грустить. Она напитывалась окружающей её красотой, почти с облегчением вдыхала прохладу осени, играла с опавшими листьями и улыбалась, несмотря на печаль, преследовавшую её по пятам.

В какой-то момент она остановилась и, оглянувшись, нет ли кого рядом, расправила руки и протянула их к солнцу. Тут она заметила мужчину. Вернее, убедилась в том, что человек, которого она давно приметила на некотором расстоянии от себя, никуда не исчез и продолжает следовать за ней.

Алиса решила продолжить игру. Несмотря на скверное

настроение, её забавляло это импровизированное преследование симпатичного, элегантно одетого мужчины на вид лет сорока. И простите ей её грех – она устала от всей той жизненно-любовной передраги, в которую попала несколько лет назад.

Сперва она сомневалась – мало ли что может показаться. Она даже вспомнила одну историю, рассказанную ей недавно подругой. Речь там шла про девушку в метро, которая полчаса строила глазки парню, сидевшему напротив, но, когда он подошёл к ней в надежде познакомиться, оказалось, что у неё просто косит глаз, а парня она даже не заметила. Естественно, Алиса не хотела попасть впросак.

Но шаг за шагом преследование становилось всё более явным. И тогда она решила прервать игру, а вернее, перевести её на новый уровень.

Алиса выбрала лавочку на солнышке, благо желающих посидеть было немного, и присела на неё, краем глаза наблюдая за происходящим. Помог ей в этом телефон – было легко сделать вид полностью увлечённой этим устройством девицы.

Видимо, она несколько перестаралась, потому что через некоторое время поняла – незнакомец сидит рядом с ней. Но она не смутилась.

Подняв голову и смело посмотрев на него, глазами она задала вопрос: «Вам что-то от меня нужно?»

– День добрый! – Незнакомец почему-то смутился под её

взглядом, можно даже сказать, потерялся.

– Привет!

Алиса сделала паузу, чем привела мужчину в ещё большее замешательство.

– Гуляете?

– А может, сразу и по существу?

Резкий тон, уверенность в себе. Она не боялась разговора со случайным прохожим. Она действительно играла с ним.

– А вы смелая! В жизни...

– Приходится.

Удивительно, но в какой-то мере Алиса с ним флиртовала, используя по полной безобидную возможность расслабиться и отвлечься.

Незнакомец попытался сказать ещё какие-то незначащие фразы, но тут Алиса его оборвала.

– Вы давно идёте за мной, но вы не маньяк и вы явно «не за тем». Так что вам нужно?

– Изумительно! – мужчина похлопал в ладоши. – Ах, так!

Он повернулся к ней в пол-оборота, так что она смогла увидеть его пронзительные голубые глаза.

– Вы тут гуляете, засоряя воздух своей несчастной любовью! Вы в ней застряли и ни туда, ни сюда. Вы почему с этим не покончите? Вы же сильная!

Он заставил Алису посмотреть на него с интересом, при этом она, конечно, постаралась скрыть свои эмоции: удивление, смущение, испуг.

– И не пытайтесь их скрыть – я всё про вас знаю, а эмоции ваши читаю, как хороший пианист нотную грамоту – прямо с листа. Справедливости ради заметим, что тут наш герой немного лукавил. Его интерес к Алисе и был вызван тем, что многое в её натуре представляло для него тайну.

Что должно произойти дальше? Нормальная девушка давно бы вскочила со скамейки и отправилась прочь. Это нормальная, но только не Алиса, вы просто плохо её пока знаете. Эта женщина приняла вызов. Небольшую паузу она использовала, чтобы что-то найти в телефоне.

Тем временем её собеседник решил, что она совсем сражена, уж собрался как-то смягчить сказанное, чтобы ненароком не свести с ума обычного человека, но тут услышал:

– Ах, так... Ну держитесь!

«Обычный человек» протянула ему телефон, где был открыт раздел «Заметки». Там он обнаружил текст с названием «Ресторан эмоций».

Оказывается, всё это время она всего лишь его искала.

– Читайте! – кивнула девушка, указывая на мобильник.

Игорь Александрович стал читать.

«Вам никогда не приходила в голову мысль, что нашими чувствами кто-то управляет? Что кто-то по своей прихоти может вызывать в нас любовь и ненависть, страх и голод, стыд и радость. Мне приходила, и не раз. Причём отрицательные чувства для них гораздо интереснее, или, как я го-

ворю, “калорийнее”. Я даже нарисовала для себя такую картинку – вот только представьте...

Ресторан в далёкой галактике. За столиком двое: он и она. Моргая длинными зелёными ресницами, она (допустим, её зовут Селия) разглядывает меню.

– Ты определилась, дорогая? – спрашивает её кавалер (пусть он будет зваться Календер).

– Да, милый! – отвечает Селия и нежно гладит его морщинистую клешню своей тоненькой трёхпалой лапкой. – Я возьму безответную любовь. Мне подружка нашептала, что её классно готовят в этом заведении.

Селия улыбается лягушачьим ротиком и поправляет салфетку. Она просто смущена, ведь это их первое свидание.

– А ты, дорогой, уже решил, что заказать?

Календер с сомнением смотрит в меню, перелистывает страницы.

– А я вот никак не могу выбрать. Сначала хотел холодную месь, потом инцест, а теперь остановился на безумном страхе.

Может быть, ты мне поможешь, моя прелесть?

Селия оживлённо машет лапками.

– Ой, только не инцест! Будешь ждать кучу времени, а что принесут, неизвестно. Месь я тоже никогда не брала. Закази страх. Он у них всегда свежий. Не прогадаешь!

– Ты – моё чудо! И у тебя безупречный вкус! – улыбается парень.

Подплывает официантка, и они делают заказ, выясняя важные детали по поводу свежести блюд и времени ожидания.

– А здесь уютно! – начинает разговор девушка.

– Да, приятное местечко. И выбор прекрасный. А ты не слышал, где-то открыли заведение и там...

Селия нагибается над столом и продолжает разговор шёпотом.

– Там подают такие блюда...

Календер улыбнулся.

– Конечно, слышал. Один мой знакомый как раз владеет таким кафе, но только... Оно подпольное!

Парень рассмеялся, заметив реакцию Селии.

– Не бойся. Это вовсе не опасно. Хотя, говорят, вставляет ещё как. Одно меню считаешь, и кровь стынет в жилах. Как тебе “изнасилование младенца”, например, или “гильотина”?

– Фу, замолчи! Ты испортишь нам аппетит! – поморщившись, залепетала Селия.

– Молчу, молчу, хотя мне показалось, что ты не прочь побывать! – рассмеялся парень.

– Нет уж. Я против наркотиков. К тому же это не гуманно!

– Конечно, а несчастная любовь – это ничего страшного.

Она не успела ответить, потому что возле столика возникла официантка, покачивая в своих восьми руках всего лишь два огромных блюда. Через миг на столе перед Селией сто-

яло блюдо с розовато-сиреневым шаром. Эфир над ним переливался всеми цветами радуги. Девушка приблизила лицо (вернее, то, что было у неё лицом) к этому шару и прошептала:

– Какая вкуснота! Это чудесно!

Шар перед Календером вспыхивал оранжевыми молниями. Он будто вибрировал и передавал эфиру свои колебания.

– Приятного аппетита, красавица!

– И тебе, милый!

Они нагнулись над шарами и погрузили головы в эфир, то есть приступили к трапезе.

А в это время на Земле...

Снаряды рвались над Славянском, и маленькая девочка в измятом хлопковом платье жалась поближе к обгоравшей кирпичной стене. Её огромные голубые глаза не отрываясь смотрели на небо. Единственным чувством, которое они отражали, был дикий детский ужас...

Вот такая картина! И она вряд ли кому-то понравится. Мне уж точно, тем более что я тоже стала одним из блюд в том меню. И я хочу вам сказать: я устрою бунт! Революцию чувств! Потому что каждый человек должен быть свободен в своих эмоциях, ведь мы их хозяева! Мы имеем право на позитив: любить, радоваться, наслаждаться жизнью. Мы научимся верить в хорошее. Нам пора перестать кормить их своими страхами, ревностью, ненормальностью! Мы отстоим правильные эмоции!»

Телефон он отдал, ни слова не говоря. Алисе только показалось, что руки у него чуть дрожали.

– Откуда ты могла знать? – единственное, что он смог произнести.

– Не знаю, но, выходит, я вас ждала...

Более странного и одновременно исчерпывающего ответа он и не мог ожидать. Но положение обязывало. Нельзя с первых минут знакомства дать этой странной особе одержать над собой верх, причём одним ударом. Надо восстановить порядок вещей: кто я и кто она? И он решил действовать. Пусть не очень корректно, зато эффективно.

– А чем занимается ваш молодой человек? – задал он спасительный для себя вопрос.

– Он писатель. Причём достаточно успешный.

– Похвально. И что у нас сейчас под пером?

– Новый роман, но об этом я не стану с вами говорить.

Алиса встала, поправила пальто и попыталась уйти.

– Стойте, вы не можете так просто...

– Очень даже могу. Или мне остаться и стать вашим подопытным кроликом? Нет уж, увольте! Прощайте!

Она быстро удалялась. Ещё миг... Он хотел броситься за ней, но предательский телефон нарушил его планы, хотя, быть может, всему своё время.

– Маргарита Терентьевна, вы... если у вас незначительный повод... да я вас уволю...

В трубке слышалось натужное посапывание секретар-

ши.

– Повод, очень повод... – слова застревали у неё на языке, – важный... Скорее сюда, у нас кажется ЧП с заказом 34/90.

Игорь Александрович махнул рукой. Через несколько секунд он уже влетел в офис.

Глава 3

Проблема, которая так взволновала Марго, была и правда серьёзная. И чтобы разобраться в ней, пришлось восстанавливать весь генезис с самой первой точки. Заказ, поступивший пару дней назад, не обещал никаких сюрпризов и неожиданностей, несмотря на то что готовить предстояло довольно сложный эмоциональный коктейль, с элементами ревности, злобы, отчаяния и сумасшествия как точки высшей эмоциональной свободы человеческой особи. Жертва – почему-то как обычно женщина. А вот исполнитель главной партии – именно здесь, видимо, и крылся главный подвох...

Делать нечего, кулинары кухни эмоций взялись детально изучать материалы дела.

В детстве Кеша Батуев был типичным маленьким жирным мальчиком. Это адское племя было наслано Богом на гибель страждущему человечеству, скорее всего, когда творец всего сущего размышлял над тем, какой казни в очередной раз предать неукротимый род людской. Потоп уже был, обрушение горячей серы вроде тоже... Нашествия саранчи, голод и мор – всё проходили. Ладно, в арсенале остались только маленькие жирные мальчики. Каждый в своей жизни хоть раз наблюдал, как эти монстры, которых становится всё больше с распространением системы фаст-фуда, ведут нескончаемую войну с мирным человечеством.

Кеше Батуеву шесть лет. Он отдыхает с мамой на черноморском пляже. Купаться Кеша любит не очень: вода мокрая и норовит в рот попасть, где и выясняется, что она на вкус горькая, точно лекарство, которое мама давала ему, когда он болел ангиной. Но Кеша мальчик энергичный (несмотря на круглое брюшко, за которое всякие гады в детсаду дразнят его жиртрестом). Он придумал себе отличное развлечение – решил топить вражеских шпионов. Кеша недавно кино видел: вражеские аквалангисты вылезают на таком же пляже (акваланги они на дне спрятали) и идут в глубь нашей территории. Что-то взрывать будут. А наши пионеры вражеских агентов выслеживают, а потом их пограничники суровые ловят.

Во-о-он тот дядька, наверное, шпион. Вынырнул неизвестно откуда. Кеша берёт крупную гальку и ловко бросает в «шпиона». Получив неожиданный удар по затылку, тот от испуга приседает и прячется под водой. Потом выскакивает на поверхность и крутится на месте, высматривая обидчика. Кеша смотрит прямо на него. Заподозрить в чём-то нехорошем невинного бутуза с пронзительно голубыми глазками-пуговками на румяной мордочке никому и в голову не придёт. Никому, кроме мамы. Мама у Кешы очень умная. Несмотря на то что на работе постоянно общается с самыми глупыми людьми на свете. Она – психиатр, главный врач областной психиатрической клиники. И она на своём веку повидала столько маньяков с невинными детскими глазками на

пухлых мордах, что Кеше её не провести. Доблестный борец со шпионами уличён под возмущённые вопли своей третьей жертвы. Кеша тут же отшлётан и лишён права на мороженое. Отшлётала его мама. Папы у Кеши нет. Просто нет – без комментариев со стороны мамы.

Но унывает мальчик недолго. Этот активный пацан постоянно ищет всё новые развлечения. Он, в общем-то, не злой. Просто ему абсолютно наплевать на окружающих. Он не воспринимает человечество как совокупность равных себе индивидов. О том, что другому человеку может быть так же больно или обидно, как ему, Кеше в голову не приходит. Не получается утопить шпионов в море – будем их встречать на суше. Предприимчивый жиртрест находит эффективное оружие борьбы с врагами. Если бутылку из-под пива (по соседству расположилась шумная компания приклатнённой татуированной молодёжи, так что бутылок у Кеши в избытке) разбить крупной галькой, а потом осколки зарыть недалеко от кромки прибоя в песок, то шпионы порежут себе ноги и не смогут потом скрыться от преследования наших подводных пограничников. Ласты на окровавленные пятки натягивать больно.

Громкий визг прыгающей на одной ноге гражданки средних лет заставил Кешину маму оторваться от очень интересной статьи в научном журнале, в этот день она так и не узнала, чем эпилептоиды отличаются от истероидов. Схватив ревущего и упирающегося сынишку за руку, она решительным

шагом устремилась прочь с пляжа. Страждущее человечество может чувствовать себя в безопасности. До завтрашнего дня.

С возрастом некоторые жирные мальчики превращаются в подтянутых суровых мужчин. Нелёгкие годы пребывания в шкуре жирдяя, жиртреста, скотобаза оставляют неизбывные душевные травмы, а потому бывшие жертвы преследований со стороны тощего большинства превращаются, как правило, в людей подозрительных и мстительных. С Кешей не произошло ни того, ни другого. Он так и не стал подтянутым и стройным. А, наоборот, с каждым годом, до самого окончания института, прибавлял в весе. При этом он каким-то чудесным образом не превратился в изгоя жестокого мальчишеского сообщества. Если его иногда и награждали неполиткорректными кличками, то звучали они как-то необидно, даже ласково. Видимо, от мамы юному Батуеву передалось умение интуитивно разбираться в психологии окружающих, и знания эти он использовал с большой пользой для себя. Помогало ему и неслабое обаяние: он умел так искренне улыбаться, глядя прямо в глаза собеседнику, что большинство его знакомых почти мгновенно проникались к нему симпатией. А с возрастом Кеша вообще стал интересным мужчиной. Голубые глазки-пуговички не потеряли своей пронзительной яркости. Плюс длиннющие ресницы, которым завидовали все девчонки его класса. Взгляд из-под подвижных бархатных бровей искрился весёлым лукавством,

парень умел состроить такую ангельски умильную физиономию, что сразу хотелось его наградить каким-нибудь шуточным прозвищем: котик, зайка, пупсик. Так что даже объёмистое пузо не помешало Кеше стать со временем удачливым сердцеедом.

– Понимаешь, Ириш, ему просто невозможно отказать, – делилась впечатлениями от близкого знакомства с Батуевым Динка из параллельного десятого класса. – Пока он тебе в глаза смотрит, пока бормочет что-то на ушко... бац! – а его лапа уже у тебя в трусах. Другому бы по морде навесила, а у этого всё как-то по-дружески.

– Ага, по-пионерски, ещё скажи. Ты смотри, Динка, так по-дружески и залететь недолго.

Но насчёт залететь от Кеши ни у кого из его школьных подружек не вышло. Мама очень внимательно следила за тем, чтобы у сына не иссякал запас презервативов. Дорогих, надёжных, безопасных, с латексом.

Глава 4

Ганя Хохлачёва в девять лет решила, что она не такая, как все. Она прямо так и сказала об этом своей злобной старшей сестрице Сашке, которая в пароксизме семейного конфликта загнала Ганю под кровать и пыталась извлечь негодницу из её убежища при помощи швабры.

– Ты, Сашка-какашка, а я пани Ганя! Я принцесса, а ты шалашовка.

– Что? Как ты меня назвала? – опешила Сашка, которая в свои двенадцать лет уже неплохо освоила дворовый лексикон, регулярно пополняемый откинувшимися с зоны родителями её одноклассников. – Я вот папе скажу, он тебе покажет шалашовку, тоже мне, принцесса из собеса!

Ганя примолкла. Отца она слегка побаивалась и очень уважала. Отец у девочек был настоящий герой. Он потерял правый глаз во время Курской битвы. Левую ногу ему ампутировали позже, в военно-полевом госпитале, куда он поступил в безнадежном состоянии: когда командира танкового взвода лейтенанта Хохлачёва извлекли из его боевой машины, его положили рядом с мёртвыми товарищами. Всё как в знаменитой песне, четыре трупа возле танка. Но лейтенант оказался на редкость живучим, его удалось спасти, несмотря на сорокапроцентный ожог тела и осколок в голове. После демобилизации молодой инвалид устроился мастером на

завод в большом уральском городе. Несмотря на послевоенный мужской дефицит, он почти десять лет проходил в холостяках, женился только в середине пятидесятых. Жили они с женой тихо, спокойно. Хохлачёв был интеллигентным человеком, не пил, не матерился. Только во время регулярных мигреней на пару суток ложился в постель и, накрывшись с головой одеялом, переживал приступ.

С перерывом в три года родились в семье Хохлачёвых две дочки. Старшую назвали Александрой в честь Пушкина (жена отставного лейтенанта была словесницей в местной школе). А младшую в метрике записали Анной, но отец почему-то упорно называл её на украинский манер Ганей (первый слог он произносил на южнорусский манер, среднее между «г» и «х»). Для близких этот каприз танкиста остался нераскрытой тайной: никаких украинских корней в роду Хохлачёвых не наблюдалось, пристрастия к малороссийскому фольклору Ганин отец тоже не питал. Уже много лет спустя, когда Ганя начала всерьёз сходить с ума, ходила в вышиванке и призывала прыгать всех, кто не относится к племени клятых москалей, она придумала себе польско-литовско-украинскую родословную. На ветвях генеалогического древа, корни которого Ганя заботливо доводила до князя Гедиминаса, были отмечены имена Марины Мнишек, Марии Валевской и почему-то Софьи Перовской. Но это было потом. А в детстве Ганя немножко стеснялась своего имени и требовала, чтобы все (кроме любимого папочки, разумеет-

ся) звали её официально: Анной. Но после смерти отца Анна снова стала Ганей.

Мать девочки почти не помнили. Тихая спокойная учительница русского языка и литературы скончалась от пневмонии, когда Гане исполнилось два года. Отец так больше и не женился, хотя через несколько лет после смерти хозяйки дома в гости к Хохлачёвым стала регулярно заходить тётя Люда. Она приносила девочкам скромные гостинцы, оставалась на ужин, а после того, как со стола была убрана (а затем вымыта) посуда, отец с гостьей уединялись в спальне.

Но через какое-то время визиты тётки Люды прекратились. Почему у Хохлачёва не сложились отношения с этой, в общем-то, приятной и доброй женщиной? Кто его знает. Может быть, к пятидесяти с лишним годам измученный ранами и болезнями организм окончательно отказался от выполнения репродуктивной функции. А может быть, свою роль сыграли укоризненные взгляды Гани и кривые усмешки Сашки, которыми они награждали отца после ухода соседки.

Через несколько лет Хохлачёв ушёл на пенсию, и всё свободное время Ганя проводила с отцом. Сашка, выполнив свою долю домашних обязанностей, убегала на улицу, где и проводила досуг в своё удовольствие в компании с самыми отпетыми хулиганами и их шальными подругами. А Ганя устраивалась на диван рядом с любимым папочкой. Они вели долгие душевные беседы, слушали радиопередачи. Но чаще всего просто читали. Точнее, читала Ганя. Вслух,

поскольку врачи категорически запретили отцу напрягать единственный глаз. Книги Ганя брала в школьной библиотеке или в шкафу, оставшемся от матери. Вкусы у отца и дочери Хохлачёвых были самые консервативные: русская классика, Бальзак, Гюго, Диккенс, Вальтер Скотт и Марк Твен. А ещё Ганя любила читать отцу стихи. И это был не вошедший тогда в моду Есенин. «Фи, дурной вкус, папа!» – наморщила носик девочка, когда отец попросил прочитать ему что-нибудь из народного поэта. Не разделяла она и любовь многих своих одноклассников к Евтушенко и Рождественскому. Её кумирами были Тихонов, Багрицкий и полуподпольные в то время Ахматова и Мандельштам. Литературные пристрастия пани Гани должны были подчеркнуть её неординарность.

Отношения с противоположным полом у дочери героя-танкиста складывались неоднозначно. Красавицей она точно не была. Дурнушка? Несмотря на жиденькие волосы мышиного цвета, которым она придавала золотистый оттенок с помощью копеечных пакетиков индийской хны, и крупные неровные зубы, уродиной её не называли даже самые заклятые враги. Выразительные карие глаза с поволокой, великолепная осанка и, самое главное, абсолютная уверенность в собственной неотразимости создавали вокруг Гани ореол настоящей роковой женщины (*la femme fatale*, как любила именовать себя эта нахалка в штопаных колготках). Конечно, интеллектуальные пристрастия отпугивали от неё

многих парней. Её острого язычка откровенно побаивались. Но зато её жизнь была наполнена встречами с множеством интересных мужчин, которых очаровывало терпкое сочетание природного аристократизма, изысканного интеллекта и редкостной стервозности.

Невинность она потеряла в девятом классе. Её соблазнителем стал командировочный из Москвы, красавец полковник, приехавший в провинцию на штабные учения. Как они познакомились? Просто поймали друг друга взглядами. Голенастая нескладная девочка-подросток неторопливо прогуливалась по одной из центральных улиц города, ожидая подругу, с которой они собирались пойти в театр на премьеру «Ревизора». Высокий стройный офицер нервно поглядывал на часы: казённая машина, которая должна была отвезти его из гостиницы в штаб округа, почему-то запаздывала. Они одновременно подняли глаза – и это случилось. Мужчина на минуту вернулся в фойе гостиницы, попросил у дежурной листок бумаги и ручку, быстро написал несколько чисел и выбежал на улицу. Молча подошёл к девчонке и сунул ей в ладошку листок. Там был написан адрес квартиры его местного приятеля, который пока не знал, что нынешнюю ночь ему придётся провести в гостиничном номере москвича.

Ганя меняла любовников с царственным спокойствием: одноклассники (позже – однокурсники), преподаватели, актёры и художники, завхозы и товароведы. Евреи, татары, пара грузин и даже эстонец, с которым она познакомилась в

Москве, куда её отправили делегаткой на съезд ВЛКСМ. Но на подсознательном уровне она искала того самого полковника: высокий, подтянутый, ни на минуту не сомневающийся в том, что его командирский статус хоть кто-то может подвергнуть сомнению. Поэтому уже после первой встречи с Пашей Кручининым не сомневалась: она выйдет за него замуж. К тому времени Ганя окончила институт и трудилась в заводской бухгалтерии. Паша, который демобилизовался из рядов вооружённых сил по ранению в Афганистане, открыл кооператив и занимался поставками компьютерной техники. Было это в разгар перестройки, времена самые лихие. Но Паша, настоящий богатырь из древнерусских былин, трудностей не боялся. Гвардейский рост, косая сажень в плечах, устрашающая репутация десантника, прошедшего кандагарский ад, – такие под мелкотравчатых бандосов не прогибаются. Плюс надёжная крыша – местный совет ветеранов Афганистана. Паша подумывал об организации собственного производства, но для реализации таких планов требовался серьёзный стартовый капитал. Бывший десантник обратил внимание на предприятие, где служила Ганя. Руководство шустро разваливало крупный завод, который располагал мощным инструментальным производством. Паша узнал через знакомых о том, что в ближайшем будущем огромный склад подшипников будет приватизирован дочерней фирмой завода, которой руководит племянник директора. Пытаясь разведать обстановку, предприимчивый отставник на-

ведалься в бухгалтерию. Так начался роман Паши и Гани, который через полгода завершился свадьбой.

Отец не дожил до этого момента два месяца. Сказались старые раны, а добила его разваливающаяся советская медицина. Влюблённая Ганя умудрилась не заметить, что отец на ногах перенёс два инсульта, а участковая врачиха уже давно не баловала ветерана своим вниманием. Сестрица к тому времени уехала на ПМЖ за границу, так что старик оказался совсем без присмотра. Однажды утром Ганя, забежавшая домой после очередной бурной ночи с нетерпеливым женихом, застала отца мёртвым. Он сидел в кресле, рядом на полу лежал упавший с колен томик Есенина.

Глава 5

Когда маленького Кешу взрослые спрашивали, кем он хочет стать, когда вырастет, мальчик неизменно отвечал: «Директором». Директором чего? Карапуз недоумённо таращил на непонятливых глазки-пуговики. Как чего? Неужели непонятно – просто директором. Главное – не дело, главное – социальный статус. Кеша ещё не знал таких мудрёных слов, но прекрасно понимал, что главное в жизни – стать царём горы... Ну, хотя бы даже маленькой горки.

В институте Кеша быстро влился в дружные ряды комсомольских активистов. Уже на втором курсе он был избран руководителем культмассового сектора. А это значит, под его полным контролем находились все институтские дискотеки. Осваивая выделяемые на проведение мероприятий средства, Батуев создал бизнес по фарцовке пластинками зарубежных исполнителей. В застойные времена это давало неплохой доход: покупка виниловых дисков через знакомых, имеющих выход на границу, изготовление магнитофонных записей с последующим распространением. К концу обучения на инженерном факультете в распоряжении Кеша была целая студия звукозаписи, оснащённая прекрасной аппаратурой. После получения диплома он ни минуты не проработал по специальности. Батуев устроился в местный Дом культуры, где продолжал свой бизнес. Когда началась перестрой-

ка, Кеша сумел приобрести квартиру и машину. Кроме того, он обзавёлся полезными связями, женой и двумя маленькими дочурками. А ещё у него появился первый настоящий друг. Бывший десантник Паша.

Чем только не занимался Кеша в эпоху первоначального накопления капитала в постсоветской России! Торговля вином неизвестного происхождения, которое прямо на железнодорожной станции его подручные разливали в квасные бочки; разведение собак модных пород с многоэтажными сертифицированными родословными, которые Кешины приятели штамповали в местной типографии; организация автобусных шоп-туров в Турцию; проведение корпоративов в самых модных кафе города в сопровождении фирменного Кешинового конференса; перегонка просушенных после наводнений «мерседесов» из Польши (небольшая контрабанда в виде сигарет и пива не исключается). Набираясь опыта, Батуев всё больше утверждался в мысли, что подавляющее большинство людей – неисправимые лохи. Их единственное предназначение – поставлять в Кешины карманы необходимое для скромной (или не очень скромной) жизни количество денежных знаков. Что интересно, он даже не находил нужным скрывать подобные убеждения. У него на лице было написано: осторожно, граждане, вас сейчас обдурят! Но Кешино фантастическое обаяние делало своё дело. Даже самые прожжённые, выдавшие виды дельцы, даже самые отмороженные бандиты покупались на Кешины улыбки и ласковые

уговоры. Он каким-то чудом выходил сухим из воды, попадая в невероятно сложные ситуации. Его вывозили в наручниках за город, а потом поили в дорогих ресторанах элитным коньяком местные авторитеты; он добивался перекредитования у самых недоверчивых банкиров. Ему давали самые неприступные красотки, самые верные жёны. Меркантильные шлюхи после стриптиза угощали Кешу дармовым шампанским, которое для них заказывали другие клиенты борделя.

Но однажды Батуев всё-таки попал. Его окрутила лилипутка Настя. На самом деле эта миниатюрная женщина, разумеется, не была настоящей карлицей. Она заслужила это прозвище за то, что её рост (если вспомнить выражение классиков) льстил девяноста девяти процентам мужчин. Монументально пузатый Кеша и крохотная Настя – эта пара вызвала у знакомых чувство умиления. Жили они душа в душу. И дружили семьями с Пашей и Ганей. Всё было чудесно: дела шли отлично, супруги любили друг друга. Но затем у них случились дети. Сначала Кешины с Настей девочки-погодки, а потом Пашина с Ганей дочурка. Несчастье обрушилось на обе семьи почти одновременно.

– Так, Настасья, по магазинам после пяти поедем, я раньше не освобождаюсь. Тут со Стасом надо потолковать, дельце одно не маленькое подворачивается. И Тимофею нужно участок в Комарово показать, серьёзный интерес проявляет. А ты Катьку после обеда из садика заберёшь, на тихий час её

сегодня не оставляй, а то опять воспиталки жаловаться будут, что эта мерзавка мальчиков подушками лупит. Машку я сам вечером прихвачу, в три отзвонишься Славику по нашей проблеме с налоговой. Слезу пускаем, глазки по телефону строим – не мне тебя учить, ты у нас уже совсем большая лилипутина. Да, как девчонку приведёшь – Тайгу на лоджии запри, не нравится она мне что-то. Течка в последнее время на неё как-то странно влияет. Машка, слава богу, у нас осторожная барышня, за три метра зверюгу обходит, а Катька к ней лезет, ничего дурилка маленькая не понимает.

– Ладно, Кент, не учи учёную. Всё тип-топ будет. Иди работай, кормилец.

Настя чмокнула Кешу в умеренно щетинистую (по моде) щеку и закрыла за мужем дверь. Батуевы проживали в просторной, чудовищно захламлённой трёхкомнатной квартире на предпоследнем этаже панельной девятиэтажки. Повсюду валялись детские вещи, по углам громоздились стопки книг и видеокассет. На обеденном столе посреди невымытых тарелок и хлебных крошек расположился одинокий мужской носок. С хрустальной люстры в спальне свешивался кружевной красный бюстгальтер. На лоджии нервно завывала и скреблась Тайга – здоровенная сука ротвейлера, племенная производительница, щенки которой отличались отменным экстерьером и эталонной свирепостью, а потому пользовались заслуженной популярностью среди домовладельцев. Настя взяла на себя «собачий» бизнес, освободив Кешино драгоценное

время для более перспективных проектов.

– Кешенька, золотко, пупсёночек...

Плачущий Настин голос в трубке не вовремя отвлек внимание Батуева от дорожной ситуации. Он в это время пытался, перескакивая из ряда в ряд, миновать сложный участок, который в часы пик отнимал у водителей массу времени.

– Что за пожар, рыбка, перезвони минут через восемь, меня тут гандон один подрезал.

– Кеша, с Каткой беда. Не уследила я, прости меня...

Беда Насти заключалась в том, что она имела дурную привычку делать два-три дела одновременно. Вот и в этот роковой день она строила глазки по телефону, пытаясь застегнуть поводок на ошейнике мечущейся во все стороны Тайги и проинструктировать двухлетнюю Катку о том, какие колготки нужно надеть взамен перепачканных кашей. В результате всё обернулось жутким кошмаром: огромная собака боднула массивной башкой миниатюрную женщину так, что та выронила телефонную трубку и врезалась во входную дверь. На шум из соседней комнаты выбежала задорная Катка с чистыми колготками в одной руке, а другой попыталась обнять псину за шею. Та разинула чудовищную слюнявую пасть и схватила ребёнка за лицо.

– Красавица ваша жить будет. Шок, разумеется, жуткий, но детская психика обладает удивительной гибкостью. Красавицей она, конечно, останется только в профиль. Такую пластику у нас в стране пока ни за какие деньги не делают, –

усталый после операции врач с наслаждением затянулся сигаретой и ушёл в ординаторскую.

Кеша и Настя остались одни в тускло освещённом коридоре городской травматологии.

Жену Батуев так и не простил. В тот же вечер собрал вещи и переехал на квартиру, которую приберегал для продажи.

Про Ганину девочку ещё в роддоме опытные акушерки решили, что ребёнок этот долго на белом свете не заживётся. И оказались правы. Продержалась Светочка всего четыре, с небольшим, месяца. И месяцы эти стали для Гани крошечным адом. Что было с ребёнком – никто ей толком объяснить не мог. Видимо, на букет генетических дефектов наложились последствия вирусной инфекции, подхваченной девочкой в роддоме.

Малышка надрывно кричала всю последнюю неделю своей недолгой жизни. Когда смолк её последний крик, обезумевшая от страданий и недосыпа мать ещё несколько часов не отдавала посиневшее тельце медсёстрам. Наконец, Гане удалось вколоть дозу снотворного, и крохотный трупик унесли в морг детской поликлиники.

Неделю после похорон Ганя никого к себе не подпускала: она заперлась в детской и не реагировала на призывы мужа выйти наружу. Когда она появилась на пороге кухни, где Паша поглощал яичницу с колбасой, тот не узнал свою жену. Тёмные круги под глазами, глубокая морщина, перечеркнувшая высокий лоб, и седая прядь на левом виске.

– Я ухожу от тебя, Пашук, – сообщила женщина, прислонившись к дверному косяку.

– Гануся, милая, давай не будем пороть горячку. Тебе нужно отдохнуть, подлечиться, обстановку сменить. Мне врачи советуют Карловы Вары. Давай на пару недель туда махнём.

Ганя отрицательно покачала головой.

– А хочешь – одна съезди. Или с подругой.

– Нет, Пашенька. Ни одна, ни с подругой. И уж тем более не с тобой. Всё. Точка. Наша семейная жизнь окончена. Не перебивай. – Ганя стукнула жёсткой ладонью по дверному косяку. – Я тебя не люблю больше. Я видеть тебя не могу. Я хочу забыть весь этот ужас. А ты – живое напоминание. Поэтому твою фотокарточку я вычёркиваю из своей жизни.

Паша перестал жевать, как-то весь сгорбился и словно уменьшился в размерах.

– Как жить собираешься? – сипло спросил он жену.

– У Кеши квартира есть, как-нибудь перекантуемся, – спокойно ответила Ганя.

– Что? – Паша треснул здоровенными кулачищами по столу так, что тарелка с остатками еды с грохотом полетела на пол. – Кешка, гадёныш, за моей спиной шашни с тобой закрутил! Прибыю мерзавца!

– Тихо ты, не психуй. Кентий пока не в курсе.

– Не понял... То есть ты к нему собираешься, а он – не в курсе?

– Ничего, это ненадолго. Ты сегодня с двух до четырёх где-нибудь погуляй, я Кешку за вещами своими пришлю.

– Как пришлѐшь? И он согласится? – Паша вытаращил на жену удивлѐнные глаза.

– Согласится, куда он денется.

– Слушай, я всегда подозревал, что ты чокнутая. Но чтобы до такой степени! А почему вдруг Кешка? Ну почему именно он? Чем он лучше? Он ведь обалдуй, жулик, прохвост, бабник.

– Зато с ним не соскучишься, – вздохнула Ганя. – А ещё у него член маленький.

Паша от изумления чуть не грохнулся с табуретки.

– Как маленький? Ты что, проверяла?

– Пока не проверяла. Мне Настька на огурцах показывала.

– А зачем тебе маленький?

– А затем! – из Ганиных глаз будто молнии сверкнули. – Ты меня своей оглоблей в мой деликатный размер за все эти годы так затрахал – никакого дамского терпежу не осталось.

Ганя развернулась и вышла из кухни, оглушительно хлопнув дверью.

Она действительно узнала о размере Кешиноного детородного органа от Насти. Иногда та умудрялась развести Ганю на разговоры о семейном сексе. Как-то раз они раскладывали по тарелкам закуску для очередного междусобойчика и откупорили банку солѐных огурцов. Настя подцепила вилкой аккуратненький корнишон и задумчиво сообщила Гане:

«Вот такого размера у Кешки моего щекотунчик».

– И тебе хватает?

– Ещё как! Во-первых, я же лилипуточка, а во-вторых, техника гармоничного секса очень нас выручает.

Ганя тогда промолчала. «Вот бы моему носорогу технику, а то въедет, как на паровозе, и всё, расслабляйся всухую», – думала она, злобно кромсая ножом на части здоровенный пупырчатый огурец.

А Кеша действительно не стал возражать, когда появившаяся на пороге его квартиры осунувшаяся, почерневшая Ганя сообщила: «Я тут пожить собралась. Недолго. Лет этак пятнадцать».

– Да хоть двадцать, – ответил Кеша и взял из рук неожиданной гостьи сумку.

Глава 6

Наконец-то Кешина мечта сбылась. Он стал директором. Два первых года их совместной жизни с Ганей были заполнены напряжённой суетой. Оптовая торговля, посреднические услуги, транспортные перевозки – чем только не промышляли деловитые супруги. Все попытки организовать собственный бизнес упирались всё в ту же проблему: нехватка стартового капитала. Ганя неоднократно удерживала мужа от операций откровенно криминального характера.

– Помни, пупсик ты мой чехословацкий пластмассовый, заветы классиков: надо чтить уголовный кодекс. Получить срок за совершение мелкого экономического преступления – фи, это пошло и неэстетично!

И вот Кеше повезло. В их город зашла федеральная сеть, занимающаяся торговлей элитным алкоголем. Три дня супруги просидели над составлением резюме, потом Кеша, нарядившись в непривычный для него костюм-двойку и галстук в тон рубашке, совершил вояж в столицу на личное собеседование.

– Ура, Ганесса! Наша взяла! – вопил Кеша в трубку. – Я теперь генеральный директор торгового представительства ООО «Бахус»!

Новая работа была Кеше очень по душе. Он приезжал в офис к обеду, проводил летучку, просматривал новости, де-

лал пару-тройку звонков, наносил пару-тройку визитов. В пять часов рабочий день господина директора заканчивался. Грузчики загружали в багажник его автомобиля пару-тройку ящиков, заполненных бутылками, и Кеша отбывал восвояси. Знающие люди из числа сотрудников филиала укоризненно покачивали головами: «Не по чину берёт наш Иннокентий!» Действительно, Кеша воровал как в последний раз. Словно лиса, проникшая в курятник, он, не думая о завтрашнем дне, использовал средства предприятия как свои личные. При этом обвинить Кешу в жадности ни у кого язык не поворачивался. Он с таким размахом проводил корпоративные вечеринки, что коллектив филиала просто души в нём не чаял (хотя доносы в головной офис поступали регулярно). Гане была куплена роскошная норковая шуба, первый же директорский отпуск супруги провели в прекрасной «пятёрке» под Барселоной. И, наконец, Кеша, поддавшись на Ганины уговоры, купил дом.

– Кентурион, балбесище, твой пир во время чумы рано или поздно закончится. Москва не будет бесконечно терпеть такие фокусы. Ведь я не волшебник, а простой бухгалтер, долго отмазывать тебя не смогу. Пока всё не прогуляли – давай гнездо семейное организуем.

Кеша внял голосу Ганиного рассудка, и они стали домовладельцами. Точнее, дом был записан на Ганину сестрицу, которая прижилась за границей и возвращаться в Россию не собиралась. Так что обратиться за взысканием на дом потенциаль-

ные Кешины кредиторы возможности не имели.

Деревянный двухэтажный особняк, обитый сайдингом и крытый металлочерепицей, располагался на участке площадью порядка пятидесяти соток. Из второго этажа открывался роскошный вид на величаво несущую свои воды реку. Участок порос беспорядочными группками рябин, осинок и диких яблонь. Летняя кухня, неказистая банька и хозблок с гаражом дополняли хозяйство новоявленных домовладельцев. Ганя тут же уволилась с работы и решила посвятить себя хозяйственным заботам: необходимо было облагородить участок, привести в порядок сам дом. Кеша поднатужился и запустил руку в кассу «Бахуса» ещё глубже. В результате Ганина усадьба обрела вполне европейский вид: клумбы и альпийские горки, приличный газон, замощённая площадка, бассейн перед баней. Кеша бросил провода к ближайшей линии электропередач – и они перестали оплачивать счета за электроэнергию. Была пробурена скважина, проложены сточные трубы, сбрасывавшие отходы жизнедеятельности обитателей усадьбы в величавые речные воды. Супруги зажили в своё полное удовольствие. Кеша обитал в городской квартире, а на уик-энд выезжал за город, где его дожидалась жена.

– Слушай, Пупс, – как-то за вечерним чаем обратилась к мужу Ганя. – Что-то я слегка заскучала. Домик в порядок привела, а кому я всю эту красоту показать могу, кто мне завидует?

– Что по этому поводу предлагает моя многомудрая супруга?

– Хочу стать владычицей морскою.

– Будь добра, переведи разговор в конструктивное русло.

– Хорошо, будем скромнее. Хочу держать открытый дом, пусть у нас будет салон. Настоящий. Чтобы к нам постоянно приезжали интересные люди, велись умные разговоры. Продвинутая музыка, задвинутые фильмы.

– А чем тебе наши соседи не угодили? Приличные люди: Федотов на кружаке рассекает, Протасов – вообще на антикварном «Ягуаре».

– И разговоров у них – кто и за какие бабки тачку взял, а жёны только про прислугу и пластику говорят. Мне надоели разговоры о видимом и материальном. Итак, пусть у нас будет салон. Задача ясна?

– Йес, мэм! – Кеша лихо приложил ладонь к непокрытой голове и закусил чай солёной селёдкой (это была его слабость, он обожал селёдку и потреблял её в сочетании с любыми блюдами и напитками). – Будет тебе шалман... то есть салон.

– Шалман-салон.

На том и порешили.

Глава 7

Ганя сама не ожидала, что её мечта сбудется с такой лёгкостью. Уже через пару месяцев о её салоне заговорили. У них с Кешей стали бывать местные и заезжие знаменитости: артисты и политики, музыканты и модные врачи, журналисты, поэты, телеведущие, продюсеры.

– Понимаешь, Ганесса, – делился секретом успеха Кеша, усилиями которого шалман-салон еженедельно заполняли приглашённые, – самая великая сила не свете – стремление человека к халяве. Пообещаешь человеку дармовую выпивку пару дней в живописном месте на природе, да ещё баньку – никто не устоит.

Каждую пятницу он забивал до отказа багажник своего «паджерика» ящиками с алкоголем и немудрящей закуской: тушёнка, макароны, рыбные консервы и, разумеется, любимая Кешина селёdochка. Если хозяину салона удавалось разжиться недорогой свининой – его гости угощались шашлыком или пловом. Но неплохой коньяк и хорошее вино вполне искупали некоторую скудость гастрономического ассортимента. Плюс баня, отменный вид из окон второго этажа и развесёлая компания. Ганя не давала скучать своим гостям. Каждую неделю она организовывала новую культурную программу. То презентация сборника стихотворений широко известного в узких кругах гоп-поэта Сазановича; то выставка

зоопорнографических шедевров художника Трубецкого; то концерт скандальной панк-группы «Чебурашка на том свете». Ганя регулярно задавала тематические балы-маскарады: субботними летними вечерами на патио её дома танцевали люди, наряженные в костюмы самых разных стран и народов. Музыкальное сопровождение могло удивить самого тонкого ценителя. Со временем хозяйка шалман-салона, приобретая связи в театральных кругах города, обзавелась целым маскарадным гардеробом. Ведьмы, принцессы, русалки, рыцари и ковбои – участнику маскарада могли подобрать костюм по размеру и по вкусу.

Игорь Александрович на миг задержал своё внимание на последнем эпизоде среза.

– Вот оно! – задумчиво произнёс он. – Вот здесь мы его просмотрели. Ведь не так они просты, эти Кеша с Ганей.

– Не то слово, дражайший босс. Вы только посмотрите, что он, стервец, наделал.

Маргарита Терентьевна отсекла очередной временной период.

Дела у Кешы с Ганей шли пока самым великолепным образом. Хозяйка постепенно переходила от достаточно невинных богемных развлечений к действиям дурного свойства. Ей всё больше удовольствия стали доставлять скандалы, которые периодически случались в её салоне. Ганя вошла во вкус и стала режиссировать подобные столкновения. Наблюдая за их разрешением, они с Кешей получали ни с чем не сравни-

мое удовольствие. Они казались себе настоящими кукловодами, для которых в домашнем театре разыгрываются интереснейшие спектакли: чёрные комедии, омерзительные драмы, вычурные фарсы.

– Скажите, профессор, как вы относитесь к ритуально-винтажному маньеризму в современной живописи?

Вопрос, заданный Ганей доктору искусствоведения Торбинскому из местного университета, носил вроде бы чисто академический характер. Так могло показаться человеку, который не был знаком с воззрениями на искусство уважаемого профессора. А вот Гане они были прекрасно известны.

– Чистейшее дерьмо, милочка, этот ваш маньеризм. Повторяюсь: более чистого дерьма, чем этот, с позволения сказать, маньеризм, свет белый не видывал с тех пор, как Илья Глазунов впервые выставил на всеобщее обозрение свою мазню. И маньеризм ваш дерьмо, и те, кто пишут в этой манере, – тем более дерьмо, в квадрате, в кубе, в восемнадцатой степени – очень большое дерьмо.

– Это ты кого, хрен облезлый, дерьмом называешь? Уж не меня ли?

Из-за плеча Торбинского выскочил, как чёртик из табакерки, знаменитый художник Рыбарь, который как раз и был одним из адептов этого самого спорного художественного направления.

– Да, батенька, именно вас. Вкупе с вашим так называемым творчеством, – надменно ответил супостату Торбин-

ский.

И уже через минуту общество могло наслаждаться редкостным зрелищем. Два разгорячённых дармовым алкоголем, убелённых сединами ветерана академических споров вступили в бой без правил: вырванные клочья седой бороды Торбинского и не менее седых бакенбардов Рыбаря, расквашенные носы и сломанные мосты – веселье удалось.

Стоит ли говорить, что Ганя завела этот разговор не случайно. А Кеша очень кстати оказался в компании с Рыбарём как раз неподалёку от места, где употребивший пару соток коньячку Торбинский излагал свои взгляды интересующейся проблемами современного искусства хозяйке.

А потом Кешу уволили. Он перестал быть директором – и сразу всё стало очень плохо.

Глава 8

Что сыграло решающую роль – доносы сотрудников филиала или результаты очередной налоговой проверки, так и осталось для Кешы загадкой. Скорее и то, и другое. Хозяин головной компании был в шоке, когда на его стол лёг отчёт о деятельности руководимого Батуевым филиала: масштабные хищения, сомнительные договоры с контрагентами, явные контакты с однодневками, чудовищный беспорядок в бухгалтерской отчётности, серьёзные налоговые недодимки... Всего этого с лихвой хватало для того, чтобы закрыть Кешу на вполне увесистый срок в тюрьме. Но руководство «Бахуса» приняло решение: сора из избы не выносить. И, самое главное, не выставлять себя на посмешище. В течение трёх лет крупным филиалом с миллионными оборотами руководил откровенный махинатор, дерзкий и беспечный жулик. Кадровая политика компании находилась под угрозой ошутимой дискредитации. Решено было расстаться по-тихому. Кеша написал заявление по собственному желанию. Перед увольнением ему были вручены корпоративная грамота «Директор года» и прощальный подарок – ящик ординарного армянского коньяка. С чем и распрощались.

Но Кеша не стал унывать. По его заданию Ганя написала пару десятков резюме, которые были разосланы по различным адресам. Кеша внимательно просматривал сайты, на

которых работодатели подыскивали руководителей для своих филиалов. Батуев руководствовался при выборе будущего места работы одним важным принципом: минимум ответственности при максимуме свободы. Новую должность он нашёл очень быстро. Впрочем, так же быстро с неё и слетел. В филиале фармацевтической компании Кеша орудовал так же, как в «Бахусе». Но ему не повезло: налоговая проверка состоялась всего через полгода после того, как Батуев занял хлебную должность. На этот раз обошлось без грамоты и прощального подарка. Затем в течение двух лет Кеша ещё трижды искушал судьбу, занимая руководящие должности в различных компаниях, но нигде дольше четырёх месяцев не задержался. Потом как отрезало. Видимо, Батуев попал в негласный чёрный список, и перспективные работодатели перестали обращать внимание на заманчивые резюме, которые Ганя писала с редкостной изобретательностью.

Через полгода после того, как Батуев был уволен со своей последней работы, деньги в семейной казне Гани и Кешы иссякли. Две недели супруги питались консервами и домашними запасами. Потом Ганя предъявила мужу ультиматум: или он находит деньги, или развод. И Кеша нашёл выход. Он обложил поборами посетителей шалман-салона. Хотите отдохнуть весело на природе? За свой счёт. Плюс подкормите хозяев. Можете привозить друзей, знакомых. Но этих уже за деньги. Завсегдатаи Кешинной усадьбы быстро усвоили новые правила, однако устроили они далеко не всех. Со-

лидная публика скоро перестала сюда ездить, поскольку у Батуева можно было встретить очень странных персонажей: не только божественных художников и поэтов, но и татуированных с ног до головы недавно откинувшихся сидельцев, кокаинистов с безумными глазами, средних лет барышень облегчённого поведения. Однажды проняло даже невозмутимую Ганю, хотя она привыкла снисходительно относиться к чудачествам своих гостей. Художник Рыбарь привёз на празднование своего дня рождения целую компанию развесёлых девиц, которые, на радость имениннику, исполнили разухабистый канкан, сверкая потными ляжками. Пытаясь отдышаться после исполнения этого зажигательного номера, одна из артисток села в уголке патио рядом с Ганей и завела с ней душевную беседу. И через пару минут хозяйка салона узнала, что девочки – самые настоящие профессионалки. Только не в танцевальном искусстве, а в искусстве любви. Но любви не бескорыстной. Бессовестный Рыбарь, оказывается, по оптовой цене закупил на вечерок услуги команды проституток из знаменитого на весь город стрип-клуба «Мухоловка».

– Ты, Рыбарь, охренел окончательно! – Голос разъярённой Гани перекрыл звуки музыки, под которую лихо отплясывали гости именинника. – Притащить шлюх в приличный дом! Чтобы духу их здесь не было!

– Что ты, голубушка, – Рыбарь растянул в пьяной улыбке свои полные губы. – Всё нормально. Я политесу с детства обучен. В приличный дом – ни-ни! Только к тебе!

Ганя отвесила наглецу такую мощную оплеуху, что тот кубарем полетел под стол, сбивая, как кегли, ошарашенных таким оборотом дела гостей. Кеша конфликт ликвидировал довольно оперативно: шлюхи уехали на заказанном за счёт именинника такси, а Рыбаря тихонько увели на мансарду, где он благополучно заснул в старом кресле-кровати.

Наутро Ганя поставила Кеше новый ультиматум: никаких сомнительных гостей. Или развод. Муж ласково кивал разбушевавшейся супруге, соглашаясь со всеми её требованиями. Больше проститутки в доме Батуева не появлялись, по крайней мере откровенные профессионалки. Но репутация дома была основательно подпорчена.

А вот Кешу репутация салона совсем не беспокоила. Его волновали другие проблемы. Жена с некоторых пор категорически отказывалась исполнять супружеские обязанности. Говорят, что для некоторых женщин роль важнейшего вторичного полового признака мужчины исполняет толщина его кошелька. Ганя явно входила в их число. Как только Кеша перестал зарабатывать – он тут же утратил для неё всяческую сексуальную привлекательность. Она уже основательно позабыла, какие страдания её «деликатному размеру» доставлял гигантский половой орган предыдущего мужа, и начала злобно попрекать Кешу его микроскопическим сексуальным оснащением.

– На его конец вполне можно ватку намотать и уши им от серы почистить, девочки! – громогласно оповещала она по-

друг после того, как Кеше после долгих уговоров удавалось затащить её в постель. – Даже в носу толком не поковыряешь, хотя нос, как вы сами видите, у меня не самых гигантских размеров.

Кеша стоически сносил публичные оскорбления и не реже одного раза в неделю пытался добиться от супруги взаимности. Удавалось ему это нечасто. От этого страдало Кешино самолюбие, но отнюдь не его половые аппетиты. Его мужская харизма с возрастом не ослабла (если не принимать в расчёт Ганины настроения), а возможностей для того, чтобы завязать ни к чему не обязывающий лёгкий роман, у Батуева было предостаточно. Вообще он считал всех женщин, приезжающих в Ганин салон, своей законной добычей. Всех без исключения, невзирая на возраст, внешние данные и социальный статус. Кеша игриво поглаживал приглянувшуюся ему человеческую самку по спинке, незаметно его лапища опускалась на ягодицы жертвы, тем временем пузатенький донжуан что-то нашептывал в розовеющее от смущения ушко и подталкивал даму к дверям бани. Кеша заслуженно пользовался репутацией замечательного банщика. Он мог так отходить клиента парой веников с двух рук, что дух счастливого отделялся от брэнного тела и возносился к покрытым паром вершинам физиологического наслаждения.

– Нет, нет, дорогуша, только голенькой. Спускай-ка, дорогуша, трусишки. По нашему русскому обычаю париться нужно на голое тело. И нечего стесняться, здесь все свои: ты

да я, – ласково приговаривал Кеша, помогая очередной любительнице парилки освободиться от нижнего белья.

Что потом происходило с ослотившимися от оздоровительной банной порки дамами – не составляло секрета для большинства гостей Ганиного салона. Сколько раз её подруги, не вовремя заглянув в предбанник, становились свидетельницами весьма откровенных сцен и с пунцовыми лицами бежали к Гане, стремясь просветить несчастную жертву супружеской измены.

– Ой, Гануся, что я сейчас в предбаннике видела, ты вот Наташку подружкой считаешь, – стрекотала, выпучив маленькие белёсые глазки, Жанна Сатановская, у которой были все основания насолить Кеше. Тот только раз попарил её в заветной баньке, а потом стал отказывать в этом удовольствии назойливой бабёнке по причине её редкостного плоскожопия и фантастической стервозности.

– Они там с Кешей твоим...

– Стоп! Ни слова, подруга. Позвольте мне не знать о грехах моего мужа.

Ганя, приподняв надменный подбородок, покинула изумлённую Жанну и отправилась на традиционную прогулку к расположенному поблизости пруду, покрытому густой ряской. Вечерами здесь то звучали изумительные хоры сексуально озабоченных лягушек, то насвистывали в ближайшей ольховой роще соловьи.

Глава 9

Милочка была совсем не в Кешинском вкусе: реденькие кудряшки, невыразительное личико, светлые глаза неопределённого цвета. Где-то под пятьдесят (Кешина ровесница), выглядит на свои: лицо покрыто сеточкой морщин, сутулые плечики. Пару лет назад Милочка овдовела, жила теперь с пожилыми родителями и двадцатитрёхлетним сыном в небольшой двухкомнатной квартире. По профессии – искусствовед, преподаватель местного университета. Специализация – история народного костюма. Кто её привёз в усадьбу Кеша и Гани, так и осталось неизвестным. Но Милочка, как ни странно, там прижилась. Она не принимала участия в интеллектуальных дискуссиях, не участвовала в интригах и скандалах, которые так развлекали хозяев шалман-салона. Милочка тихонечко сидела в уголке и, улыбаясь чему-то понятному только ей самой, занималась каким-нибудь рукоделием: вязала шарфики, плела макраме, нанизывала бисер, составляла букеты из цветов, собранных на Ганиных клумбах. Кеша обратил на неё внимание только в третий или в четвёртый её приезд. Тот уик-энд выдался необычно спокойным, гостей приехало мало, тому виной была дождливая погода. Кеша откровенно скучал – ни тебе скандалов, ни симпатичных женщин. Ганя снова отказала мужу в близости, сославшись на усталость. Она полдня потратила на то,

чтобы избавить площадку перед домом от сорняков. Кеша в своё время не позаботился уложить брусчатку как надо, а потому во все щели между брусками лезла трава, что не соответствовало Ганиным представлениям о том, как должен выглядеть ухоженный дворик перед усадьбой.

Кеша в очередной раз выслушал громогласное мнение жены о его сексуальных, деловых и интеллектуальных способностях, о судьбе, которая ждёт его непутёвых дочерей (развратницы и дуры – явно в папашу), о генетической предрасположенности рода Батуевых к сумасшествию (у твоей мамочки маразм, перемежающийся бурно текущей шизофренией) и вышел на веранду подышать свежим, напоённым ароматами ранней осени, насыщенным водяными парами воздухом. И тут он заметил Милочку. Та подняла взгляд на хозяина усадьбы и нежно ему улыбнулась. Она отлично слышала, как на Кешину голову обрушиваются гневные Ганины инвективы.

– Удивительно, как некоторые не понимают своего счастья, – тихо заговорила Милочка как бы сама с собой. – Рядом с тобой большой, сильный, добрый мужчина – чего ещё от жизни надо?

Кеша словно лбом на каменную стенку налетел. Он внимательно посмотрел на сидящую перед ним маленькую женщину и, преодолевая непонятно откуда взявшееся смущение (смущаться Кеша отвык ещё в раннем детстве), нарочито грубо сказал: «А не продолжить ли нам эту тему в баньке,

гражданочка?» Милочка отложила в сторону вязание, встала с кресла и протянула Кеше руку.

Уже в предбаннике, помогая даме разоблачиться, Кеша с удивлением обнаружил резкий контраст: обладательница пятидесятилетнего лица сумела каким-то чудом сохранить тридцатилетнее тело: гладкие стройные ножки, подтянутая круглая попка, аккуратная грудь. «На вид очень даже неплохо, – подумал банщик-ловелас, – интересно, как будет на ощупь».

Тактильные ощущения оказались ещё лучше визуальных. Массируя Милочке спину, пятидесятилетний Кеша ощутил мощнейшую эрекцию, которой мог позавидовать двадцатилетний юнец. Изголодавшаяся по мужской ласке вдовушка чутко реагировала на каждое Кешино прикосновение, а первый оргазм она испытала уже через пару минут после проникновения в её лоно Кешино жезла любви (именно так Милочка называла мужской половой орган). Батуева поразили звуки, издаваемые его миниатюрной любовницей при оргазме: низкие, грудные стоны, чем-то напоминающие песни китов, которые исполняются этими гигантскими животными на просторах Мирового океана.

Банный сеанс продолжался до самого утра. Плоскожопая Жанна пару раз заглядывала в парилку, но доложить Гане о результатах своих изысканий не осмелилась.

Так Кеша нашёл свою вторую жену. Причём супруга номер один не догадывалась о перемене своего семейного ста-

туса полгода после того, как Кеша поселил в её городской квартире Милочку. Через какое-то время Ганя с удивлением констатировала исчезновение сексуального внимания к себе со стороны вечно озабоченного мужа. «Что это с ним? – рассеянно думала она, глядя на Кешу, который прогуливался по участку, собирая с Милочкой опавшие листья для гербария. – Может быть, возраст? Отбегали ножи, отпел голосок? Ладно, одной проблемой меньше».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.